

Алексей Поликовский
РОССИЯ ЗАГРОБНАЯ

Алексей Поликовский

РОССИЯ ЗАГРОБНАЯ

Россия загробная
Алексей Поликовский

2012 © Алексей Поликовский
Все права защищены

Алексей Поликовский
weter@pisem.net

Эта цифровая книга, в том числе ее части, защищена авторским правом и не может быть воспроизведена, перепродана или передана без разрешения автора.

Если вам понравилась цифровая книга, рекомендуйте своим друзьям скачать собственную копию с сайта XinXii.com. Спасибо большое, что Вы с уважением относитесь к работе автора!

Глава первая

1.

Президент России принял президента российской Академии наук по его настоятельной просьбе в десятом часу вечера. Просьб, собственно говоря, было несколько: весь день из Академии звонили в администрацию, настаивая на том, чтобы встреча состоялась как можно скорее. Подобное нетерпение вкупе с нарушением субординации (график встреч президента России утверждается на несколько недель вперед) вызвало скептическое пожатие плеч у некоторых людей в кремлевских кабинетах; но в конце концов прямой звонок президента Академии руководителю администрации решил дело. Речь шла об информации чрезвычайной важности, которая могла быть доложена только лично.

Президент поднялся навстречу академику и с улыбкой указал ему на кресло у своего стола. За последние восемь лет академик видел президента семь раз; изменения в его внешности были столь значительными, что это был уже как будто совсем другой человек. За время, которое он руководил Россией, он потерял почти все волосы, а цвет ушел с его лица. Теперь он был перманентно бледен, словно проводил время не в Кремле, а в каменоломне. Сейчас у него было усталое, обескровленное лицо с бледными губами; и все-таки в иронической полуулыбке этого человека было что-то ободряющее. Эта едва намеченная в углах губ улыбка относилась и к той настойчивости, с которой академик домогался встречи, и к нарушению правил игры, и даже к отсутствию папочки в руках у посетителя. К президенту обычно все приходило с папочками в руках, которые и открывали перед собой, начиная докладывать.

— Чем обязан?, — спросил президент России президента Академии наук, откидываясь на полукруглую спинку обитого темно-зеленым шелком кресла и с вежливым вниманием глядя в лицо собеседнику. — Вы меня заинтриговали вашим визитом. Мне сказали, что-то срочное?

— Да, Владимир Владимирович, очень срочное, — отвечал академик. — Информация настолько уникальная, что я даже не считал возможным ознакомить с ней руководителя вашей администрации. Я стремился как можно скорее встретиться с вами, потому что вы должны быть первым, кто узнает ТАКОЕ.

— ТАКОЕ? Что же это такое?, — с едва уловимой иронией спросил президент, взял из прямоугольного стаканчика с маленьким золотым двуглавым орлом на боку остро отточенный карандаш и держал его в руке, не собираясь ничего писать. Он внимательно слушал и при этом был несколько рассеян.

— Я хочу сообщить вам об открытии, сделанном нашими учеными, работающими в Институте физики высоких энергий в городе Протвино на Оке. Это открытие такого свойства, что о нем даже трудно говорить. Оно уникально, и я горжусь тем, что его сделали мои соотечественники в России. Открытие неправдоподобно. Но оно — правда.

— Ну хорошо, я понял, это что-то из области физики, — кивая, сказал президент, — но я не очень хорошо знаком с исследованиями в Протвино... Чем там занимаются наши ученые? Если бы вы предупредили меня о вашем визите заранее, мне подготовили бы справку...

— Мы открыли, что смерти нет, — скороговоркой вымолвил академик, не дожидаясь, пока президент закончит фразу. Он произнес эти слова так тихо и так быстро, как будто сам страшился того, что говорил. Странная, произнесен-

ная скороговоркой фраза скользнула в бесцветный воздух Кремля и исчезла в нем, словно ее и не было.

Президент поднял свои бледные, прозрачные глаза и с внимательной строгостью посмотрел в лицо академика. Тот молча выдержал взгляд. Карандаш в правой руке президента стал мелко постукивать по столу. Тук-тук. Тук-тук. За спиной академика матовый золотистый диск часов в корпусе красного дерева бесшумно отмерял секунды на подступах в десяти вечера. На темных пустынных аллеях Кремля не было ни души. По ту сторону высоких красных стен сияла огнями и не собиралась ложиться спать неутомимая летняя Москва. Все было как всегда, но секунда в тихом кабинете хрустнула, как прутик, и время человечества переломилось.

— Занимательное сообщение... Я рад это слышать... Снова ироническая полуулыбка тронула его узкие губы. — Объясните, пожалуйста, что вы имеете в виду.

— Я имею в виду то, что сказал. В результате эксперимента, проведенного в ускорительно-накопительном комплексе, было обнаружено, что смерти нет. Люди, умирая, не исчезают, как мы полагали до сих пор, а уходят в другой мир. Мы обнаружили физическое существование другого мира по соседству с нашим. Они соединены между собой.

— Вот как!, — с легким удивлением сказал президент России. — Уж сегодня вечером я этого точно не ожидал! И лицо его, только что, в этот поздний вечерний час, производившее впечатление изможденного, вдруг ожило, так, словно он почувствовал в словах собеседника вызов или очутился в ожидании схватки на татами. Абсурдная новость развеселила его и доставила ему удовольствие. — И как же они соединены?

— Вот это нам еще предстоит выяснить. Судя по первым полученным результатам, само понятие смерти теперь следует считать ошибочным. Есть только жизнь в разных формах. Практически это означает, что нами обнаружена дверь во второй мир, куда уходят те, кого мы считаем умершими. На сегодняшний день и час нами установлена и налажена связь между двумя мирами, хотя мы и не понимаем пока, как эти миры сообщаются и на каких физических основаниях связь работает. Ясно только одно: если туда можно уйти, то оттуда можно и прийти.

— Очень интересно! То есть, если я правильно Вас понял, это не гипотеза? — сказал президент, решительным жестом устанавливая карандаш обратно в черный эбонитовый стаканчик на массивном письменном приборе. Легкая тень сомнения по-прежнему была в его голосе... пять процентов неуверенности... желание последних, убедительных, точных слов, которые поставили бы точку в этом удивительном разговоре.

Академик понял.

— Владимир Владимирович, я президент российской Академии наук. Я нахожусь в здравом уме и не склонен к шуткам. Только что я сообщил вам научный факт величайшего, всемирного значения!

2.

На следующее утро вертолет президента России приземлился на центральной площади города физиков Протвино. Еще через четверть часа президент со свитой входил в здание Объединенного центра ядерных исследований.

На широких ступеньках главного корпуса его ждал директор института академик Лоренц-Валиулин. Это был грузный человек с лицом, на котором выделялись набрякшие подглазные мешки. Еще через десять минут, быстрым шагом пройдя по коридору, освещенному нездоровым светом люминесцентных ламп, президент и сопровождающие его лица вошли в обыкновенную желтую дверь лаборатории. Таких дверей тут были сотни.

Войдя, президент очутился перед молодым человеком в мятом, косо застегнутом белом халате. Лицо молодого человека было как будто собрано из неподходящих друг к другу частей. Лоб высокий, но неправильной формы, на кривоватом носу очки в грубой черной оправе, а рот печально съехал по подбородку и остановился за секунду до того, как сорваться с лица и упасть на пол. Черные, чуть косящие глаза смотрели на президента России с нескрываемым удивлением. Молодого человека удивляло то, что президент, которого он считал порождением телевизионных пиарщиков, оказался реальным человеком из плоти и крови.

— Старший научный сотрудник, кандидат физико-математических наук Илья Александрович Вермонт, — сказал директор института. — Открытие, конечно, является, так сказать... Лоренц-Валиулин стал запинаться... — плодом многолетнего труда многих ученых... шесть академиков... тридцать два доктора наук... сорок четыре профессора... под руководством... секретаря отделения физики... крупного организатора... нашей науки... в рамках и по заданию... Тут президент посмотрел на академика с такой большой симпатией, что тот, словно подкинутый пинком, моментально вылетел из своих запинаний. — Но непосредственная честь обнаружить дверь в загробный мир принадлежит Илье Александровичу. Илья Александрович, объясните президенту...

— Господин президент, Вы с теорией поля знакомы? С квантовой механикой, ну хоть в общих чертах? С интерпретацией Эверетта...?

— Не знаком, — сказал президент.

— Я так и думал, — молодой ученый мрачно скрестил руки на груди. — Тогда послушайте! Его речь, полившаяся плавно и быстро, была абсолютно непонятна никому из присутствующих: слова по большей части все знакомые, а общий смысл не улавливался. Даже директор института, академик, физик и автор ста тридцати научных трудов, тоже не очень хорошо понимал. Молодой человек в перекошенном халате, печально глядя поверх съехавших по кривому носу очков, быстро говорил что-то о массе, энергии, квантах, кварках, мю-мезонах, волнах, скорости света, бозонах, гравитации, переходе количества в качество и началах термодинамики. Иногда он вдруг выпадал в какие-то формулы и числовые ряды, которые шпарил, закатывая глаза и совершая в уме сложные математические операции.

— Очень хорошо, очень понятно вы излагаете!, — похвалил президент с едва уловимой улыбкой. — Я даже кое-что начал понимать в физике! Ну а не мог бы я теперь взглянуть на доказательство вашего открытия?

— Доказательство?, — разочарованно переспросил молодой ученый. — Ну пожалуйста!, — с выражением быстро наступившей скуки отвечал старший научный сотрудник Вермонт, отходя в сторону и пропуская президента дальше, к стеклянной стене, открывавшей вид на соседнее помещение. То, что президент назвал доказательством, сейчас почти не интересовало молодого ученого, который считал его несравнимо менее важным, чем теория, над которой он думал уже несколько суток подряд. Ученый уже понимал, что таких доказательств

в ближайшее время может появиться пруд пруди на улицах российских городов; но как объяснить это явление мертвых и как контролировать то, что случилось в результате эксперимента, который имел совсем другие цели?

За толстым, трехсантиметровым стеклом, способным выдержать выстрел из автомата, в помещении с белыми пористыми стенами сидел на стуле морщинистый, неопрятный, серый мужичок в замызганном свитерке, обтрепанных по низу синих брюках и грязных белых кроссовках. Мужичок был небрит. Он сидел, опустив глаза, как в полусне, а потом вдруг встрепенулся и принялся озираться диковатым взглядом. Президент смотрел на него с тем интересом, с каким посетители зоопарка глядят на обезьяну в клетке. «Так вот как она выглядит, смерть», — подумал президент. «Ах да, смерти же теперь нет». На лице его по-прежнему была спокойная, невозмутимая полуулыбка.

— Посмотрите вот сюда, — мягко беря президента под локоть и подводя его к столу, сказал директор института. На столе лежала толстая медицинская карта с вклеенными в нее электрокардиограммами, результатами анализов и заключениями врачей. — Мы ее забрали из архива. Обратите внимание на последнюю страницу. Он быстро перекинул разбухшую пачку страниц справа налево, открывая нужную.

— Николай Иванович Чебутыкин, — прочитал президент. — Эпикриз... Анамнез... Умер 15 декабря 1986 года. Похоронен на кладбище деревни Липицы.

— Вон он теперь тут у нас сидит, — кивнул на мужичка директор института академик Лоренц-Валиулин, и в его глазах, снабженными тяжелыми, свисающими подглазными мешками, промелькнуло отчаяние. — Пьет все время. Жажда у него. Икает. Медики в недоумении.

— Вижу, — сказал президент, опять подходя к стеклу. — А где же дверь туда?

— Вся эта комната и есть дверь туда. Но сейчас она закрыта. Мы выключили все оборудование, и линейный ускоритель, и ускорительно-накопительный комплекс... Он поэтому и не может от нас уйти. Попался, как в мышеловку.

— А кто же тогда лежит в могиле?, — резонно спросил президент.

— Мы не проверяли. Вскрывать могилы не наша компетенция. Но Илья Александрович, — директор институт бегло взглянул на молодого физика, стоявшего чуть поодаль со скрещенными на груди руками и закрытыми глазами, — полагает, что могила пуста. У Ильи Александровича есть несколько гипотез...

— То есть он прямо из могилы попал вот в эту комнату?

— Выходит, что так. Объяснить этого мы пока не можем.

— Хорошо, — президент кивнул. — Я хочу его кое о чем спросить! Он подошел к селектору с большой желтой кнопкой. Чья-то рука вдруг выскочила из массы черных и серых костюмов и услужливо нажала кнопку. Президент за годы пребывания у власти уже привык к тому, что услужливость, подобострастность, радость и восторг могут выражать не только лица, но и отдельные части тела, и относился к этому спокойно, как к одному из свойств человеческой природы.

— Здравствуйте, Николай Иваныч! — мягко сказал президент, и динамики гулко разнесли его голос по помещению. Мужчина вздрогнул и уставился в стекло. — Как вы себя чувствуете?

— Плохо мне тут.., — сказал когда-то умерший, а теперь снова живой Чебутыкин. — А вы кто такой будете? Он слабо икнул.

— Я президент России.., — представился президент, но мужичок за стеклом не поверил. Это было понятно по его лицу. С лица не уходило упорное выражение тоски и какого-то угрюмого и даже злобного неверия, словно он никак не хотел смиряться с тем, что с ним случилось. Он выглядел как человек, уверенный в том, что все окружающие сговорились мучить и морочить его с непонятными намерениями.

— Отпустили бы вы меня назад, что ли, а, мужики, — попросил он.

— Николай Иванович, я хочу вас спросить об одной деликатной вещи. Вы знаете, что вы умерли?

Человек за стеклом тяжело вздохнул. Его спрашивали об этом в сороковой раз. В сороковой — это только сегодня. А еще было вчера и позавчера...

— Знаю. Ну умер. Ну вам-то что? Вы венки мне пришли положить? Ну чего вы пристали-то ко мне, а, мужики? Чего вы все об этом талдычите? И вы все скоро тоже умрете!

— А что там, куда вы хотите вернуться? Там — что?

— Там что? Там-то что?, — вопрос поставил прибывшего с того света Чебутыкина в тупик. — Э, там-то много чего! Он вздохнул. — Ну страна там такая... обширная... ходи куда хочешь... мильтонов нет... паспорта отсутствуют... рыбалка зато есть... красиво очень... холмы и горы.

3.

В тот же день Совет Безопасности, собравшись в Кремле на экстренное заседание, принял решение до выяснения обстоятельств наложить гриф высшей степени секретности на все работы по связи с загробным миром, ведущиеся в наукограде Протвино, закрыть въезд и выезд в город и принять все меры по недопущению утечек информации. Выполнение решений было возложено на директора ФСБ генерала армии Затрапезникова, который тут же, по закрытой связи, распорядился создать на всех предприятиях города первые отделы, расположить в окрестных лесах антитеррористические подразделения "Альфа", "Бета", "Омега" и "Звездопад" и обязать всех ученых подписать документы о неразглашении. Но именно в тот день, когда кандидат физико-математических наук Илья Александрович Вермонт, не читая и не вникая, подписывал бумагу о неразглашении, в старом московском особняке в Сытинском тупике, на втором этаже, в зале с лепниной на потолке, за длинным столом с озабоченными лицами сидели четыре человека. Стол был накрыт зеленым сукном и снабжен стеклянным блюдом с графином воды и пятью стаканами.

Это был узкий круг руководства Коммунистической партии. Эти четверо знали все: тайные соглашения партии и власти о поддержании стабильности в стране, и подлинные результаты выборов, расходившиеся с опубликованными, и содержание бесед, которые перед каждыми выборами велись в Кремле, где обсуждалось и утверждалось, кто сколько процентов получит и какие обязательства за это на себя возьмет. Сейчас первый секретарь компартии Иван Федорович Бурлак, сидя во главе стола, делал доклад о текущем положении в свете экстраординарного события.

— Как сообщают нам наши информанты в органах, — тяжелым чугуновым голосом говорил первый секретарь, — город Протвино уже отрезан от внешнего мира. С ученых берут подписки... В лабораторию назначены офицеры

с Лубянки... Ничего другого от этого полицейского режима ожидать было нельзя...

— Но к чему же они там готовятся, в органах? Что все-таки они собираются делать с открытием?, — подал голос один из присутствующих, моложавый человек в синем костюме, говоривший хакая и гакая, с явным южным акцентом.

— Они не знают. В Кремле паника, — сказал другой. — Они понимают, что удержать в тайне это невозможно, но пытаются, потому что они в ужасе, что будет с их стабильностью. Они же молятся на свою стабильность. А тут вдруг... какая стабильность, если смерти нет?

— А какая секретность, если они уже заказали трем академическим институтам исследования о последствиях? Человек триста знают, Павловский с Белковским уже строчат аналитику, вот-вот узнает пресса, — сказал третий.

Бурлак откашлялся. У этого человека был дар тяжелой, чугунной значительности. Он умел говорить самые простые или иногда даже очень глупые вещи с таким лицом, что все вокруг послушно замолкали и внимали ему с уважением. И теперь, внимая его кашлю, все тоже замолчали и смотрели на него в ожидании.

— Мы собрались на совещание не затем, чтобы обсуждать павловских-белковских, а затем, чтобы решить, что нам делать в ответственный для страны и народа момент, — сказал он. — Все вы понимаете, что встает вопрос о том, как будет использовано открытие. Режим недаром засекретил информацию: они сейчас там решают, как приватизировать дело. Нефть, газ и бессмертие... Он усмехнулся. — Чубайс уже ездил в Кремль с планом создания нового РАО, в уставный капитал которого войдет система коммуникаций между жизнью и смертью. Нанотехнологию похерили уже, — усмехнулся он своим твердым, негнушным ртом. — Двадцать пять процентов акций отдать Западу, еще двадцать пять продать олигархату за право после смерти возвращаться сюда на каникулы. Рублевка live!, — он хмыкнул с мрачным сарказмом.

— О господи, значит, Фридман с Авенном никогда нас не покинут!, — ахнул тот, что отвечал за экономическую политику партии.

— Перестаньте!, — воззвал первый секретарь к соратникам. — Вы говорите о мелочах. Нам же сейчас нужен истинно смелый, по-настоящему большевистский план действий!

Лица соратников повернулись к нему. Все ждали.

— Сейчас мы можем одним ударом перевернуть ситуацию, — продолжал Бурлак голосом немислимой значительности. Он замолчал и некоторое время держал паузу. Тишина стояла в зале. Казалось, даже графин со стаканами насупились, ощущая важность момента. — Вы понимаете, что открытие, сделанное в Протвино, до предела обострит политическую борьбу. Появляются новые ресурсы, о которых наши предшественники не могли даже мечтать. Огромный мир уже ушедших людей... якобы ушедших, — поправился он, — оказывается в нашем распоряжении. Конечно, нужен системный подход... научная группа... фундаментальная наука... которой был так силен Советский Союз, но его развалили!.. времени ждать нет... поэтому я предлагаю... Тут он снова сделал паузу и обвел лица присутствующих тяжелым взглядом. — Я предлагаю десантировать туда группу товарищей, которая разыщет Владимира Ильича Ленина и выведет его к нам.

Установилось долгое молчание. Некоторое время люди за столом, накрытым зеленым сукном, смотрели друг на друга. Действительность или то, что они

привыкли считать действительностью, таяла и текла, как мороженое в теплый день. На горизонте замаячил очередной съезд партии, краткое вступительное слово Бурлака, а затем... затем из-за кулис на сцену энергичной походкой выходит человек в скромном куце пиджачке и поддетом под него старомодном жилете, в рубашке с пристежным воротничком на двух пуговицах и со скромным одноцветным галстуком. Человек обычный, но кажется немножко запыленным, как будто его извлекли из дальнего чулана, где он хранился много лет. Он уверенно встает у микрофона и говорит, чуть картавя и чуть закидывая голову назад: «Товарищи! От имени ЦК партии 1920 года передаю вам братский пролетарский привет!» И зал встает, обрушивая потолок в громовой овации.

Потрясенный этой картиной, один из присутствующих все-таки вымолвил с робостью:

— Но разве ученые уже научились разыскивать в загробном мире конкретных людей и выводить их сюда?

— Не научились. Ну и что? Есть же у нас наш красный академик Март Алфимов, попросим его разработать способ... Если мы будем ждать, то профукаем возможность... Наши отцы и деды ходили же в поиск в тыл врага? Вот и поход в загробный мир на поиски Ильича будем считать таким же ответственным поручением партии!

— Да, но как они попадут туда?, — спросил тот, что отвечал в партии за идеологию. — Транспорт в те края не ходит... На каком парашюте мы их туда десантируем, Иван Федорыч?

— Элементарно, — усмехнулся Бурлак. — Это не клуб для богатых, куда пускают только Рому Абрамовича на его белой яхте. Смерть, по счастью, в России пока еще доступна всем, а не только Кудрину с Грефом!

— То есть мы убьем наших товарищей? Умертвим их?

— А вот это демагогия! Пустые слова! Вы еще не поняли, что мы уже третий день живем в абсолютно новой эпохе! Смерти нет, и поэтому убить никого нельзя! Ильич понял бы это в ту же секунду и использовал бы с блеском для успеха пролетарского дела! Неужели вы считаете, что среди преданных партии товарищей не найдется пятерых хорошо подготовленных людей, которые согласятся пройти через пустяковую медицинскую операцию для того, чтобы очутиться в загробном мире? Неужели вы считаете, что в нашем народе уже не сыскать добровольцев, готовых пожертвовать жизнью для того, чтобы спасти Ильича, почти сто лет бесцельно пребывающего в мире мертвых? Я уверен, что конкурс в отряд загробников будет больше, чем в первый отряд космонавтов! Герои в России не перевелись!

И Бурлак снова обвел своих соратников тяжелым значительным взглядом.

4.

Директор ФСБ генерал армии Затрапезников выехал в Протвино, чтобы посмотреть на месте, как идут мероприятия по обеспечению безопасности Института физики высоких энергий и его циклопических, частично подземных установок. Он приехал в Протвино на черном пятисотом "Мерседесе", впереди которого шел черный "Гелендеваген" с охраной, вооруженной бельгийскими пистолетами и израильскими автоматами, а сзади шли два черных джипа "Тойота Лэндкрузер" с порученцами и связью. Мрачная кавалькада — все автомоби-

ли с затемненными стеклами — въехала в город под вечер и тут же устремилась к зданию штаба, который размещался в одном из корпусов института. На площади стояли несколько иномарок с высокими антеннами. Перед стеклянными дверями расхаживал боец спецназа в черном бушлате, черном берете, высоких шнурованных ботинках и с маленьким короткоствольным автоматом, висевшим у него на плече дулом вниз. Увидев поднимающегося по ступенькам генерала Затрапезникова с поспевающей вслед свитой, спецназовец отдал ему честь, приложив руку к берету, и замер по стойке смирно, глядя строгими стеклянными глазами в небесную даль.

Генерал Затрапезников в длинном сером пальто и без головного убора быстро прошел по коридору, не обращая внимания на людей, попадавших ему по пути. Он их будто сметал своим движением. Люди прижимались к стенам, пропуская мимо себя мужчину с неприятным властным лицом и устремленными в пустоту глазами. Впереди него шли два молодых офицера, сзади еще три. У всех них были глаза овчарок. Еще несколько человек, не смотря по сторонам, попевали следом, и в руках их покачивались одинаковые черные "дипломаты" с кодовыми замками.

Через пять минут директор ФСБ уже склонился над огромной картой, расстеленной перед ним на длинном столе. На карте с мельчайшими подробностями были изображены берега реки Оки и кварталы города Протвино. Тут были отмели, лесные дорожки, проселки, асфальтированные дороги, отдельно стоящие дома и кладбища и даже сторожки у кладбищ. Красными дугами с черточками были размечены места постоянных застав, перекрывающих все дороги, вплоть до полевых, красными кружочками отмечались пункты дислокации оперативных групп, красным пунктиром были прочерчены маршруты патрулирования. Опершись руками на стол, Затрапезников внимательно рассматривал карту. Люди, собравшиеся в большой зале спешно созданного оперативного центра, стояли вокруг стола в терпеливом молчании, словно ожидая приговора своей работе.

Директор спецслужбы был старый оперативник. Он прошел все лестницы, коридоры и закоулки этой сложной работы. Когда-то в молодости он ходил топтуном за диссидентами, потом сидел в доме напротив американского посольства и руководил подглядкой и прослушкой. Сейчас его глаза испытующе скользили по карте, выпытывая у нее дыры в обороне города. Звонок президента застал его в комнате отдыха, где он, сидя под огромным раскидистым лимонным деревом, выращенным им собственноручно из косточки, по старой привычке разведчика пил напиток вероятного противника, то есть односолодовый американский виски; по старой же привычке, оставшийся еще с советских времен, он встал с бежевой телефонной трубкой в руке и весь разговор вел стоя. Когда он услышал от президента, что смерти больше нет, то прежде всего подумал о том, что президент сошел с ума и возникла чрезвычайная ситуация, не прописанная в служебном регламенте, но он подавил в себе такую мысль как позорную. Голос президента, которого он про себя, в своих мыслях, всегда называл "коллега", был спокоен и холоден. И тогда он понял, что ситуация действительно исключительно серьезная.

Глаза его вдумчиво исследовали карту. Вокруг леса. Это и была главная опасность. Он уже видел бородачей в камуфляже, которые вереницей шли к городу Протвино вдоль дачных заборов с дымящимися мангалами и прудов с купальщиками. Ох, уж это наше беспечное население, никто же и не позвонит!

Американские агенты, скорее всего, используют обыкновенный рейсовый автобус из Москвы. Склоняясь над картой, он затылком чувствовал объективы на-товских фотокамер, установленных на спутниках и непрерывно снимающих тихий приокский город с огромной высоты. Он должен был предусмотреть и это. Наверняка они анализируют движение в городе и по скоплению черных машин уже поняли, что что-то происходит. Но что они знают? Чего еще не знают? Что предполагают? Что не предполагают? О чем сейчас докладывают его коллеге и визави в Лэнгли? Это была игра со многими неизвестными. Ничего не сказав, он со всегдашним строго-недовольным выражением лица выпрямился над картой и молча кивнул своему заместителю, генерал-полковнику Охранителю, стоявшему поодаль. Охранителей был в камуфляже и руководил работой на месте.

— Какой твой анализ?, — спросил он своего зама, когда они уединились в кабинете на втором этаже. Кабинет был уже оборудован так, чтобы защитить его от прослушки. В тумбе письменного стола была установлена аппаратура, фиксирующая любое постороннее излучение, если бы оно появилось в этих стенах. И все же директор спецслужбы по старой доброй привычке снял трубку с телефонного аппарата и положил ее на стол. Тяжелым подозрительным взглядом он смотрел на горшки с цветами на подоконнике. Почему не вынесли отсюда горшки? Все предметы и люди вызывали у него подозрение. — Каких ты ожидаешь событий?

— После такого уже и не знаю я, чего ожидать!, — Охранителей зло двинул квадратной волевой челюстью. У него было коричневое лицо с грубыми морщинами. Руки у него были крупные и тоже коричневые. Пол-жизни он проработал в Африке и Азии, где руководил деятельностью бесчисленных племенных партизанских армий. Он их стравливал в интересах Москвы, мирил в интересах Москвы и в интересах Москвы пил с вождями африканскую жгучую самогонку. В его домашнем фотоальбоме были фотографии, на которых он был снят со связкой бананов на шее и огромным пистолетом "Люгер" в руке. Старые кадры, самые надежные кадры в стране. В молодых директор ФСБ Затрапезников не верил, кишка тонка, только о деньгах думают. — Чего-чего, но отмены смерти я никак не ожидал, Петрович!

— Никто не ожидал, — сдержанно сказал Затрапезников, самым тоном подчеркивая, что не следует отвлекаться от главной темы разговора. — Изучение оперативной обстановки приводит к выводу, что возможны неожиданности. Ты как, хорошо тут осмотрелся? Готов?

— Эти физики... ты сам понимаешь... сложный контингент. Какие неожиданности?

— Думаю, надо смотреть за окрестными лесами. А Вермонт этот... он как?

— Мальчишка себе на уме.

— За ним смотрят?

— Накрыли уже колпаком. Хотелось бы знать, чего ожидать и откуда.

— Есть утечки, — директор спецслужбы вздохнул с усталостью человека, знающего, что потребность людей в болтовне не имеет границ. — Знаю, что коммунисты уже собирались в узком составе и обсуждали проблему.

— Эти?, — в презрительном движении тяжелой челюсти Охранителя была оценка.

— Эти. Разойдется я, думаю, в двое суток... За двое суток ты тут, уж будь добр, замкни город так, чтоб мышь не проскочила... Весь спецназ тебе отдали, сами голые теперь сидим... Тут черед два дня такой шум будет!

— Я понимаю. Чего ждать, скажи? Что говорят аналитики?, — он имел в виду аналитический отдел службы, состоявший из ста сорока профессионалов анализа, день и ночь писавших варианты развития событий.

— Жди всего. Из лесов террористов. На автобусах подъедут агенты ЦРУ. На электричках придут британцы. Моссад наверняка уже тут, и давно. Но это полбеда, мы с коллегами работаем, работали и будем работать... Хуже другое, сейчас со дна начнет тучами всплывать всякая дрянь. Начнут тут бизнесменничать, приватизировать... Ты понял, о ком я? Ты жди, скоро явятся устраивать тут первые ООО... Жди изо всех сил, ты понял!?

— Так точно, товарищ генерал армии.

Они помолчали, глядя друг на друга. И у начальника службы, и у его заместителя были мрачные лица. Они видели в своей жизни все: и ночную толпу, которая в том страшном августе собиралась штурмовать здание Комитета, и тот подъемный кран, который взял Феликса Эдмундовича за шею и под улюлюканье хулиганов вздернул в ночное небо, и падение Службы, и ее медленный трудный возврат, и новый расцвет, когда крышевать приходилось чуть ли не всю российскую экономику.

— Послушай, Владимир Петрович.... Зам замялся, ухмыльнулся, двинув тяжелой челюстью вправо-влево, трубно хмыкнул мощным носом и опять задумчиво подвигал челюстью. В разрезе камуфляжа была видна тельняшка и шея борца. — Позволь тебя спросить... Ты сам-то в это веришь?

— Президент звонил. Прямое приказание президента.

— Я не про то. Сам-то ты веришь в это? В то, что этот мальчишка... открыл..., — слова с трудом продирались через его внезапно охрипшее горло, — что ее теперь нет? Такое даже сказать ему было трудно. Как такое выговорить? В последние годы генерал-полковник Охранителей ходил в церковь по праздникам, молился Матроне Московской и слышал, как говорят об Иисусе, что он "смертию смерть поправ". И видел он это попирание смерти смертию как нечто высокое и торжественное, доступное только избранным святым людям, к которым он себя ни в коем случае не относил. В Африке ему и убивать приходилось, собственноручно. В своих молитвах этот человек с волевым генеральским лицом и широченной грудью просил простить ему некоторые вещи, совершенные во время войны племен тутси и хуту... Об этих кошмарных вещах он не рассказывал никому, даже жене. А теперь вдруг какой-то Чебутыкин смертию смерть поправ? — В то, что... в то самое... в это... что... веришь ты? веришь ты, что теперь *ее* нет?

Тяжелый, грузный мужик Охранителей робко и смиренно ждал ответа от своего начальника. Был он вообще-то непробиваем, как стена, мрачен, как танк, но в эту секунду на тяжелом выдубленном лице старого спецслужбиста Охранителя, в обычно хмурых его неприязненных глазах мелькнуло что-то человеческое и живое.

— Не знаю, что тебе сказать, — со вздохом отвечал директор ФСБ За трапезников, поднимаясь. Он не хотел даже думать об этом. Он готов был исполнять приказ, а думать о таких сложных материях... это он не обязан. — Ты бы со своим духовником поговорил... с отцом Филаретом. Он тебе эти материи

лучше меня объяснит... Ты уж постарайся тут для нас всех, чтобы без неожиданностей.

5.

Анна Вивальда в длинном парчовом пиджаке цвета золота вышла в зал ожидания аэропорта Шереметьево. Была ли у нее под пиджаком юбка или хотя бы маленькие короткие шортики, было неясно даже самым внимательным наблюдателям. Она была в красных босоножках на высоких черных каблуках. Одна из ее щиколоток была украшена вытутаированной розочкой. В истерике забились фотовспышки. Анна Вивальда шла по залу в сиянии фотовспышек с отрешенно-капризным выражением длинного и некрасивого лица. Два фотографа бежали вслед за ней как собачки. Еще трое стояли, опустившись на одно колено, и как только она появилась, открыли огонь из своих мощных "Никонов". Еще пяток фотокоров пятилась перед ней, задом налетая на людей; к лицам у них были намертво приставлены аппараты. А позади нее, в десяти метрах, в облаке самых дорогих парфюмерных ароматов торжественно двигалась свита: впереди картинно выступал стилист Паоло Зазнобо, высокий итальянец с лицом кинозвезды, вслед за ним шагала на своих многометровых ногах массажистка Элен Делакура, статная красавица с высокомерной улыбкой дивы, а потом, посмеиваясь, шел длинноволосый менеджер Джон Фенимор Купер Дакоста, в прошлом испанский аристократ и гонщик Формулы 1, ныне ворочавший большими делами в шоу-бизнесе; а дальше еще какие-то веселые люди в хиповом тряпье, купленном в лондонских бутиках за тысячи евро, одни бритые наголо в лучших парижских салонах красоты, другие с растаманскими косичками, заплетенными личными парикмахерами и по совместительству наркочиллерами. Замыкали процессию грузчики, толкавшие перед собой платформу с пятнадцатью баулами, кофрами и чемоданами, набитыми самыми разными вещами, с которыми Анна Вивальда никогда не расставалась, потому что без этих вещей не могла обойтись и нескольких минут.

Весть о том, что Анна Вивальда *вышла*, мгновенно распространилась по аэропорту. По залу стремительно неслись люди с чемоданами на колесиках, надеясь, что им удастся хотя бы одним глазом глянуть на певицу, каждое появление которой всегда сопровождалось скандалом. Она падала в бассейны, попадала под машины, вступала в драки с папарацци и сдергивала скатерти со столов в ресторанах, недовольная обслуживанием. Синие и красные формы стюардесс вмешались в толпу: рискуя опоздать на свои борты, уже готовые к вылету, девушки энергично проталкивались в первые ряды, чтобы собственными глазами увидеть ту, которой они подражали прической, манерой улыбаться, манерой ходить, чуть покачиваясь на длинных тощих ногах, и даже выражением сильно подведенных глаз. Вдруг из толпы вылетел толстенький господин в тирольской шляпке с маленьким перышком и, упав на одно колено, картинно протянул Анне Вивальде букет пунцовых роз.

Анна Вивальда на ходу взяла розы рукой в фиолетовой замшевой перчатке. Ее огромные, сильно подведенные, а проще говоря, намалеванные на бледном лице глаза скользили по лицам людей с плаксивым и горьким выражением, затянувшейся меланхолии. На улице ее уже ждал длинный белый лимузин с черными стеклами и плоской тарелкой спутниковой антенны на крыше. Кто-то открыл для нее дверцу. Белые вспышки забились в новой истерике, толпа в вос-

торге качнулась в сторону певицы, но охранники с выбритыми затылками мгновенно создали непроходимый кордон. Перед восхищенной публикой еще раз мелькнуло длинное унылое лицо в обрамлении черных волос, длинные губы с родинкой, тощие икры. Толпа взревела в восторге. Лимузин медленно тронулся.

Анна Вивальда в раздражении швырнула розы в угол длинного кожаного салона. Некоторое время она сидела неподвижно и трагически смотрела в затылок шофера. Потом вдруг, как проснувшись, с искаженным от страдания лицом, сорвала с рук фиолетовые перчатки и уронила их на пол. Перчатки жалкими комками упали к ее ногам. Тогда она быстро что-то откуда-то выдернула, дернула, сыпанула и потом медленным, сладострастным движением длинного носа проскользила по своему узкому запястью. Потом вытащила из бокового кармана пиджака плоскую кожаную фляжку с золотым горлышком. Она отхлебнула прямо из горлышка несколько глотков своего любимого бренди *Veterano* и только теперь почувствовала хотя бы некоторое и очень приблизительное равновесие с этим дурацким миром.

Глава вторая

1.

Главный редактор газеты "ЖВК" (полное название — "Жизнь В Картинках") Ашот Семенович Гаврильянц сидел в своем кабинете на двадцать втором этаже башни "Федерация". На белоснежных стенах кабинета в коричневых рамках висели золотые таблички с узорной вязью очень приятных гравировок. Одна из них сообщала, что "ЖВК" награждается Международной Федерацией Бульварной Прессы (МФБП) за высокие достижения в области журналистики; из другой следовало, что Книга рекордов Гинесса внесла газету "ЖВК" в соответствующий раздел за самый большой годичный рост тиража в мире; третья золотая табличка и вовсе была украшена российским флагом и сообщала, что газета награждается премией Министерства культуры за вклад в дело продвижения гуманитарных ценностей и высоких технологий.

Перед Ашотом Семеновичем лежали заявки отделов. Он полистал их, и на его одутловатом желтом лице появилось выражение недовольного посетителя дорогого ресторана, которому подали несвежие креветки. Фи, что несут! Отдел светских сплетен предлагал залежалый товар в виде приключений Ксении Собчак в Арабских Эмиратах. Отдел расследований предлагал подноготную украинского премьера, которая, как и следовало предполагать, оказывалась лесбиянкой с накладной косой и агентшей влияния всех известных и неизвестных сил. Отдел спорта не знал ничего лучшего, как в очередной раз предложить рассказ о южноафриканском бегуне, который, сменив пол, стал лучшей бегуньей в мире.

Ашот Семенович нажал кнопку селектора и сказал со своим неподражаемым ростовским акцентом: "Деточка, зови всех сюда!". Через три минуты в его огромный кабинет входили руководители отделов. Никто даже не пытался сесть на стоящий у стены десятиметровый диван — все знали, что сидеть в этом кабинете имеют право только крупные рекламодатели. Нет денег — стой. Журналисты стояли.

— Эта шо же вы мне тут нанесли, парни?, — начал главный редактор, брезгливо беря двумя пальцами верхний листок. — Это темы? Я вас спрашиваю, это шо, темы?

Ответа не было. Все стояли потупившись. Звезды новостной журналистики отводили глаза.

Гаврильянец стал раздуваться. Только что это был средних размеров человек с желтым полным лицом, в черной водолазке и с огромным перстнем на коротком толстом пальце, но теперь он начал увеличиваться в размерах, словно изнутри его распирала бурная, гневная плоть. Его лицо наливалось соком, как переспелая груша, грудь расширялась, руки на столе разбухали. Перстень врезался в побагровевший мясистый палец. Подчиненные, стоя у стены, со страхом наблюдали это увеличение главного редактора в размерах. Они знали, что оно предвещает.

— Мертвые кобыздохи несете вы мне, а не темы!, — взвыл Гаврильянец, прихлопывая тяжелой ладонью с двенадцатью каратами жалкие листочки фигови. — Ксюша ваша Собчак... Он сказал непристойное слово о ней. — Читатели объелись ксюшиных кавалеров, ксюшиных подружек, ксюшиных скандалов... Дайте мне свежанького!, — завопил он, глядя на начальников отделов сердитыми безумными глазами. Он так и сказал: "свежанького". — Дайте мне шо такое, чего ни у кого нет! Думаем! Я сказал, парни, думаем! А ну!

Ответа не было. Парни думали.

— Корове пришили свинячью голову... В подпольном казино проиграли "Роллс-Ройс"... Хоккеист напился и упал в бассейн с русалками... Коллекция трусиков Бритни Спирс состоит из шестисот штук..., — Гаврильянец, скользя по бумаге огромным побагровевшим пальцем, перечислял варианты центровика. — И это журналистика, блин? Это купил бы у вас Мердок, парни? Хрен бы он это купил у вас, наш старый друг Мердок! Вы погубите — он говорил "похубите" — мою газету! (хазету). Дайте мне свежанького!, — снова взвыл он из-за своего стола, теперь с плаксивыми нотками в голосе. — Дайте вашему старому армяшке ТЕМУ!

Смотреть на этот сеанс юродства было страшно. Гаврильянец коверкал слова, корчил рожи, ругался и надувался лицом, как жаба. Иногда, если его сотрудникам не удавалось отвлечь его, он рычал на них собакой и кидал свой эпловский мобильник в стену. Он разбил так уже десять или двенадцать телефонов. О методах его работы шли слухи по всей Москве. Его фотокорреспонденты неделями сидели на крыше, подсматривая в окно за поп-звездой, причем специальная служба обеспечения доставляла им туда китайскую лапшу и энергетический напиток, позволявший им не спать ночами; его репортеры переодевались в слесарей-сантехников и с вантузами, в которых были спрятаны микрофоны, приходили в квартиры политиков и снимали инкрустированные золотом унитазы миниатюрными фотокамерами, вшитыми в рукава роб.

— Есть материал про пришельцев в Москве, — быстро сказал редактор отдела науки, высокий узкоплечий мужчина со степенью кандидата философских наук, пытаясь погасить разгоравшийся пожар.

На лице Гаврильянца появилось такое выражение, будто он только что лизнул цемент.

— Секс в теннисе, — предложил редактор отдела спорта. Это был крепкий парень, в свободное от работы время тягавший железо в фитнес-клубе. — Тайная жизнь теннисисток. Стриптиз в раздевалке... Он не успел договорить,

как короткая рука Гаврильянца взвилась в воздух, и пятерня, сияя брильянтом, рухнула в волосы. Он чесал себе темечко в гневе и бешенстве, словно решил содрать там кожу, этот король желтой прессы и нового всемирного бульвара, невозможный редактор Гаврильянец!

— Прекратить! Позор! Шо я сказал! Вы! Думаем!

Это называлось "мозговой штурм". Гаврильянец разыгрывал перед ними сцены, орал на них, выл и стонал, чтобы разжечь пламя в их заплесневевших мозгах. И они начали, перебивая друг друга, вываливать темы из своих секретных заглазников.

— ЦРУ выводит в лаборатории киллеров-мутантов!

— Пьяный прапорщик на автомобиле убил восемь человек и сбежал в Камерун!

— Фигуристы оказались грабителями банков!

Они выпаливали все быстрее и быстрее, а он все махал и махал в ответ пятерней, перекашиваясь в лице. И вот уже это было не желтое слегка небритое лицо старого журналюги, начинавшего в областной ростовской газете, а перекошенная рожа старика, плачущего над своей разбитой жизнью.

— Дворник нашел в мусорном контейнере восемьсот тысяч долларов!

— Из водопроводного крана в квартире пенсионера в Бирюлеве потек спирт!

— Памела Андерсон — мужчина!

Гаврильянец перекошило так, что им стало страшно за его жизнь. Одно плечо упало на стол, другое взлетело вверх. Подбородок лежал на столе. Его действительно ломало и коржило от всех этих банальностей. В глазах трагедия. Он больше не мог слышать про Памелу Андерсон, пусть даже завтра они приволокут фотографии ее эротических забав на пляже в Санта Монике! Он больше не мог читать про счета министра финансов в швейцарском банке и про фигуристов-грабителей! Он больше не мог! Ему надо было СВЕЖАНЬКОГО!

— Думаем! Я вам говорю, думаем, парни! Сволочи, убить меня хотите! Шо! Кто! Думаем!

— Смерти больше нет!

Это выкрикнул в отчаянии молодой редактор отдела происшествий, который только что вернулся с кольцевой дороги, где столкнулись тринадцать автомобилей. Трое убитых. Пять машин скорой помощи. Лужи крови на бетоне. Человеческие тела, накрытые простынями, на носилках. Итальянские туфли, слетевшие с ног человека, выброшенного сквозь лобовое стекло. Но он и сам понимал, что это бытовое происшествие не тянет на центровик. Тут нужно что-то тааа--акое... этааакое... такое....

— А!, — главный редактор испустил вопль экстаза. — Кто сказал "смерти больше нет?"

— Я.

— Колись! Ты! Колись!

— В физическом институт в Протвино под Москвой молодой ученый Вермут открыл, что смерти нет! Информация непроверенная! Президент России вылетел в Протвино в обстановке чрезвычайной секретности! Человечество стоит перед революционным изменением жизни!

— Съемка?

— Президент общается с прибывшим с того света мужчиной.

— Вот оно, — счастливо сказал Гаврильянц, сияя. Казалось, он сейчас прослезится. За приступами ярости и гнева всегда следовали сеансы любви и размягчения. Во время таких сеансов он во искупление своей ругани дарил сотрудникам перстни со своего пальца, пачки долларов из сейфа, доставал прямо из кармана сапфиры и брильянты и награждал их небольшими пакетами акций издательского дома. — Вот оно, Сеня, ты жирный молодец! Это была высшая похвала в его устах. Быть жирным молодцом в глазах Гаврильянца было очень, очень хорошим делом. Он и себя считал жирным, жирным молодцом. — С таким центровиком завтра с утра мы выиграем все войны в мире!

2.

Газеты лидеру партии тоталитарных демократов Трепаковскому подавали на серебряном подносе вместе со стаканом чая. Чай закупался в маленьком дорогом магазинчике в Кривоколенном переулке, хозяева которого возили товар из Китая. Вся высшая Москва пила чай из этого особнячка, включая Кремль. Раз в месяц сюда приезжали люди из ФСО и брали чай на химический и радиационный анализ. Стакан, стоявший на подносе рядом с пухлой пачкой газет, был тяжелый, граненый, советских еще времен, так же как латунный подстаканник, на боку которого были вензеля МПС. Лидер партии любил все советское и периодически выезжал с охраной на платформу на станции Марк, где ходил по блошиному рынку в своем картузе, орал на фотокорреспондентов и покупал у пенсионеров старые фотоаппараты "Смена", офицерские погоны времен второй мировой войны и допотопные утюги.

Сверху лежал номер газеты "ЖВК". По раз и навсегда заведенному правилу секретарь подбирал прессу так, чтобы Трепаковский мог усвоить самую важную информацию до того, как устанет. Долгого чтения его деятельная натура не выносила. В конец пачки попадали сугубо экономические издания и демократическая пресса, которую шеф не любил. Лидер партии — это был его официальный титул, учрежденный съездом — раскрыл широкий газетный лист "жэвэкашки". Огромные буквы орал: "Смерти больше нет!". Далее шла фраза: "Великое открытие освобождает человечество от смерти!" Ниже была опубликована серая, смазанная фотография, на которой можно было угадать президента России, рядом с которым стоял и что-то говорил молодой человек в белом халате и со стоящими дыбом волосами. Из подписи следовало, что всклокоченный человек по фамилии Вермут презентует президенту России свое открытие, заключающееся в том, что из нашего мира можно теперь запросто ездить в загробный, что и будет в ближайшее время сделано.

Лидер партии в изумлении покрутил над газетным листом головой, откашлялся и бормотнул ругательство себе под нос. Такого даже он не ожидал. Он принялся за чтение. В передовой статье редактор газеты, золотое перо Ашот Гаврильянц, сообщал, что в городе физиков Протвино молодой российский ученый по фамилии Вермут открыл лекарство от смерти. Это таблетки, которые пока что доступны узкому кругу лиц. Прием таблеток в течение месяца делает тело бессмертным. Такие таблетки уже производятся для кремлевских обитателей, но вскоре поступят в аптеки по всей России, в результате чего мы станем первой страной в мире, население которой никогда не умрет.

Очки на носу лидера партии сползли вниз. Он поправил их жестом уставшего от мирового безумия интеллигента и перешел к чтению комментария-

ев. Политический обозреватель газеты Никита Пучков-Золотусский рисовал картины удивительного будущего. В скором времени, по мысли обозревателя, соотношение сил на мировой арене принципиально изменится, поскольку население России станет бессмертным и, следовательно, неубиваемым. Боеспособность армии вырастет в разы. Это открывает широкие ворота для наступательной политики. Не за горами присоединение к России Украины, Белоруссии и Грузии, которые тоже захотят обрести бессмертие. Но, по мысли обозревателя, отнюдь не стоит принимать в состав России всех подряд: следует, обеспечив патентную неприкосновенность чудо-лекарства, ввести для стран ближнего и дальнего зарубежья нечто вроде приемного экзамена. И уже сейчас ясно, что Америка на этом экзамене срежется, ибо заокеанская империя зла не удовлетворяет нашим требованиям относительно соблюдения прав человека и демократии — с нескрываемым злорадством писал политаналитик.

Далее следовал комментарий философа, профессора Ивана Локоткова из МГУ. Профессор философского факультета утверждал, что в ближайшие месяцы будут пересмотрены все правила и нормы человеческого общежития. Если никого убить нельзя, то, значит, в убийстве нет ничего запретного. Это объясняет, почему люди так тяготеют к убийствам. По мысли Локоткова, тот мир является продолжением этого, подобно тому, как дача является продолжением городского жилья. Летом мы выезжаем на дачу (утверждал профессор), чтобы отдохнуть и приобрести новый опыт. Совершенно так же в самом скором времени люди будут выезжать в тот мир, чтобы отдохнуть там от треволнений этого. Вероятно, в том мире появятся даже санатории и дома отдыха, и поездка на тот свет станет столь же обычной, как поездка на отдых в Турцию или Египет. Противопоставление жизни и смерти окончательно преодолено, — заключал профессор МГУ и не мог удержаться от шпильки в адрес церкви, которой, как он говорил, теперь придется искать себе новые камни веры.

Очки снова съехали по носу лидера партии. Теперь они держались на самом кончике и должны были вот-вот свалиться. В последний момент он поймал их, указательным пальцем запихнул на переносицу, перекинул ногу на ногу и запахнул тяжелый синий халат с золотыми кистями. За двадцать лет в политике Трепаковский видел, слышал и читал очень много совершенно бредовых вещей — лучше сказать, он только их и видел, слышал и читал — но с подобным ему встречаться еще не приходилось. Это походило на заговор или провокацию, и он подумал, кто за этим стоит. Он уже привык к тому, что даже за мельчайшими событиями всегда кто-то стоит. Кто же тогда стоит за этой чепухой об отмене смерти? Кому выгодно? Мысль о том, что бульварный Гаврильянец со всей своей редакцией помешался, мелькнула в голове политика, но он отверг ее как неправдоподобную. Эти твари никогда ничем не болеют. Он нажал на кнопку переносного звонка, который лежал перед ним на стеклянном журнальном столике, украшенном толстыми томами биографий Черчилля, Наполеона и Мао. Книжки лежали тут всегда, это был антураж, хорошо действовавший на журналистов и иных посетителей. В дверях появился лысый со злым лицом бандита. Это был дежурный депутат, несший секретарскую службу в особняке у лидера партии.

— Слава, ты сегодня?, — вопрос лидера партии не требовал ответа. — Поди сюда!

Лысый подошел. У него были туфли сорок седьмого размера, из широких рукавов белого пиджака высывались бревнообразные ручищи, в центре лба

была вмятина. Кто-то когда-то не выдержал искушения и залепил по этой чере-пушке бейсбольной битой. Лидер партии никак не мог запомнить, кем был прежде его депутат, секретарь и охранник — то ли боксером, то ли борцом. Самбистом? Каратистом? Опять забыл.

— Слава, ты кем был? Забываю все время!

— Боксером, Игнат Танкредович, боксером.

— Что тут написано?

Огромная туша склонилась, лысая голова с вмятиной вперилась в газет-ную полосу.

— Смерти больше нет, Игнат Танкредыч!

— Дальше читай!

— Ты! Я! Он! Она! Вместе бессмертная семья!

— Что за хрень, Славик? Что за хрень, я тебя спрашиваю?

— Игнат Танкредыч, да включите же телевизор! Включите же телевизор, Игнат Танкредыч!

И он, не дожидаясь разрешения, взял в огромный кулак пульт и большим пальцем злобно придавил кнопку.

Плазменный экран в семьдесят два дюйма в другом конце комнаты ожил. На экране был политический обозреватель первого канала Леон Михайлов. Он был, как всегда, небрит, очень раздражен и поэтому неуловимо напоминал маленького и неприятного зверька, который сейчас всех покусает. У него была та-кая манера говорить взалхлеб, что казалось, будто вокруг него летает отравлен-ная ядом кураре слюна. Две с половиной минуты лидер партии слушал его при-прыгивающую, прискакивающую, запутанную, темную речь, в которой, как все-гда, было что-то о мерзкой Америке, которая теперь-то уж приползет к нам на коленях, и о "швали всех мастей, которая теперь будет валяться у нас в ногах и кланчить: "Россия, дай таблетку!" Но мы все вспомним, все взвесим, все оценим и, конечно, кое-кому дадим, а кое-кому — тут Леон Михайлов прямо-таки за-шелся в мстительном экстазе — ничего никогда не дадим!" Затем обозреватель поглядел сверкающими безумными глазами в телекамеру и исчез. И тут же по-шли новости с репортажем из города Протвино, где сегодня утром объявлено о величайшем открытии, сделанном российскими учеными во главе с академиком Лоренц-Валиулиным, секретарем отделения физики....

Лидер тоталитарных демократов все понял. Теперь в нем не было и тени той расслабленности, с которой он встретил в своем кондиционированном заго-родном особняке это спокойное летнее утро. Он стоял посреди старого персид-ского ковра, подаренного ему одним его другом, антиамериканским диктато-ром, в длинном халате с золотыми кистями, подпоясанном красным кушаком, в темно-синей расшитой золотом тюбетейке, и очки больше не сползали у него по носу, и лицо его в этот момент приобрело чеканную твердость, присущую ли-кам цезарей. Он мельком глянул на биографию Наполеона на журнальном сто-лике и чуть откинул свою седоватую голову назад. Наполеон, скрестив короткие ручки на толстой груди, одобрительного глядел на него с глянцевого супера.

— Так!, — объявил Трепаковский депутату с лысым черепом и зверским лицом, который стоял перед ним, чуть сгорбившись, как гигантский орангутанг, которому трудно дается прямая спина. Орангутанг в белом пиджаке ждал указа-ний. — Сейчас едем в Думу. В три часа собери журналистов на пресс-конферен-цию. А завтра утром — все на митинг под лозунгом "Нищим и русским вечную жизнь!"

Был вечер. Институт пустел. В вестибюле, за столом, где всегда дремал пожилой вахтер, теперь сидел человек в штатском и зыркал по каждому входящему напряженным и недобрый взглядом. Двое молодых офицеров, приставленных к Илье Вермонту, играли в шахматы в соседнем помещении. Снайперы все так же лежали на крыше, от нечего делать рассматривая в оптические прицелы девушек на автобусной остановке. Зажглись неоновые фонари. Илья включил электрический чайник и насыпал в старую чашку три ложки душистого чая "Ахмад". Все последние дни и ночи, после того, как он сделал свое открытие, он все время пил обжигающий, крепко заваренный чай.

Илья Вермонт принадлежал к тем людям, которые не умеют скрывать происходящее с ними. Все выражалось на его лице. Сейчас, когда он, стоя посреди комнаты с синей чашкой в руках, прихлебывал чай, на лице его было выражение глубокой тоски. Углы рта резко, почти под прямыми углами, опустились. Жесткие волосы стояли дыбом надо лбом, за которым ходили спутанные и неприятные мысли. Дело в том, что Илья Вермонт не знал, каким образом у него получилось то, что получилось. Перед экспериментом он, молодой ученый, находился в таком творческом запале, что беспрерывно менял свои собственные планы и вводил в формулы все новые и новые элементы. Он в азарте гнал вперед и принимал различные допущения, словно играл сам с собой в увлекательную игру, которая вот-вот должна кончиться, и тогда он снова вернется к солидной, спокойной работе. Но он рвался вперед с такой силой и страстью, что уже не смог вернуться. События помешали.

Все признавали — еще со студенческих времен — его недюжинные математические способности, но только он сам знал о себе, что дар логики, свойственный математику, соседствует в нем с даром хаоса, свойственным безумцу. В азарте, сам не помня себя, с искаженным от страсти лицом, запуская ладонь с растопыренными пальцами в волосы, он громоздил в своих расчетах такие дебри, что потом и сам не мог найти из них выхода. "Во я дал! Ну во я даю!", — глупо хихикал он, оставляя за спиной десятки допущений и наудачу введенных коэффициентов, которые когда-нибудь потом как-нибудь следовало проверить, перепроверить и обосновать. И вот в результате пятидневного математического запоя и короткого пуска сотен тонн железа, установленного в многокилометровых подземных туннелях, на свет появился вот этот Чебутыкин с унылым лицом, который сразу же стал канючить и ныть.

Какое из его допущений сработало, Вермонт понятия не имел. Что за альфа, лямбда или бета пробили материю насквозь и соединили два мира, он знать не знал. Два последних дня он пытался разобраться в собственных вычислениях, по двадцать часов в сутки сидя за своим стареньким ноутбуком с истершимися буквами на клавиатуре, но чем дальше, тем меньше он понимал. Это писал и считал как будто другой человек. Нынешний трезвый Вермонт не мог понять все эти спирали, круги и зигзаги, которыми шла мысль впавшего в научный запой Вермонта. Он уже предчувствовал, что не справится. Для того, чтобы проверить собственные теории, ему нужна была команда из пяти — или пятидесяти? — математиков и физиков, которые пройдут по его следам, выискивая ошибки и проверяя прозрения. А он сам? Он знал, что его уже называют "новым

Ландау" и "Эйнштейном нашего века" и прочат ему Государственную премию. Он был от этого в ужасе.

Вот это долгое стояние посреди комнаты с горячей чашкой чая в руке на самом деле было нужно ему, чтобы наконец решиться. Обжигающая влага в чашке кончилась, на дне осталась только черная разбухшая масса чаинок. Он тупо смотрел на нее и думал о коэффициенте вязкости в подобных средах. Он поставил чашку на стол, запер дверь на ключ и сам испугался громкого звука, с которым ключ повернулся в замке. Но отступить было нельзя. Теперь Вермонт сделал то, что было строго-настрого запрещено инструкциями: нажал синюю кнопку на пульте перед стеклом. Раздалось шипение, это работал сжатый воздух, поднимая белые стальные рольставни. За ними обнаружилась серая овальная дверь с глазком и толстой резиновой прокладкой, пропущенной по периметру. Вермонт крутанул двумя руками красный вентиль. Резина хлюпнула, отлипая от стены. Молодой ученый вступил в отсек, где при неизблемой температуре, постоянной влажности и стандартном давлении проживал пришелец с того света Чебутыкин.

4.

Чебутыкин, сидя на стуле, смотрел на молодого ученого невыразимо то-скливым взглядом. Холодной, вдруг окаменевшей рукой Вермонт взял стул и сел напротив него. Надо было как-то начинать разговор, но он не знал, как. Оба молчали.

— Николай Иванович, как вы себя чувствуете?, — наконец начал Вермонт самой дурацкой из всех возможных фраз. Он и сам тут же понял, что спросить так означало наступить на мозоль собеседнику. Ежечасные сводки врачей о состоянии здоровья Чебутыкина поступали к нему круглые сутки. Он знал, что Чебутыкин здоров, как бык. Но вопрос таил в себе второе дно. Никто на самом деле не знал, как себя должен чувствовать мертвец, насильно доставленный в мир живых.

Горло Чебутыкина дернулось, словно он хотел что-то сказать, но не сказал. Он повернул лицо в сторону и длинным взглядом затравленного существа смотрел в угол.

— Я вот что хочу вас спросить, Николай Иванович, — снова начал Вермонт, с трудом подыскивая слова. — Я хочу вас спросить, что... было... там?

Чебутыкин быстро повернул голову и цепким злым взглядом уставился на Вермонта. Вермонт и сам чувствовал шаткость, непристойность и даже циничность своей позиции. Он заловил этого Чебутыкина в посмертном мире, как какого-нибудь зверька, посадил в клетку и теперь собирался допрашивать.

— Ты кто? — вдруг спросил Чебутыкин.

— Я Илья Александрович Вермонт, старший научный сотрудник института физики высоких энергий в Протвино. Я кандидат физико-механических наук, выпускник..., — с фальшивой разговорчивостью начал Вермонт.

— Исследуешь меня, да?, — в голосе собеседника прозвучала издевка.

— Я понимаю, как вам трудно, — сказал Вермонт. — Поверьте, мне тоже нелегко...

Они помолчали, глядя в пол.

— А тебе чего трудно?, — спросил Чебутыкин.

Вермонт не решался поднять глаза.

— Я не знаю, как это у меня вышло. Я случайно...

— Наворзопил и в кусты?, — по своему понял слова физика Чебутыкин.

— Я не бегу ни в какие в кусты... Я запутался во всем этом, — честно сказал Вермонт. — Николай Иванович, скажите мне, что там, там что? ЧТО? С треугольного лица со стоящими над ним дыбом волосами на пленника науки смотрели безумные и отчаянные глаза.

Чебутыкин в прежней своей жизни был шофером совхозного грузовика. Вермонт знал это из информации, срочно затребованной и полученной из ЗАГСа в Липицах. Сейчас шофер грузовика смотрел на бледного, измученного недосыпом, взбудораженного чефирем физика с иронией в маленьких глазках под короткими кустистыми бровками.

— Хочешь знать, чего там? А это просто узнать! Он заулыбался, ощерился неприятно и нагло. У него были крепкие маленькие зубы. — Помри и узнаешь!

— Я серьезно, Николай Иванович., — смиренно сказал Вермонт.

— А и я серьезно! Ты чего ж думаешь, выудил меня сюда как рыбу на спиннинге, — шофер когда-то был рыбаком и удил на спиннинг в Оке, — и теперь исследовать будешь? Хрен-та! Шофер показал ему кукиш. — Меня врачиха исследовала, гоняла по анализам... загоняла всего... затравила, сука... вот я и помер.

Илья едва удержался, чтобы не выразить Чебутыкину сочувствие в связи с постигшей его кончиной.

— Николай Иванович, вы понимаете... раз уж так случилось, что вы тут... то может, вы все же расскажете, что происходит с человеком после того, как он... Вермонт поднял на собеседника глаза, не решаясь произнести слово. Он заранее почувствовал всю фальшь своих слов, но договорил до конца. — Это очень важно для науки.

Чебутыкин вдруг вздохнул. Он вздохнул с такой глубокой печалью, что Вермонту стало жалко этого невысокого мужичка с измученным лицом, небритым подбородком и маленькими, глубоко сидящими глазками под короткими бровями. Он молчал сочувственно, словно соглашаясь с тем, что своими расспросами причиняет собеседнику боль. Он даже не мог объяснить ему, почему задает эти вопросы, не предусмотренные комплексным планом психологического обследования (впрочем, план еще только писался в соответствующем НИИ и еще ждал обсуждения на научном совете и утверждения в Академии), почему ворвался в отсек без разрешения научного руководства института, почему проявляет дешевое ненаучное любопытство. Молодой физик молчал, смиренно наклонив гудящую от недосыпа, ноющую в висках, взлохмаченную голову.

— Там красиво, — начал говорить Чебутыкин. — Там идешь, бывало, по полю, а дальше такие холмы... такие, слышь, ты, физик, холмы... а на холмах жирафы... пасутся... вместе с буйволами... в мире и согласии.

— Куда идешь?

— А куда хочешь туда и идешь, — объяснил Чебутыкин.

— А что там вообще люди делают?

— За всех не скажу. А я гуляю.

— А с другими людьми вы там встречаетесь?

— Ну а как же!, — оживился шофер. — У меня там и друзья есть! Там за лесом в хижине живет один старик, звать Ерема, он между мирами ходит туда-

сюда... с евреем одним старым я там тоже знаком, Исаак Лурия его зовут, он раввин... у него камни летают и птицы стоят в воздухе... ну там и наших русских много, они собираются по субботам в лекционном зале и слушают выступления...

— У вас там и лекционный зал есть?

— У нас там все есть, не то что у вас тут!, — заносчиво отвечал Чебутыкин, явно гордясь развитой инфраструктурой тех мест, откуда прибыл.

— А выступает кто?

— А все. Артисты помершие там, Утесов вот на днях про одесские лиманы пел, Шульженко про синий платочек, но я больше на лекции Ленина хожу, он завел там ликбез для представителей рабочего класса...

— Лекции Ленина?

— Ну да, Ильич нам читает про то, про се... Побалакать с ним и после лекции можно... В последний раз он нам читал про олигархический капитализм в современной России.

— А еще кто читает?

— А все!, — отвечал Чебутыкин, принимая свободную позу на неудобном жестком стуле. Воспоминания о блаженных местах увлекли его. — По абонементу. Христос, Моисей, Будда, Конфуций, Зороастр, блаженный Августин, Черчилль, Ленин...

— А Сталин?, — почему-то спросил вдруг обалдевший Вермонт.

— Нет, Сталин не у нас, он в аду.

— Так вы из рая к нам прибыли?, — обрадовался Вермонт.

— Ну откуда же еще, мил человек!, — крикнул ему Чебутыкин, вставая. Молодой физик поднял глаза на стоящего перед ним невысокого, круглолицего человека с покатыми плечами, короткими бровями и прыгающими в приступе смеха идеально-здоровыми мелкими зубами и понял, что совхозный шофер смеется над ним.

5.

Лимузин, на котором ехала Анна Вивальда, пробился сквозь пробки на Ленинградском шоссе, медленно проехал через Тверскую улицу и остановился у отеля "Арагат-Хайат" на Петровке. Швейцар плавным жестом затянутой в белоснежную перчатку руки открыл дверцу. Из полутьмы кабины прежде всего показались острые коленки Анны Вивальды и ее красные босоножки, а потом и она сама, снова успевшая погрузиться в недовольное, печальное и даже очень горькое настроение. Она уже успела нацепить на себя огромные черные очки. К стеклянным дверям отеля она шла в новом обвале сияющих фотовспышек. У дверей отеля каблук подвернулся, и она чуть не свалилась. Кто-то поддержал ее под локоть.

В огромном холле ее ждал с букетом роз управляющий отеля. Анну Вивальду передернуло от его слащавой улыбки и бесконечных идиотских букетов, которые ей вручали по каждому поводу. В лифте молоденький лифтер в кофейной куртке с блестящими пуговицами и в круглом кепи с бронзовой бляхой изо всех сил старался смотреть прямо перед собой, но иногда его глаза быстро стреляли в сторону певицы. В своих огромных черных очках Анна Вивальда стояла неподвижно, словно лошадь, у которой шоры на глазах. Когда она вошла в приготовленный для нее номер на пятом этаже — президентская сюита в белых и

кремовых тонах с сиреневыми шторами, розовым балдахином у кровати и креслами на изогнутых ножках— вся эта суета ей уже надоела чуть ли не до смерти. Она устала. Она наклонилась, расстегнула ремешки своих итальянских босоножек и раздраженными движениями сначала одной, а потом другой тощей длинной ноги задурила их в стену.

— На-до-е-ло!, — по слогам проскандировала она, отправляя в стену первую босоножку.

— Мне надоело, ты поняла!, — яростно крикнула она вслед второй и босиком, покачиваясь на длинных тощих ногах, пошла по белоснежному паласу. — О господи, какое все же все дерьмо... Она никак не могла найти свою фляжку, чтобы хлебнуть еще раз, и сказала сама себе: Фляжечка убежала! Тут она перешла в спальню и упала спиной на кровать.

— У тебя сегодня пресс-конференция. Ты уже пила в самолете, — отвечал ей менеджер Джон Фенимор Купер Дакоста. Оказывается, он тоже был в ее номере.

Она сняла очки и, держа их за дужку, уронила руку с кровати. Некоторое время она смотрела на Дакосту немигающим взглядом своих огромных трагических глаз.

— Слушай, ты, отстань от меня... Где мой Veterano?

— Ты была безобразна в самолете. Зачем ты приставала к летчикам?

— Не делай мне замечаний!, — она повысила голос.

— Где ты взяла порошок? Как ты умудрилась пронести его в самолет? Ты понимаешь, чем ты рискуешь? Где ты его прячешь? Учти, у них здесь с этим очень строго! Вертикальная демократия!, — он где-то читал, что русские так называют свой образ жизни и правления.

— Ты ничего не понимаешь!, — на глазах у нее вдруг выступили слезы. — Ты мучаешь меня! У меня все болит, вот тут давит изнутри... Она помахала пальцами в черном маникюре, показывая, что происходит у нее внутри. — Я не спала три ночи, по голове бегают какая-то мушкетеры... Я больше не могу петь этот твой блюз, и соул тоже не могу, и фанк мне надоел, и вообще я хочу ДРУГОГО!

Он молча посмотрел на нее. Такие монологи он уже слышал многократно. На самом деле он не знал, что с ней делать. Анна Вивальда уже выходила из под контроля и срывалась с цепи, и возить ее по миру было опасно для жизни и окружающих. Он боялся непредсказуемого.

— Ладно, с тобой все ясно. Иди, — сказала она ему неожиданно спокойным тоном.

Когда Джон Фенимор Купер Дакоста крупными раздраженными шагами вышел в коридор, то увидел мальчика-лифтера в коричневой форменной куртке, который нес в руке большую клетку с полукруглым верхом. В клетке сидел толстый розовый хомяк и маленькими черными глазками с большой приязнью смотрел на Джона Фенимора Купера Дакосту. Это был друг Анны Вивальды, которого она всегда возила с собой. "Ах, ну да, еще и ты тут, приятель!", — мрачно подумал Дакоста, и настроение его совсем испортилось.

Глава третья

1.

Веяли синие флаги тоталитарных демократов. Высоко поднятые в дымное московское небо, они слабо колебались, откликаясь на дыхание уже почти придушенного жаром, полумертвого ветерка. Автомобили, ехавшие по Тверской, в любопытстве притормаживали и вызывали истошные гудки у других автомобилей. Пушкин со своего постаментов с задумчивой отрешенностью разглядывал дурацких потомков.

У сцены, воздвигнутой за ночь у памятника, стройными рядами стояли партийцы. Женщины были в синих косынках. Среди них преобладали статные и полные матроны то ли административного, то ли торгового облика. Среди косынок возвышался голый шар с вмятиной: голова депутата, помощника, охранника, боксера Славика. Прямо по центру, перед сценой, в мрачном сосредоточении стояла группа товарищей в черных дорожных костюмах — полный состав фракции тоталитарных демократов в Госдуме. Справа, выстроившись в колонну по два, в дисциплинированном молчании ждали начала митинга сто десять молодых людей в синих майках и красных боксерских перчатках на хорошо развитых руках. Это были боксеры из спортивных секций партии. Тоталитарные демократы из всех видов спорта предпочитали бокс как наиболее близкий их идеологии.

Огромный черный "Майбах" с черными стеклами, цифрами 111 на номере и с синим бьющимся флажком на капоте подкатил к кинотеатру "Россия". Сзади, впритык, припарковался квадратный "Гелендеваген" с охраной. Дверцы его мгновенно открылись, и несколько крупных мужчин с бритыми затылками ловко образовали живой щит вокруг лидера партии. Трепаковский был в оливкового цвета френче с двумя большими нагрудными карманами, в бежевых брюках со стрелками и в белых остроносых туфлях. Он шел в кольце своей охраны по бульвару, и вслед за ним уже бежали в волнении городские зеваки, и энтузиасты уличных зрелищ, и возбужденные политические маньяки, и молодые люди, у которых радостью близкой бучи светились лица, и обтрепанные мужчины с давно нестриженными волосами, которые быстро поспедали вслед, надеясь, что им перепадет минута личного времени великого Трепака, который вот уже двадцать лет фиглярствовал и пророчествовал на просторах России.

Оливковый френч поднялся на трибуну. Остроносые белонеснежные туфли заняли позицию у микрофона. Покосившиеся было древки тут же встали прямо и теперь указывали остриями прямо в дымный московский небосвод. Флаги взметнулись и завяли с новой силой. Женщины в синих косынках замолчали. Двести двадцать боксерских перчаток фирмы Everlast угрожающе качнулись, готовые дать в морду любому недругу любимого лидера. "Россия!", — возвал в микрофоны Трепаковский, как обычно, с первой же секунды выступления беря самую высокую ноту. Это был его стиль: сразу громко и сразу быка за рога! — "Россия, я принес тебе весть!" Его голос метнулся над широкой Тверской, отразился от стен домов и вернулся к постаменту памятника. Люди на той стороне улицы, шедшие полакомиться американской котлетой в "Макдональдс", в удивлении оборачивались.

Еще совсем немного времени назад, завтракая у себя на кухне, лидер партии Трепаковский производил впечатление интеллигентного человека, который на досуге мирно коллекционирует советские подстаканники; но стоило ему выйти на трибуну и сказать первое слово, как он превращался в орущую без пауз бестию, которую как по наитию несло на вздыбленные горки всевозможных провокаций. И сейчас, видя веющие синие знамена родной партии — мое дети-

ще, мое детище! — и все увеличивающуюся у его белых остроносых туфель толпу, он ощутил приятное и привычное чувство освобождения. Его как будто отвязали от колышка, и он сорвался и полетел. Смысл его лихорадочной речи сводился к тому, что он единственный знает, как воспользоваться огромным открытием, сделанным великим русским ученым Вермонтом. И теперь пришел час, когда нищие и русские должны встать под синие знамена тоталитарных — да, слышите, тоталитарных! — демократов, потому что только синие знамена ведут к бессмертию. Да, только под синими знаменами — древки как будто еще сильнее подтянулись при этих словах, и ветер каким-то чудом реанимировался и задул, и по синему полотну побежали мягкие волны, — Россия пойдет в жизнь вечную, потому что смерти теперь больше нет. "Смерти больше нет, вы поняли меня, мерзавцы?!, — с внезапной яростью и свирепым выражением своего подвижного лица завопил он. — Смерти больше нет, это я говорю вам, я!я!я!, — короткое "я" вылетало из его губ с шипением, как пробка из шампанского, и вообще весь он уже шипел и исходил яростью и готов был закрутиться, взвиться и вцепиться кому-нибудь зубами в ухо. — Смерти нет и не будет, и запомните, что первым это сказал вам я, потому что только у меня слова не расходятся с делом! Я вам это обещал, и я вам это дам!" Нет нужды говорить, что ничего подобного он никому никогда не обещал, но это не имело ни для него, ни для его слушателей никакого значения.

"Я пойду в поход на Кремль, и за мной пойдете вы все, нищие и русские!", — провозгласил Трепаковский. Он провозглашал это уже лет десять подряд, и это воспринималось всеми как политическая аллегория и красивая ораторская фигура, не имеющая практических последствий. Так это было понято и сейчас. Люди ждали другого, того, чем непременно кончались все публичные выступления Трепака. И вот он обернулся к охране и сказал: "Давай!" В руках охранников возник чемоданчик советских времен, коричневого, с обитыми железом углами и болтающейся ручкой. Сотни человеческих глаз ели этот побитый старый чемоданчик так, как будто именно в нем и хранилось счастье и жизнь вечная. Не успел один из охранников открыть чемодан, как Трепаковский сунул под крышку обе руки и тут же жестом человека, выпускающего голубя, швырнул их вверх. В жаркое летнее небо взмыли купюры. Задние ряды, вмещавшие в себя примкнувших зевак и случайных прохожих, рванулись вперед, сминая дисциплинированных партийцев, древки с синими знаменами заколебались, боксеры по команде перешли на шаг на месте, а на шар славикиного черепа вдруг обрушилась клюка долговязого инвалида, пробивавшегося к трибуне с целью вручить Трепаковскому ученическую тетрадку, содержащую написанный от руки план спасения России от сионистов.

Началась буча. Трепаковскому почему-то было приятно смотреть сверху, как у самых мысков его белоснежных туфель в жарком комке возятся десятки тел и пялятся десятки лиц. Из водоворота высывались руки и пытались ухватить денежные купюры, плавно съезжавшие с неба по спирали. Светясь зелено, съезжали тысячные, и стыдливо краснели пятитысячные, умеющие ловко увилывать от человеческих рук. "Что он дает? Что он им дает?", — с ужасной жадностью во взгляде спрашивал у всех вдруг подбежавший человек. "Вы разве еще не знаете? Талоны на бессмертную жизнь!", — сказал кто-то. Человек посмотрел на всех диким взглядом и бросился в толпу.

Голова у Ильи Вермонта превратилась в шар, разбрызгивающий синие искры. Иногда ее пронзали острые, болезненные мысли, и тогда искры начинали крутиться вокруг головы, образуя крутящийся с дикой скоростью нимб. Он не спал уже восемь суток, вернее, считал, что не спит восемь суток. На самом деле к нему в лабораторию на первый этаж периодически спускался с последнего, директорского, пятого, лично Лоренц-Валиулин и, мягко взяв под локоток, отводил на улицу, где у крыльца уже стояла большая черная Audi с шофером и охранником. "Илья Александрович, милый вы мой, вам надо поспать... вы нам дороги... и русской науке вы тоже еще пригодитесь", — ласково приговаривал академик, усаживая бледного физика с сумасшедшими глазами в машину. Но как только дверца захлопывалась и машина срывалась с места, увозя Вермонта в его однокомнатную холостяцкую квартирку с самодельной цветомузыкой, как ласковое выражение пропадало с лица академика и он мрачно возвращался в институт.

Окна на втором этаже института горели теперь даже по ночам. Там работала приехавшая из Москвы группа математиков, которая должна была проверить математический аппарат эксперимента, разработанный Вермонтом, и заполнить дыры, возникшие в расчетах из-за неустойчивости его мыслей и общей рассеянности характера. Вермонт готовился к эксперименту несколько недель и писал свои формулы и расчеты где придется: на полях местной городской газеты, на стене в кухне и даже на манжетах рубашки. Теперь же, лежа без сил в темноте своей единственной комнаты, глядя блестящими глазами в потолок, на котором крутились цветные пятна света, исходящего из двух цилиндров толстого непрозрачного стекла (Вермонт включал цветомузыку без музыки), он мучительно вспоминал, куда же подевал ту рубашку, на манжетах которой писал в припадке математической страсти два месяца назад. Неужели отдал в прачечную? Об этом было страшно подумать. Из его груди вырвался стон.

Ему помогали, даже против его воли. Пока он бродил по лаборатории, искося поглядывая туда, где за стеклом трио врачей-психологов беседовало с Чебутыкиным, люди из ФСБ со свойственной всем спецслужбам наглостью вскрыли его квартиру и учинили жестокий обыск. Они выкинули из шкафов все его белье, перетрясли книги, достали из ящика в ванной грязные рубашки и трусы и прощупали в них швы, сгрузили в целлофановый мешок все компакт-диски, найденные в квартире, и увезли их в свои подвалы. Они вытащили из ноутбука жесткий диск и увезли его тоже. Правда, все это делалось под предлогом заботы о Вермонте, и вместо изувеченного старенького ноута ему тут же выдали в институте новый, с двухъядерным процессором и терабайтом памяти. Илья подолгу сидел перед новеньким ноутбуком и иногда даже что-то писал в TeX. Писал и уничтожал. У него возникли какие-то новые, личные отношения с клавишей delete. Он ее полюбил вплоть до ненависти.

Математики, приехавшие из Москвы, всю крыли его в своих разговорах. Они не могли понять его логику. Дыры в его расчетах оказывались фатальными, его допущения вызывали мысль о безумии или сильном пьянстве. Кто-то предположил, что этот Вермонт или гений, или осел. Ему возразили, сказав, что ослы таким изощренным математическим аппаратом не обладают; но очень может быть, что прежде чем творить, он курил коноплю. Кульбиты и перевороты Вермонта ставили в тупик самых искушенных математиков. В то время, как они исследовали его расчеты и вглядывались в крупномасштабные фотографии,

на которых были зафиксированы написанные на стене в кухне формулы, сам Вермонт лежал голый по пояс, в джинсах и полукедах на кровати, широко раскрытыми глазами глядел на бессмысленные цветные круги на потолке, и лоб его покрывался холодным потом. Фотографии, сделанные на его кухне, были развешаны в большом зале, куда математики сходились каждые несколько часов, чтобы под руководством еще одного академика сверить расчеты.

В это время директор института Лоренц-Валиулин сидел в кабинете на пятом этаже, обхватив голову руками. Подглазные мешки отвисли еще сильнее. Он велел секретарше не пускать к нему никого. Он хотел сосредоточиться и подумать о самом важном, но ему не удавалось это в последние несколько суток, с тех пор, как идиот Вермонт зачем-то преодолел материю, разломал время и выписал сюда мертвеца Чебутыкина. Опасность сгущалась. Академику Лоренц-Валиулину грозило многое. Во-первых, он уже имел информацию о готовящемся письме сорока академиков, которые обвиняли его в шарлатанстве и обмане руководства страны. Во-вторых, он знал, что его заместитель за его спиной имеет сепаратные контакты с людьми из ФСБ, которые теперь кишмя кишели в кабинетах и коридорах института. В то время, как он вот так сидел, сдавливая виски своей большой представительной головы ладонями, два снайпера лежали практически у него на голове, слухач сидел в трубке его телефона, секретарша снимала копии со всех его бумаг и передавала мальчику в отлично сшитом костюме цвета стали, который еще имел наглость кокетничать с этой дурой. Все это было опасно, в высшей степени опасно, и он уже предчувствовал, что главная тайна вот-вот вылезет на свет. Собственно, сейчас Лоренц-Валиулин, преодолевая головную боль, режущую виски, и пытался понять, как будет реагировать и что предпримет, когда обнаружится, что дело вовсе не в математике, где так преступно и безумно наблудил юный дурак Вермонт, а в кое-каких других, очень прозаических обстоятельствах...

Директор института знал то, что знали вместе с ним сотни людей в Протвино, включая водителей рейсовых автобусов, парикмахерш, таксистов и даже сантехников, чинивших канализацию в туалетах института. Все это знали, и все-таки это оставалось тайной для наехавших из Москвы разведчиков и контрразведчиков, охранников и снайперов, полковников и подполковников, членов комиссий и работников аппарата, математиков и физиков. И вот теперь общеизвестный факт наглым багровым кукишем вставал перед потрясенным академиком с седыми бровями. Дело в том, что ускоритель, который был запущен по его разрешению для проведения планового эксперимента по программе старшего научного сотрудника к.ф.-м.н. И.А.Вермонта, представлял собой гигантскую кольцевую трубу с дырами, которые возникли от многолетней бесхозяйственности и которые так и не успели залатать. Ускоритель, который должен был стать гордостью советской физики, так и не был достроен и уже более двух десятилетий являлся памятником великой эпохи. Но желание дать асимметричный ответ на швейцарский андронный коллайдер было так велико и имело такую сильную поддержку в некоторых весьма высоких кабинетах, что директор института физики высоких энергий вынужден был — или сам этого хотел? — подписать письмо, в котором заверял Академию, что под его руководством проведены следующие работы... и еще следующие работы... в результате чего ускорительно-накопительный комплекс протонов находится в состоянии, позволяющем произвести краткосрочный пуск, что продемонстрирует всему миру высокий уровень развития физики в современной России.

Подписывая эту бумагу, академик Лоренц-Валиулин рассчитывал недолго погонять по трубе коллайдера какой-нибудь заваливающий пучок и на том успокоиться. Большим успехом после двадцати лет простоя стал бы сам запуск машины с подземным туннелем в 21 километр. В результате два-три человека защитили бы кандидатские, кандидат наук Вермонт стал бы самым молодым в стране доктором, а по всем СМИ прошла бы информация, что в Протвино, на переднем крае современной физики, под руководством академика Лоренц-Валиулина, ведутся сложнейшие изыскания. Вместо этого они что-то передернули в устройстве мира и вызвали непредсказуемые реакции. Скромного научного успеха не получилось, зато теперь за стеклом сидел хитроумный совхозный шоферюга и морочил головы светилам психологии, прибывшим из института Сербского. Они раскалывали самых страшных маньяков и убийц, но перед шофером пасовали. По всем документам он был давно мертв, что не мешало ему требовать от врачей пива. Академик с ужасом подумал, что будет, когда обнаружится правда про дыры в ускорителе, и у него на лбу, как и у Вермонта, выступил ледяной пот.

3.

Милицейский спецназ подъехал в дому на Четвертой Магистральной улице в половине пятого. К этому времени авторитет-уголовник по кличке Шило удерживал в заложниках двух своих собутыльников уже более шести часов. Переговоры с ним шли непрерывно и по телефону (он потребовал положить ему на мобильник тысячу рублей, что было выполнено незамедлительно), и через хлипкую дверь квартиры, обтянутую кожзаменителем. Полковник милиции в светлой спортивной курточке, стоявший у двери и уговаривавший Шило сдаться без кровопролития, прекрасно понимал, чем рискует. Он знал, что Шило — бугай двухметрового роста, с синеватым черепом и раскрашенной татуировками грудью — стоит с той стороны тоненькой двери с обрезом в руках. Одно неловкое слово, и он выпалит в дверь из обреза. Так они и переговаривались.

Спецназ выгрузился из автобуса, у которого все окна, кроме лобового, были задержаны шторками. Автобус поставили за домом, так, чтобы Шило не мог увидеть его из окна. Два десятка людей в шлемах-сферах, в голубоватом камуфляже и черных бронежилетах абсолютно бесшумно зашли в подъезд и без единого слова рассредоточились по узкой лестнице с серой трубой мусоропровода. В это время полковник в светлой курточке делал последнюю попытку договориться.

— Шило!, — позвал он через дверь. — Ты тут?

Никакого ответа. Полковник напряженно слушал, не прозвучит ли в тишине звук взводимого курка. Он прекрасно знал биографию уголовного. Тот уже четыре года был в розыске. На нем висели три убийства. Из тридцати восьми лет своей жизни он отсидел пятнадцать. Последний его срок был восемь лет. Семь месяцев назад его на свою беду опознал милиционер на входе в метро; Шило убил милиционера, выстрелив ему в голову из пистолета со спиленными номерами, и даже не изменил маршрута. Он съехал по эскалатору вниз, сел в поезд и спокойно уехал. Была там и еще одна подробность, о которой полковник тоже знал. Самообладание уголовного было таково, что он совершенно не забеспокоился в тот момент, когда автомат по непонятной причине отказался считывать информацию с его билета и переключать красный на зеленый. Не об-

ращая никакого внимания на крики ужаса, раздававшиеся перед входом в метро, где лежал, истекая кровью, смертельно раненый милиционер, Шило обратился с жалобой к дежурной по станции, которая подошла к нему, взяла у него из рук билет и провела по считывающему устройству. Все это зафиксировала камера наблюдения.

— Тут я, — негромко сказал Шило, высовываясь в коридор из комнаты. Ствол в его руках поднялся, и его черная дыра смотрела в сторону двери. Шило боялся, что полковник подманит его к двери, с той стороны которой уже стояли спецназовцы с бронебойными винтовками. Они завалят его, стреляя через дверь. Поэтому он не подходил к двери и тоже напряженно прислушивался к каждому звуку. Так они играли с полковником в кошки-мышки.

— Шило, давай заканчивать, — по-свойски предложил полковник. — Я гарантирую тебе безопасность, если ты сдашься в ближайшие пять минут.

— А десять лет ты мне тоже гарантируешь?

— Это как суд решит, — сказал полковник. — Но если обойдемся без крови и заложники останутся целы, мы сможем кое о чем попросить судью... Ты нас знаешь. Все будет учтено, Шило.

Шило наклонил свою бритую голову с большим горбатым носом. Лоб у него был как будто стесан назад. Голова у него была непропорционально-маленькая относительно огромного тела. Он знал эту особенность своего строения и объяснял ее тем, что для его жизни мозгов много не нужно... да в маленькую голову и труднее попасть. Глаза на лице были узкие, лоб в морщинах. Сзади, за его спиной, в разгромленной комнате, со связанными за спиной руками сидели на полу двое его собутыльников, которых он, сам не зная зачем, взял в заложники. Взять с них было нечего. На столе у окна стояли недопитая бутылка водки, стаканы, банка с маринованными помидорами, открытая банка рыбных консервов. В окно был виден заставленный барахлом балкон с ржавыми прутьями и зеленой ребристой пластмассой.

— Ох, не верю я тебе, мент поганый, — добродушно сказал Шило. Этот огромный бритый мужик, как доисторический бронтозавр, отличался холодной кровью; сейчас, когда ментура обложила его со всех сторон, пульс у него был нормальный, и он совершенно не волновался. В отличие от полковника, который знал, что задача его по сравнению с начальным этапом переговоров изменилась и он теперь только тянет время, давая спецназу занять правильные позиции. Полковник сейчас очень волновался. На ступеньках лестницы, спинами к стене, чуть приподняв дула маленьких автоматов, стояли спецназовцы в шлемах с опущенными забралами. Двое поднялись на лестничную площадку и встали рядом с переговорщиком. Огромный спецназовец держал в руках кувалду. В своем круглом шлеме с черным непрозрачным стеклом он казался роботом.

— Даю тебе слово офицера, Шило, — снова начал полковник. В этот момент командир спецназа, стоявший на лестничной площадке пролетом ниже, сделал быстрый знак обтянутыми черной перчаткой пальцами, робот с шаром вместо головы отступил своими огромными ботинками на шаг, поднял кувалду и с размаха опустил ее на дверь. Дверь с треском вылетела из рамки. Двое в шлемах-сферах бросились в дверной проем, вслед за ними ринулись еще трое. Раздались дикие крики: "Всем на пол!"

Двое взятых в заложники собутыльников расширившимися глазами смотрели, как их недавний друг в один прыжок преодолел комнату и выскочил на балкон. Обрез он с такой силой швырнул в угол, что у него отлетел приклад.

Резким движением уголовник перебросил длинную ногу с домашнем тапке без задника через решетку балкона. Тапок слетел с ноги и, переворачиваясь, полетел вниз. Милиционеры оцепления, подняв головы, в удивлении смотрели на вертящийся в воздухе тапок. Сверху Шило, смеясь и радуясь, видел их запрокинутые и потому искаженные лица. Один стал медленно поднимать руку с пистолетом. Еще несколько секунд Шило сидел верхом на решетке балкона в одном тапке и с ухмылкой глядел на группку генералов и полковников, стоявших под деревьями поодаль. Он все видел, все замечал.

В четырех метрах от него, в комнате, возникли две фигуры с круглыми головами прищельцев. Они молча грозили направленными в его грудь автоматами. За их спинами появился полковник в легкой курточке и с бледным мокрым лицом. Бутылка на столе опрокинулась, и водка лилась на пол. Водки было жалко!

— Шило, дорогой, кончай дурить!, — затянул свою песню бледный полковник. — Давай без глупостей. Давай...

— Ты же слово офицера мне давал, сука!, — добродушно ухмыльнулся небритый бугай со стесанным лбом, горбатым носом и маленькими острыми глазками.

— Шило, давай без глупостей. Зачем это нам? Не нужно никому. Суд учтет.

— А смерти больше нет, гражданин начальник, — сказал, улыбаясь, Шило, не чувствуя крови, которая струилась по его лицу из пробитого осколком стекла лба. Он не заметил, что вышел на балкон сквозь застекленную дверь. Боли он тоже не чувствовал. Он перебросил через проржавевшую решетку балкона вторую ногу, оттолкнулся задом от перекладины и, счастливо улыбаясь, полетел вниз таким, какой был — с осколком стекла во лбу и в тапочке на левой ноге.

4.

В жарких июльских сумерках сияли высокие стрельчатые окна концертного зала на Рублевке. Стекланная крыша выпускала в высокое звездное небо рассеянный свет. Звезды меркли в свете человеческого праздника, словно признавая свою никчемность перед господами в рубашках из тончайшего египетского хлопка и светскими львицами в атласных обтягивающих платьях, подъезжавшими по узкому шоссе в низких приземистых автомобилях. В огромном ярко освещенном фойе пианист в черном пиджаке с атласными серебристыми лацканами, сильно наклоняясь то влево, то вправо, скользил руками по клавишам белого рояля Стейнвей. Звук этих идеально настроенных клавиш плавал в отлично кондиционированном, пахнущем озоном воздухе фойе и смешивался с другими, столь же приятными звуками удавшейся жизни: позвякиванием льдинок в высоких стаканах, томными женскими голосами, вальяжными мужскими баритонами, четким стуком высоких каблуков, приглушенным смехом и мягким шелестом дорогих юбок вокруг соблазнительных ног. На белых столах по периметру фойе стояли подносы, украшенные античными греческими вазами с экзотическими фруктами, которые, однако, оставались невостребованными. Публика полагала, что это не еда, а произведения искусства. Вдруг по пахнущему озоном прохладному воздуху прокатился мелодичный звон. Он исходил прямо из стен. Пианист покорно убрал свои белоснежные руки от рояля. Хозяин вечера в

черном шелковом смокинге, расстегнутой в ворота белой рубашке и узких длинных мокалинах цвета оранж стоял у микрофона. Стержень с микрофоном на конце поднялся прямо из пола точно на ту высоту, на которой находился готовый говорить рот банкира-меломана.

— Друзья, — сказал он, — всего лишь несколько слов...! Он взмахнул рукой с маленьким перстеньком, который разбрызгивал во все стороны искры дорогого огня. — Сегодня на наш праздник, происходящий в такие знаменательные дни начала вечной жизни... прилетела...из своего уединения на Карибских островах.. снизошла, так сказать, на нашу грешную Рублевку... я рад вам представить самую красивую женщину на планете Земля... несравненную... Он возвысил голос и закончил в нарастающем смехе, шуме, возгласах удовольствия, удивления, веселья и восторга: — нашу любимую Анну Вивальду!

Едва он закончил, как широкие двери открылись сами собой, и публика потекла в зал. Зал был устроен как косогор: двадцать пять рядов обитых вишневым бархатом мягких кресел спускались к сцене. Публика еще не успела рассесться, как фигура певицы с распущенными волосами появилась на верхней площадке белой мраморной лестницы, украшавшей сцену. Она была в коротком платье, открывавшем ее знаменитые колени, одно из которых было украшено родинкой. В свете софитов было видно, что ее черные волосы отливают темным медом. Ее огромные дико накрашенные глаза глядели на людей внизу с тем выражением невыразимого трагизма, которое так хорошо было известно мужчинам и женщинам, хоть раз в жизни державшим в руках глянцево-журналы *Vog*, *Elle* и *Cosmopolitan*. Она не улыбалась. Маленькая черная туфелька, изогнутая, как шея лебедя, ступила на следующую ступеньку, и первые ряды отчетливо услышали, как певица сказала "Fuck!" в тот момент, когда ее нога подвернулась и она чуть не слетела со своих высоких каблуков и заодно с лестницы.

Концерт начался. В темноте горели только круглые, как тыквы, и такие же желтые светильники в углах зала. Изнутри ваз на белоснежной лестнице сочился темный багрянец подсветки. Анна Вивальда видела перед собой темный зал, заполненный белыми кругами лиц. Она совершенно не испытывала к публике того, о чем всегда слащаво говорят артисты: любви, благодарности, уважения, признания. Все это была какая-то лицемерная чушь. Мысль о том, что своим благосостоянием она, Анна Вивальда, обязана им, этим богачам — такую мысль постоянно внушал ей Дакоста — вызывала действие обратное тому, которого он думал достигнуть. Она считала человека, который платит полтора миллиона долларов за ее концерт, крупным чудачком. Она начинала в четырнадцать лет в баре на окраине Лондоне, где пела свои песенки под гитару, и тогда ей платили за вечер десять фунтов, и это было нормально, а все остальное, что с ней было потом, казалось ей сном. С миллионами, заработанными во время мировых туров, она не встречалась, с ними что-то делал ее модный менеджер-аристократ, куда-то вкладывал, где-то крутил и в общем, видимо, справлялся. На порошок ей хватало, на *Veterano* тоже.

В программке с черной глянцевой обложкой на узких розовых листах тончайшей бумаги было написано, что Анна Вивальда исполнит перед высокой московской публикой свои лучшие и главные хиты. Дальше шел перечень песен, первой в котором стояла знаменитая *Back to the Hell*. Это была драматическая композиция о больших кадиллаках, островах в Средиземном море и скрипаче, играющем на свадьбах и похоронах. Анна Вивальда исполнила эту вещь,

неподвижно стоя у микрофона на своих высоченных каблуках и глядя в зал широко распахнутыми, ничего не понимающими глазами. Зал ответил овацией. Эти люди ее любили — да, несомненно, она им нравилась, — но даже в момент овации, случившейся после первой же песни, из души ее не уходило странная растерянность перед жизнью. Она чувствовала свое одиночество всегда и везде.

Дальше Анна Вивальда пела песню за песней, всего шестнадцать песен; середина концерта, судя по программке, должна была быть чисто рок-н-ролльной, а в конце, в знаменитой семиминутной Crazy Girl, ожидался апофеоз. К этому моменту (шла сорок седьмая минута концерта) Анна Вивальда уже вообще плохо воспринимала зал, то есть понятия не имела, поет она перед сорока людьми или сорока тысячами. Тьма с белыми пятнами и желтыми тыквами по краям уходила вдаль, к горизонту, и оттуда, как мощный прибой, накатывал шум. Белый порошок и янтарный бренди встретились в ее теле и вступили в прекрасные отношения. Она трижды зачем-то пыталась пройти в левый угол сцены и трижды подворачивала ногу на высоком каблуке и с трагическими глазами говорила себе что-то жуткое. Ее качало и водило, чем дальше, тем сильнее. Но она пела, звук изливался из нее, тот волшебный звук сильного страстного голоса, который так хорошо знали ее поклонники во всем мире. Но вдруг она остановилась, держась двумя руками за микрофон, и увидела высокого старика с длинной седой бородой, который макушкой пробил окружающую ее тьму с белыми пятнами и теперь говорил что-то.

В зале поднялся шум. Никто не мог понять, как попал сюда этот старик в сером длинном рубище до пят, подпоясанном узким ремешком. У него была легкая седая борода и длинные волосы, тоже седые, и с высоты своего почти двухметрового роста он на удивление громким и ясным голосом вещал что-то о покаянии перед переходом в мир иной. Он успел сказать несколько фраз о смерти, которая им всем предстоит в ближайшее время, — и пусть не думают, что Господь отдаст им тот мир, как отдал по доброте своей этот! — но уже к нему проталкивались по рядам охранники и бежали билетеры. "Уберите сумасшедшего! Бомж какой-то! Как он сюда попал? Мешает слушать! Выведите его!", — неслось отовсюду. Старик спокойно шел к дверям в окружении охранников и билетеров, возвышаясь над ними своей крупной седой головой, и Анна Вивальда со сцены видела его длинные волосы, рассыпанные по плечам. Он сбил ее с толку, и она уже не помнила, что пела, а что нет.

Вступление на мандолине, альте и бас-гитаре насторожило людей в зале; некоторые меломаны довольно кивнули головами, полагая, что Анна Вивальда в знак уважения к московско-рублевской публике сделала новую аранжировку старой вещи. Но это была не новая аранжировка, а внезапно возникшая в голове певицы поэтическая импровизация, в основе которой, как объяснил потом на страницах New York Times знаменитый музыкальный критик, лежали воспоминания детства. На самом деле в окончательно освободившемся от условностей места и времени сознании певицы просто возникла детская песенка, которую она сочинила в возрасте пяти лет; и она погрузилась в эту немудреную песенку, как в блаженный рай и свое любимое теплое море.

На маленькой попонке лежали два кота,

А рядышком лежали пушистых два хвоста, — спела Анна Вивальда, громко сказала: "Всё!", и в гробовой тишине пошла прочь. Шла она довольно долго. Некоторое время публика рассматривала пустую сцену, а вслед за тем за-

шумела, поняв, что после странной песни про двух котов и их пушистые хвосты больше ничего не будет.

Глава четвертая

1.

Пружинистой походкой дзюдоиста президент Российской Федерации вошел в зал. Все встали. Все здесь было огромным: белые высоченные двери, круглая люстра в три обхвата, лепные потолки на немыслимой высоте и длинный стол, вдоль которого после кивка президента снова уселись министры. За боковыми столами, прилежные, как ученики, разместились чиновники рангом пониже: заместители министров, руководители государственных комитетов и агентств. Два стола размером поменьше были отданы крупному бизнесу. Как только президент начал говорить, на него обрушилось белое сияние фотовспышек. Он продолжал говорить ровным, знакомым всей стране голосом и тогда, когда фотографы, закончив пятиминутную протокольную съемку, гуськом вышли в высокие белые двери.

Перед президентом лежали несколько листочков, он скользил по ним глазами и переключал их так, что первый оказывался последним. Это были его соображения, которые он, в век компьютеров по-прежнему пользовавшийся шариковой ручкой, записал собственноручно.

"Здравствуйте!", — сухо вато и вместе с тем с какой-то дружеской приязнью поздоровался президент. Это была мнимая приязнь профессионального политика, который за годы общения с людьми научился внушать к себе симпатию, не прилагая к этому никаких усилий. "В России случилось великое событие". Таково было начало речи, которую он обдумывал все последние дни, после того, как вернулся из Протвино, где поговорил с бывшим мертвым Чебутькиным. Молодой физик Вермонт, сделавший открытие, произвел на него очень хорошее впечатление, директор института Лоренц-Валиулин, академик с усталым мудрым лицом, показался ему настоящим русским ученым, достойным встать в один ряд с Капицей и Ландау. И вот теперь, чувствуя за своей спиной этих честных, преданных науке людей, видя перед собой застывшие в выражении страшного внимания дородные, брылистые, спесивые, бритые лица соратников, он ронял точные и жесткие слова в гробовую тишину зала.

"Это великое открытие недаром сделано в России. Россия вновь, в очередной раз, сказала миру свое слово. Наши предки не раз спасали мир от разнообразной чумы... Теперь России пришло время спасти мир от смерти".

"Открытие, сделанное молодым ученым, имя которого навсегда будет вписано в историю, меняет все основы человеческой жизни. Об этом нам еще расскажут философы и ученые. Предстоит большой диспут, мы будем его свидетелями и участниками. Но у нас с вами тут не ученый совет, а кабинет министров. И мы должны сделать все от нас зависящее — и даже больше, и еще много больше — чтобы открытие Ильи Александровича Вермонта было использовано с максимальной пользой для всех граждан России".

"Мы входим в эпоху великих преобразований с устойчивой политической системой, состоящей из тоталитарных демократов, коммунистов и власти, которая, по счастью, независима от них. В ближайшее время требуется напряженная

работа по перестройке всех сфер хозяйства. Ничто больше не останется прежним. Ни государственные органы, ни бизнес не смогут — у них просто не получится! — действовать так, как они действовали еще две недели назад. Изменился человек. Изменилось его представление о жизни и смерти. Смерть стала одним из способов жизни. Все это означает, что нам придется, и придется немедленно, в самые краткие сроки, по-другому посмотреть на все, что мы делаем".

"Мы много говорили об инновациях. Мы с вами здесь много обсуждали вопрос о том, как сделать нашу экономику диверсифицированной, как освободить ее от многолетней зависимости нефтяной трубы. Я напому вам, что вопрос финансирования работ в области фундаментальной науки в последний раз обсуждался тут не далее как три месяца назад. И вот наши усилия принесли плоды, хотя, конечно, мы не ожидали, что прорыв будет столь огромным, столь масштабным. Мы получили сейчас в руки, как говорится, такого козырного туза, что наше преимущество в мировой экономике на сегодняшний день становится неоспоримым. Мы имеем то, чего не имеет никто. Но мы не должны, так сказать, прошляпить нашего козырного туза".

Дальше президент перешел к конкретным вопросам. "Прежде всего мы должны сделать так, чтобы открытие Вермонта, принадлежащее, конечно, всему человечеству, работало прежде всего в России, для России, на пользу граждан России. Это означает, что в ближайший месяц на первый план выходит работа патентного ведомства, которое должно со всех сторон защитить великое открытие от разных видов интеллектуального воровства и плагиата. И сделать это надо в самые краткие сроки.

Во вторых — и я уже имею по этому поводу совместное предложение Минфина и Министерства образования — мы должны прямо сейчас резко, не в разы, а в десятки раз увеличить финансирование работ, ведущихся в Протвино, а также в смежных отраслях науки. И деньги эти должны прийти на счета не через месяц или полгода, как это у нас бывает, а завтра же, а лучше сегодня". Президент внимательно посмотрел на министра финансов, любившего засовывать гулявшие сами по себе миллионы в министерские заглажки, и продолжал говорить, перекалывая листочки. "Потому что мы пока имеем одиночный случай возвращения мертвого в мир живых, а нам, как мне рассказали ученые в Протвино, предстоит создать систему переходов между двумя мирами — мостики между жизнью и смертью, так сказать, — наладить этот процесс, создать для него свод правил, сертифицировать его, сделать его частью народного и государственного быта. Может, имеет смысл подумать и о ГОСТе в отношении смерти. Стоит вопрос о создании министерства, которое будет отвечать за загробный мир. Мы решим этот вопрос в ближайшее время".

"Все, что было вчера привычно и не подвергалось сомнению, сегодня вступает в процесс резких перемен. Это неизбежно. Мы все должны быть к этому готовы. Медицина, которая веками старалась отдалить смерть от человека, теперь, в новых условиях, получает новые задачи. В чем они? Мы должны перестроить наше здравоохранение таким образом, чтобы оно не отдаляло смерть, а сделало ее легкой, быстрой и приятной. Министерство социального развития должно подумать о санаториях и народных здравницах, которые мы в ближайшие годы, видимо, начнем строить по ту сторону жизни. С инвестициями проблем не будет. Уже сейчас ко мне поступили предложения от консорциума, в который вошли самые крупные финансисты не только из России, но и из дру-

гих стран. Они предлагают инвестировать фантастические средства в освоение потустороннего пространства. Естественно, предполагается, что инвесторы получат преференции и смогут приватизировать не только сами переходы, но и большую часть того мира. Я хочу сразу сказать, — президент поднял глаза и обвел взглядом всех присутствующих, причем особенно внимательно посмотрел на группу мужчин слева от себя, с трудом вместивших свои хорошо откормленные тела за столы, — что мы этого, конечно, не позволим". Эти мужчины были олигархи с примкнувшим к ним Чубайсом.

"Хватит, мы уже все настрадались и от залоговых аукционов, и от той приватизации, которая была в девяностые годы. Больше такого не будет. Приватизировать загробный мир и превращать смерть в частную собственность мы никому не позволим. Тот мир, как и этот, принадлежит нашему народу, и наш народ должен получить все блага и преимущества, связанные с тем, что смерти больше нет".

2.

Генерал армии Затрапезников, сидя в своем кабинете, просматривал оперативную сводку за сутки. Синие шторы на окнах были задернуты, снизу доносился приглушенный шум автомобилей на Лубянке. В Протвино все спокойно. Охранителев знал свое дело: сжал город кольцами кордонов и к каждому ученому в институте приставил по бдительному человеку с правом доступа ко всем документам, включая электронные. И по некоторым сведениям, полученным из частных бесед с сотрудниками института, выходило, что не все тут чисто. Академик Лоренц-Валиулин якобы отдал распоряжение начать эксперимент, зная, что в некоторых местах подземной трубы есть неисправности. Затрапезников не разбирался в физике, да и в других науках он тоже не разбирался. Он не считал это нужным для директора спецслужбы. Нужным было то чутье на события, которое он имел, и то чувство утойчивости и стабильности, которым он был наделен, как живой человеческой ватерпас.

Он чувствовал стабильность нутром. Всю огромную, великую Россию, все зреющие в ней возмущения и крамолы этот человек с мятым лицом и холодными глазами чуял нюхом, как пес. Выражение "Русью пахнет" для него не было ни поэзией, ни метафорой. Здесь, в этом кабинете, за этими синими тяжелыми шторами, в этих стенах, где до сих пор по ночам бегал на кривоватых ножках в кирзовых сапогах маленький безумный Ежов и ходил с лоснящимся жирным лицом, сияя стеклами пенсне, окровавленный Берия, он несколько лет назад нюхом почувствовал, что на Дальнем Востоке зреет измена. И правда, расследование показало, что два офицера Тихоокеанского флота продавали в японские газеты сведения о брошенных у пирсов старых подводных лодках. Потом был случай, когда он нюхом почувствовал, что в среде ученых зреют неправильные настроения — и правда, тут же обнаружили многочисленные случаи продажи технологий двойного назначения китайцам. Но чем больше он внюхивался и вчувствовался в огромную страну, лежащую во все стороны от никогда не спящего здания на Лубянке, тем тяжелее ему становилось жить и тем более истончались его нервы и его нюх. Он боялся что-то не почувствовать, что-то упустить и о чем-то не узнать вовремя. Теперь он понимал, что вся предыдущая жизнь была только обострением и тренировкой нюха и подготовкой к испыта-

нию, которое началось в тот час, когда президент позвонил ему и своим спокойным, твердым, чуть ироничным голосом сообщил, что смерти больше нет.

Как в таких условиях должна действовать Служба? Вот вопрос вопросов. Как быть, если даже здесь, в этих стенах, где коридоры пропитаны древним страхом пыток и смерти, смерти больше нет? Ее нет ни на одном этаже, и во внутреннем дворе нет тоже, и нет в том крыле, где маленький нарком Ежов, закрывшись на все замки, сидел за пятью постами охраны, вычищая и вычищая врага, до тех пор, пока не вычистили его самого, и нет ее в подвалах, где в виде реликвии сохранялось темное пятно, которое, как говорили, было кровью убитого на этом месте бетонного пола Зиновьева. Генерал Затрапезников чувствовал, что открытие, сделанное молодым физиком Вермонтом, угрожает Службе, а также несет опасность для самого института государственной власти, которую он почитал как божество и которую в глубине своей темноватой, как тамбур, души считал важнее всего на свете, важнее людей, важнее их мелких дел, важнее их суеты и чепухи. И оттого нервы его натягивались и истончались еще больше, душа ныла, голову сдавливало твердым обручем и тонкие губы сжимались еще плотнее в выражении строгой непобедимой воли и мучительного страдания.

Все было в порядке в оперативной сводке — никаких резонансных убийств, никаких массовых выступлений футбольных фанатов, никаких сведений о выдвигении людей с Кавказа, никаких забастовок и протестов. Страна притихла в недоумении. Или в ожидании? Генерал, сидя в своем кабинете, в перекрестии взглядов с портрета президента и портрета святого чекиста Держинского, наклонял к бумаге свое ничего не выражающее лицо, словно пытался всеми чувствами — зрением, слухом, нюхом — проникнуть сквозь бумагу в самое *оно* жизни. В этом *оно*, как в сказочном яйце, таился секрет власти и ее стабильности. И он за сохранность иголки в этом яйце отвечал. Отвечал не головой даже — голова это малость, когда о таких делах идет речь! — а самим существованием своей бессмертной души в веках. Он знал, что если ошибется, то молекулам, на которые разложится его тело, не будет покоя даже в дальнем углу Вселенной.

Затрапезников встал, прошел своей прямой, несколько деревянной походкой в комнату отдыха, налил там себе в стакан напиток вероятного противника — с черным лейблом, только с черным, с красным он не пил уже давно, не тот возраст, не то положение, чтобы пить с красным — опрокинул залпом и быстро поднес к носу рукав своего дорогого пиджака. Даже сорокапятиградусная крепость виски не могла подействовать на выработанную годами выдержку старого оперативного работника. С неизменным лицом, в котором не дрогнул ни один мускул, он вернулся за свой стол и снова погрузился в анализ. Сейчас, чуть отполированный алкоголем, его мозг проявлял сверхчувствительность к длинному и скучному списку происшествий, событий, человеческих поступков, агентурных данных.

Человек с серым мятым лицом сидел в тишине своего кабинета над несколькими листами бумаги. Он понял, в чем был источник его беспричинной тревоги, понял, что вызывало смутное беспокойство и повышенную тревогу чекиста. Вот этот старик, о котором доносят почему-то с разных концов Москвы, что он ходит по улицам в рубище и проповедует какую-то чушь о необходимости всеобщей смерти — он кто? Своим выдающимся нюхом генерал чувствовал, что что-то не так с этим стариком без паспортных данных и места жительства.

Не наш он человек. И слова его какие-то странные, смущающие людей, не наши.

Генерал Затрапезников вынул из черного письменного прибора ручку с золотым пером и написал на полях документа четким округлым почерком: "Товарищу Веретенникову. Старик кто? Разберитесь и доложите".

3.

Академик Лоренц-Валиулин обмяк в кресле в полубессознательном состоянии. Грудь его вздымалась, по красному лицу тек пот. Тяжело дыша, он ослабил узел галстука и спустил его вниз. При этом он мимолетно увидел свои руки. Его большие, полные, мягкие руки сибарита дрожали.

Только что ему звонили с поздравлениями из администрации президента. Молодой человек, отвечавший там за идеологию — в свободное время этот парнишка писал матерные романы — поздравил его с выдающимся научным достижением и сказал, что открытие смерти как вида жизни ознаменует собой новый подъем России как евразийской державы. Паренек был горазд плести словеса. Мост между Европой и Азией, сказал он, и академику показалось, что с той стороны трубки хихикают, оказался также мостом между жизнью и смертью. Соединять несоединимое есть предназначение России, быть между и связывать своим огромным живым телом разные берега, вот в чем задача страны. Вслед за ученым Вермонтом, сказал ему кремлевский мальчешечка, склонный к сочинительству каких-то чернушных и дурачливых сюжетиков, наверняка последует первопроходец Ермак, вслед за Ермаком в тот мир придут новые Демидовы, которые поставят там нанотехнологические комбинаты по производству живой воды, антикоррупционных пилюль, таблеток чистой совести и сиропа для правильного пищеварения. Так говорил молодой человек из кремлевской администрации, сидя в своем кабинете под портретом президента и под постером группы "Наутилус Помпилиус" с дарственной надписью музыкантов. Затем он перешел к практической части и сказал, что президент только что выступал на расширенном совмине, где принято решение о резком, в сто сорок раз, увеличении бюджета института и о выдвижении академика Лоренц-Валиулина и старшего научного сотрудника Вермонта на внеочередную Государственную премию. Все, что от них на данный момент требуется, это всего лишь в двадцать четыре часа подготовить бумагу, в которой они — пускай приблизительно, никто не ждет от них особой точности! — сформулируют очередные задачи и, главное сроки. Или даже пусть просто назовут дату, когда они, кремлевские — тут паренек снова хихикнул — смогут съездить *туда* на экскурсию. На этом телефонный брифинг закончился, и ловкий молодой человек под звуки Goodbye America принялся обтачивать фразы в новой концепции внутренней политики в условиях поголовного бессмертия населения.

Академик дрожащей рукой нажал кнопку селектора. Секретарша, эта сволочь с крашеными волосами, вошла и молча стояла с блокнотом у груди, ожидая указаний. Она проработала с ним девять лет, всегда получала от него в подарок на 8 марта и Новый год дорогие французские духи и туалетную воду, но сдала его по первому же намеку человека из ФСБ, который, как вампир, присосался теперь ко всей исходящей документации, включая электронную почту, которую контролировали, задействовав секретные комнаты в офисах провайдеров. Академик не сомневался, что она ксерит для своего куратора схемы и чертежи, ле-

жащие у него в папках в ящиках стола. "Илью Александровича Вермонта пригласите ко мне, пожалуйста, на три часа дня!", — сказал он сдавленным от ужаса и ненависти голосом и услышал в ответ ее ледяное: "Поняла. Приглашаю".

Было полтретьего. Он встал, достал из шкафа бутылку армянского коньяка десятилетней выдержки — подарок ереванских коллег, полученный на конференции в Париже — и плеснул себе в стакан. Гудел кондиционер, но рубашка все равно взмокла и противно липла к спине. Надо было сосредоточиться. Он ходил по кабинету с приспущенным галстуком, в розовой рубашке и серых брюках на коричневом ремешке, который обтягивал его обширный живот, и изо рта у него вырывались неясные междометия и бульканья. Он допил коньяк и похлопал себя своими полными большими руками по щекам. Щеки пылали. Он понял, что у него поднялось давление.

Разговор с Вермонтом с самого начала пошел не так. Лоренц-Валиулин думал мягко, по отечески, объяснить ему, в какое ужасное положение он поставил институт и его лично, потеряв математическое обоснование эксперимента, но паршивец не захотел слушать упрёки, поднял на академика свои безумные, разъезжающиеся глаза — коноплей он балуется, что ли? — и нагло заявил, что ничего не терял и его математика, как всегда, была на высоте. Не в математике дело!, — заявил паршивец и быстро свел свои сумасшедшие глаза к переносице.

— Вы что имеете в виду?, — страшно багровея, спросил Лоренц-Валиулин. Вермонт заметил, что глаза академика стали оловянными. Вид оловянных глаз академика и все ниже отвисающих подглазных мешков так поразил молодого ученого, что он вперился в лицо собеседника и даже, сам не подозревая об этом, открыл рот.

— Все знают, что я имею в виду, — сказал Вермонт. Его лицо страдальчески обострилось и напоминало сейчас треугольник. — Моя математика оказалась лучше вашей физики!

— Ваша математика? Лучше моей физики? Да вы наглец, молодой дарный! Ну и где ваша математика? Вы ее спустили в туалет вместе со всем экспериментом!

Лицо Ильи Вермонта покрылось мертвенной бледностью. Слова академика про математику, спущенную в туалет, он принял как прямой и очень грубый намек на то, что считал известным только ему самому. Снова в голове его мелькнула мучительная мысль о рубашке с расчетами на манжетах, отправленной в прачечную... Страшно было представить, в чьи руки могла попасть заветная рубашка. Агенты влияния? Шпионы? Подписка о неразглашении? Что, если ФСБ отыскало рубашку и доложило академику? Только из этого источника мог иметь такую постыдную для него, Вермонта, информацию, академик Лоренц-Валиулин. Илья и предположить не мог, что академик ничего конкретного не имеет в виду и говорит чисто аллегорически.

— Моя математика безупречна, — весь бледный, покрытый потом, пылающий жаром, обдуваемый кондиционером, сидя на краешке стула с судорожно сжатыми ногами, тихо и гордо сказал он. — Все это знают. Я идеально рассчитал эксперимент. У меня не бывает ошибок. Если бы не дыры в вашей трубе, все было бы отлично. Это вы дали разрешение на пуск дырявого коллайдера!

Академик навалился грудью на стол и смотрел на Вермонта белыми большими глазами. Его щеки из пунцовых стали пятнисто-багровыми. На них теперь чередовались пятна багрянца с пятнами странной, меловой белизны. Вермонт с недоумением глядел на цветовую чересполосицу на лице академика.

— Я., — прохрипел академик, и подглазные его мешки отвисли вниз с такой силой, что казалось, что они сейчас сползут с лица и упадут на стол. — Я... Из груди его рвался хрип.

— Если бы в ускорителе не было дыр, все прошло бы идеально, — тупо повторил Вермонт.

Тело академика вдруг осело. Глаза, только что такие яростные, стали бессмысленными и ушли под веки. Розовая рубашка на груди топорщилась, галстук съехал в сторону, и правая рука спазматически гребла по столу, поочередно и через равные промежутки времени отбрасывая в сторону календарь, письменный прибор с медведем, калькулятор Citizen в кожаном чехле и листы бумаги. Вермонт смотрел на академика во все глаза. Вдруг до него дошло.

— Академику плохо!, — выбегая из двойных дверей, закричал он. Голос его неожиданно сорвался на визг. Он закашлялся и забился в кашле всем своим раскаленным, потным, измученным телом. Секретарша и эфэсбэшник в штатском ринулись в открытые двери кабинета. Вермонт стоял посреди приемной, окаменев. Вдруг из кабинета вышел молодой человек в штатском, веселыми глазами посмотрел на всклоченного Вермонта и приложил к уху мобильный телефон. Вермонт отметил про себя, что у него модный iPhone стоимостью никак не меньше шестисот долларов. "Академик Лоренц-Валиулин только что скончался в своем кабинете", — совершенно спокойно доложил кому-то эфэсбэшник. Вермонт поймал на себе его любопытный взгляд.

4.

Горничная, проходившая по коридору восьмого этажа отеля "Арапат-Хайат" на Петровке, остановилась, услышав дикие крики, доносящиеся из-за дверей президентской сюиты. Сначала она решила, что это очень громко работает телевизор, но через несколько секунд, внимательно вслушавшись в бурную речь, поняла, что никакой телевизор не может орать с такой итальянской, испанской, креольской и еврейской страстью. Голос быстро передвигался за стеной, отчего горничная поняла, что мужчина бежит. Женский голос отвечал из одной точки, отчего горничная поняла, что женщина стоит на месте. Она с большим сочувствием к женщине слушала крики до тех пор, когда вдруг прямо у ее лица что-то взорвалось с грохотом, и она в ужасе отпрянула назад и даже выпустила из рук трубу пылесоса и расширившимися глазами глядела в стену, словно ожидая, что сквозь нее сейчас выступит этот страшный обладатель мужского голоса и уличит ее в подслушивании. Потом она догадалась, что кто-то бросил в стену вазу или бутылку... Так начинался скандал в президентской сюите, который имел большие и необычные последствия.

Скандал начался в одиннадцать часов десять минут утра, когда Джон Фенимор Купер Дакоста в модном оранжевом пиджаке, салатных брюках, цветном шейном платке и с распущенными по плечам волосами зашел к Анне Вивальде, чтобы в шестидесятый раз за последние пять дней осведомиться, на какой день заказывать билеты в Лондон. Им уже давно было пора улететь, а они по милости Анны Вивальды все сидели в этом раскаленном и душном городе, на улицах которого не было кислорода, а только плавала, переливаясь между домами странной архитектуры, густая безвоздушная жижа. Жара не отпускала город даже по ночам, когда гектары раскаленного асфальта отдавали в воздух накопленный за день жар, а днем становилась невыносимой даже для него,

несколько лет жившего в южных странах. Яркий солнечный свет выжигал улицы, забитые автомобилями, которые с тупой настойчивостью стояли в пробках и отравляли воздух горячим ядовитым выхлопом. Джон Фенимор старался не покидать кондиционированные покои дорогого отеля, но если все-таки ему приходилось выйти на улицу, рубашка тут же прилипла к телу, по бокам тек пот, глаза начинали слезиться, а в легкие проникала горькая гарь, от которой он потом долго не мог избавиться. Даже прополаскивания рта розовым французским эликсиром не помогали. Джон Фенимор Купер Дакоста терял терпение. Его особенно бесило, что Анна Вивальда вела себя так, словно не испытывает никакого дискомфорта, сидя в этой сумасшедшей Москве, которую снизу явно поджаривали черти.

Взяв за концерт у этих самовлюбленных русских олигархов полтора миллиона евро, он хотел поскорее слинять из их суматошной столицы в своей чистенький дом, аккуратно стоявший на чистенькой Черрни-стрит в Лондоне, но его подопечная, в очередной раз слетев с катушек, очень некстати решила начать новую жизнь. Дакоста работал с ней уже пять лет и пережил несколько приступов обновления. Во время таких приступов Анна Вивальда начинала учить совершенно ей ненужные иностранные языки (например, латышский; но на черта звезде мировой эстрады латышский?), записывалась на курсы массажа (в результате чего курсы закрывались, не выдержав наплыва тысяч энтузиастов, желавших учиться массажу вместе с поп-звездой или, еще лучше, хоть раз помассировать ее саму) или начинала заниматься спортом, причем самым диковинным. Последним ее спортивным увлечением был бокс, в котором она, к удивлению Дакосты, достигла хороших результатов, о чем ему говорили Тедди Атлас и Наташа Рагозина, которая пару раз попадала в нокаун после ударов Анны Вивальды во время спаррингов. Или поддавалась любимой певице? Но теперь дело обстояло и того хуже, хотя некоторое время назад Дакоста считал, что не может быть ничего хуже Анны Вивальды, нюхающей кокаин и занимающейся боксом.

Когда она кинула бутылку шампанского ему в голову, он замолчал от ужаса и неожиданности. Она же мгновенно успокоилась и села в кресло. Анна Вивальда сидела в кресле, закинув ногу на ногу и сияя своей знаменитой коленкой, украшенной родинкой. Ее лицо было бледным и казалось изможденным, но глаза смотрели с отрешенным, трагическим спокойствием.

— Ах так, — сказал он. — Ты сошла с ума, моя милая. Ты хоть понимаешь, что без меня тебя в две минуты выкинут из бизнеса? Посмотри на себя, дура! Ты же живой труп!

Она молча слушала.

— Откуда ты взяла эту чушь про котов? Что взбрело тебе в голову, что ты поэт-импровизатор? Ты просто маленькая девочка с куриными мозгами, которую я вытащил из бара, где она пела самодельную дрянь пивным алкоголикам! Ты опять нюхала с утра?

— Кокаин я нюхаю во время ланча, — холодно отвечала она.

Этот холод был страшнее ее распаленных криков и матерных восклицаний на трех языках. Она встала, и он вдруг крупно, отчетливо, с какой-то немислимой ясностью увидел ее намалеванные на бледном лице глаза, которые с ненавистью смотрели на него. Она осторожно вынула очередной букет роз из вазы, присланный ей управляющим, и, размахнувшись, ударила Дакосту буке-

том по лицу. Шипы на длинных зеленых стеблях сильно оцарапали ему лоб, подбородок, щеки.

Когда Джон Фенимор Купер Дакоста с расцарапанным шипами лицом, кровоточащим глазом и съехавшим набок шейным платком выбежал из номера, Анна Вивальда все с тем же ледяным спокойствием насыпала в ладонь горочку белого порошка, поднесла руку к клетке, дала хомяку полизать кокаина, а потом сунула ему между прутьев решетки ломтик яблока, который хомяк осторожно взял в свои маленькие ручки и принялся закусывать... Некоторое время она с умилением смотрела, радуясь его аппетиту. Потом заказала по телефону бутылку бренди Veterano и соленые орешки и включила плазменную панель. Шли новости, она не понимала ни слова. Вдруг она почувствовала себя неимоверно и чудовищно усталой, так, словно в ней в это мгновение иссяк запас отведенных на всю жизнь сил. Зеленые стебли и розовые лепестки были разбросаны по ковру.

— Смерти больше нет, Хома, ты понял?, — сказала она хомяку.

Хомяк внимательно глядел на нее из-за прутьев клетки.

— Это значит, мы будем жить с тобой вечно, вечно, вечно... и попадем в рай, Хомочка мой!

— Анечка, не волнуйся! Все будет хорошо!, — отвечал хомяк, держась черной ручкой с крошечными пальчиками за решетку и улыбаясь ей с невероятной, глубоко проникающей в душу лаской. — Не плачь, пожалуйста!

Но она все равно заплакала.

Глава пятая

1.

Первый секретарь компартии Юрий Федорович Бурлак приехал в центр подготовки потусторонней экспедиции в семь часов вечера. В бумагах, электронной почте и даже в разговорах центр в целях конспирации именовался "объектом X". Объект X был организован партией в подмосковном совхозе, который когда-то назывался совхозом имени Восемнадцатого партсъезда, потом был переименован в совхоз имени Двадцать пятого партсъезда, а затем превратился в совхоз-гигант "Подмосковный". У крыльца совхозного ДК "Елочка" стояли черные машины, за стеклянными дверями маячили фигуры охранников из частного охранного предприятия "Силовик", хозяин которого, бывший генерал МВД Нарыщенко, был членом ЦК. Первый секретарь вошел в двери и тяжелой походкой, роняя вес тела то на одну, то на другую ногу, отправился в помещение, которое из соображений секретности и боясь вездесущей прослушки было положено называть "Бойлерная". Бурлак умел не только значительно говорить, еще он был наделен даром значительной походки, так что даже когда он шел в туалет, фигура его сама собой выражала глубокую заботу о судьбах Родины.

— Ну, как там у нас идут дела, в Бойлерной?, — спросил он, шагая в свете белых неоновых ламп, жужжавших под потолком. На стендах по стенам коридора висели детские рисунки, приколотые булавками. На дверях таблички: "Танцевальный класс Лебединое Озеро", "Изостудия Красное Солнышко", "Литературный клуб Юнармеец". Еще совсем недавно тут звучали звонкие детские голоса, но дети разошлись на летние каникулы, а в ДК в срочном порядке всели-

лись очень серьезные люди в белых халатах. Оборудование выгружали и монтировали трое суток, и даже по ночам. Теперь подготовка экспедиции, которой предстояло перевернуть жизнь человечества, вступала в заключительную фазу. Но главное было не в том, чтобы сходить туда и обратно. Это смог и Чебутыкин. Главное — вывести оттуда Ильича. И фигура Бурлака на ходу выразила еще большую заботу о Родине.

— Они молодцы, — отвечал коммунистический академик Март Алхимов, возглавлявший центр подготовки экспедиции в загробный мир. Как коммунист старых, советских времен и атеистической закалки, академик Алхимов, конечно, не верил ни в какого Бога и считал человека вполне себе смертным. Но даже он не мог отрицать великого научного открытия Вермонта. Если науке удалось достать с того света Чебутыкина, значит, то, что мы считаем смертью, на самом деле не смерть, а только переход в новую жизнь, за которой последует смерть. Академик Алхимов ни в коем случае не хотел отказываться от смерти как свойства материи. За прошедшие две недели он уже набросал вчерне новую теорию поля, объясняющую, при каких условиях возникают туннели между догробным и загробным миром. — Никакого волнения. Железные нервы, железные люди!

— Как спали?

— Все трое спали отлично. Утром померили давление: у всех в норме и давление, и пульс...

И Бурлак, и Алхимов подумали о Гагарине. В день полета у него тоже был нормальный пульс. И спал перед полетом он тоже отлично. Все сходилось.

— Я говорю, не оскудела наша земля героями, — веско сказал Бурлак, шагая по коридору мимо клуба силовых единоборств "Толчок, рывок и жим". — Нет, не оскудела!

Они вошли в белые двери небольшого зала, где прежде помещалась студия русского народного танца "Полюшко-поле". В конце зала, под закрытыми фанерными щитами окнами, стояли три кресла, привезенные сюда из Звездного городка. Конечно, все понимали, что отправиться на тот свет можно сидя и на табуретке, но Бурлак считал необходимым подчеркнуть символический момент. Эти кресла когда-то стояли в ракетных кораблях "Восход". И теперь они должны принять тела трех героев, отправлявшихся на тот свет с миссией, которую даже представить не мог Сергей Павлович Королев. "Вот как летит время", — с грустью, но и с гордостью за советскую — а какую же еще? — науку подумал первый секретарь.

Трое мужчин в синих тренировочных костюмах с белыми полосками по рукавам и штанинам и с надписью СССР на груди стояли перед ним. Костюмы тоже были из тех, советских еще, запасов. Это были трое добровольцев, отобранные из шестисот человек специальной партийной комиссией. Вообще-то кандидатов было гораздо больше — тысячи людей горели желанием отправиться на тот свет, кто-то из чистого интереса к процессу, кто-то из отвращения к жизни, кто-то от невозможности платить высокую цену за квартиру и еду, да мало ли еще есть причин, чтобы умереть! — но у комиссии не было времени на долгий отбор. Остальные последуют в новые экспедиции. Первый секретарь был уверен, что в ближайшие годы встанет задача освоения и колонизации загробного мира. Поскольку состояние здоровья не имело для членов экспедиции никакого значения, — умереть сумеет и последний дохляк! — то отбор осуществлялся по критериям верности идеям коммунизма, крепости характера и об-

щей развитости и находчивости, которые проверялись научной группой по тестам Иванченко-Беккермана. Образование тоже играло большую роль.

Командиром экспедиции был отставной майор воздушно-десантных войск, огромный мужчина, у которого на обширной груди висело нечто вроде больших часов с пятью разновеликими стрелками. Это был разработанный академиком Алхимовым и собранный на заказ в Зеленограде в единственном экземпляре компас, который должен был помочь героям ориентироваться в загробном мире. Командир группы вытянулся во весь свой немалый рост, как бывало когда-то на смотрах и парадах, и ел глазами начальство. Первый секретарь пожал ему руку с той грубоватой мужественностью, какая появлялась в нем при общении с военными, и сказал, пристально глядя майору в глаза: "Надеюсь на Вас, товарищ Попенченко..." Тот вытянулся еще сильнее.

Рядом с ним стоял кудлатый паренек со смеющимися глазами. В ранней молодости, еще до института, паренек работал машинистом поезда метро, что было сочтено научной группой доводом в его пользу. Он умел ориентироваться в подземных туннелях и не боялся их. К тому же психологи определили его характер как "пофигист-юморист". Он во всем видел смешные стороны и ничего не воспринимал слишком серьезно. По специальности он был инженер-компьютерщик. У него на груди висела флешка в титановом корпусе с уникальной информацией об Ильиче. Туда были загнаны все 55 томов его сочинений, все его фотографии, записи его голоса, его медицинские анализы и даже та секретная информация о мозге, которая хранилась в закрытом архиве ЦК партии. В ухе у паренька был наушник, который должен был обеспечить группе связь с Землей по закрытому каналу, у ног стоял ноутбук, тоже в защитном титановом корпусе. На ноутбуке была установлена секретная отечественная операционная система "Домбай", не нуждавшаяся в графическом интерфейсе, поскольку управление ей осуществлялось мыслями. Бурлак торжественно пожал пареньку руку и сказал с той доверительной теплотой, которая в особые моменты как по заказу появлялась в его негнущемся голосе: "Ну что, как настроение?" Парень тряхнул льяными кудрями, и рот его разъехался до ушей. "Лихой!", — подумал Бурлак с большой симпатией.

Третьим в ряду был молодой человек с брюшком и в роговых очках. С таким брюшком его не взяли бы даже в любительскую футбольную команду, а на тот свет — пожалуйста! Он был серьезен донельзя. У его ног стоял белый чемоданчик с красным крестом, на боку висела сумка с таблетками обеззараживания и фильтрами для процеживания, а на груди висел радиометр в бронированном кожухе и с выдвижной антенной. Это был врач экспедиции, имевший двоякую задачу: во-первых, передать на эту сторону всю доступную информацию о процессе перехода в загробный мир, а во-вторых, в случае необходимости оказать медицинскую помощь Ильичу. Никто не знал, в каком состоянии у Ильича сосуды, как работает головной мозг и насколько хорошо вождь мирового пролетариата перенесет возвращение. В том, что Ильич согласится вернуться, ни у кого не было сомнений. В чемоданчике у молодого врача были самые современные препараты, подобранные на основе изучения истории болезни Ильича и посмертного вскрытия его тела. Бурлак поглядел врачу в глаза, отчего тот, стесняясь своей полноты, втянул живот, и сказал с силой ободрения: "Ну, медицина, давай! Не подкачай, медицина!"

Сели в кружок, на дорожку. Помолчали. Потом встали, и первый секретарь обнял одного героя за другим. Он хотел сказать им еще несколько напут-

ственных слов, — помните, что вы наследники Дмитрия Донского, Кутузова, Сталина! — но академик Алхимов шепнул ему на ухо: "Они это все уже знают! Пора!" Они вышли и дальнейшее наблюдали уже на плазменном экране в пункте управления. Прежде это было помещение кружка бисероплетения. Недоплетенные нитки с бисером были намотаны на ручки оконных рам и на горшки с цветами. Сейчас тут стояли длинные столы, за которыми сидели люди в белых халатах, внимательно смотревшие в дисплеи ноутбуков. Вдоль стен на металлических стойках стояли ящики аппаратуры, их круглые шкалы светились, тонкие черные стрелки вздрагивали и покачивались. Контролировалось все: от состояния магнитного поля до состояния атмосферы. Вдруг с громким стуком дернулись самописцы и стали выводить рваные линии на широкой белой бумаге, выползавшей из щели матричного принтера. Это был аппарат комплексного контроля за телами героев, получавший информацию из вшитых в их предплечья чипов.

На экране были видны три фигуры в синих тренировочных костюмах с белыми буквами СССР на груди, полулежащие в оранжевых космических креслах, снятых с корабля "Восход". Несколько врачей в голубоватых куртках, мягких бахилах и круглых шапочках хлопотали вокруг них. "Бойлерная! Отсчет пошел!", — сказал вдруг с потолка металлический голос диктора Левитана. Первый секретарь Бурлак и академик Алхимов не садились. Они молча смотрели на то, что происходило на огромной плазменной панели. В пункте управления воцарилась тишина. Инженеры и врачи подняли головы и все как один глядели на экран поверх открытых ноутбуков. На лица неподвижно лежавших членов экспедиции теперь были надеты круглые коричневые маски, защелкнутые на затылках.

Выбор способа отправки долго обсуждался научной группой под руководством академика Марта Алхимова. Никто не знал, как способ влияет на то, что будет происходить с человеком в загробном мире. На этот счет уже было представлено несколько теорий, но все они страдали от недостатка фактического материала. Судя по Чебутыкину — а коммунистам через свои каналы удалось получить всю медицинскую информацию о его здоровье — человек оказывался там в самом наилучшем состоянии. Означало ли это, что пробитые головы сами собой зарастали, язвы зарубцовывались, отрезанные ноги вставали на место, а пораженное сердце включалось и начинало работать как ни в чем ни бывало? В таком случае смерть была лучшим способом излечения. Научная группа отвергла как слишком экстравагантный и не соответствующий традициям страны электрический стул, не стала даже обсуждать расстрел и приняла решение рекомендовать усыпление с помощью газа с предварительными успокаивающими инъекциями. Руководство партии поддержало решение, и вот теперь они видели, как в Бойлерной начался торжественный и волнующий процесс. "Бойлерная! Газ пошел!", — оповестил все тот же торжественный голос Левитана с потолка. В тишине отрывисто стучали самописцы, выписывая на широком листе бумаги остроугольные линии. Линии сглаживались, быстро стремясь стать прямыми. Три неподвижных тела в оранжевых космических креслах еще дышали.

2.

Ашот Семенович Гаврильянц понял, что попал. Он шутил — грубовато и пошло, как всегда — что наркоманы попадают в вену, а он в тему. Он и раньше

не мог пожаловаться на недостаток успеха — тиражи росли, реклама валила валом, читатель просто рвался с поводка, желая ухватить съемку Николь Киндман в неглиже или историю о том, как воспитательница детского сада совратила старшую группу — но все это померкло по сравнению с тем выдающимся, блестящим успехом, который он имел сейчас.

Дело было даже не в тираже, который после публикации об отмене смерти рос каждую неделю. Дело было даже не в том, что тема смерти, как ни странно, подхлестнула тему жизни: как показывали социологические опросы ВЦИОМ и Левада-центра, потребление в Москве росло безумными темпами, рестораны не закрывались до утра, а в бутиках мгновенно раскупались самые дорогие вещи из новых коллекций. Подвески в виде веселых черепов из серебра 975 пробы, золотые сережки в виде скрещенных костей, маленькие подарочные скелетики с табличкой "Скажи смерти нет!" пользовались невообразимой популярностью. Это заставляло рекламодателей, как со сдержанной гордостью сказал Ашот Семенович на совете директоров, "драться за наши полосы". Чем гуще, грубее, глупее и тошнотворнее писала в эти дни газета о смерти, тем ярче сияли рядом с этими чернушными публикациями цветные картинки девочек в бикини, косметических средств для уничтожения морщин и увеличения объема ресниц и нижнего белья в стиле Марии-Антуанетты. Ашоту Семеновичу — невысокому, круглому армянину в вечной черной водолазке, с лицом, которое всегда казалось небритым, хотя он и брился самым тщательным образом по утрам и вечерам — было ясно, что нельзя терять ни секунды. Надо наращивать успех.

И вот сейчас главред Гаврильянц держал в руках первый номер приложения к газете "ЖВК". Оно называлось "СВК" ("Смерть В Картинках"). Черная гляцевая обложка. Витиеватый логотип, разработанный дизайнерами в знаменитой лондонской студии New Performance, был выполнен в стиле модерн и украшен пунцовыми розами. Эти двадцать четыре полосы гладкой плотной бумаги — нужен глянец, рекламодателю нужен глянец! — почти полностью были заполнены рекламой всевозможных жизненных благ. Изредка в рекламе попадались отдельные кратенькие заметки талантливых журналистов. У них были броские заголовки, обязательно включавшие в себя слова "секс", "деньги", "миллионер" и "купить" (согласно специально заказанным издательским домом социологическим опросам, 96% москвичей не могли удержаться от прочтения, видя перед собой такие заманчивые слова) и не менее броские иллюстрации, которые по размеру, как и положено в современной журналистике, в разы превосходили тексты. Это была та новая, свободная от прошлого, устремленная в будущее, построенная на подсматривании, подглядывании и продвижении торговых брендов журналистика, которую создавал Гаврильянц в своей знаменитой газете.

Пафос нового издания состоял в том, что с исчезновением смерти для жизни открываются новые горизонты. Бояться нечего. Никто никогда не умрет. Смерть превратилась в маленький изящный антраша, о котором можно говорить со смехом, в легкий прыжок отсюда туда, отменяющий тугоумные вопросы, которыми мучилась (как теперь понятно, напрасно) тяжелая, неудобочитаемая, так называемая классическая литература; и вопрос теперь был не в том, как умирать, а в том, что и после прыжочка каждому из нас придется делать трудный и приятный выбор потребителя. Там, в загробном мире — Ашот Семенович был уверен в этом! — тоже придется выбирать между Dior и Chanel, между Mercedes и BMW, между колготками Wolford и Kunert. Из этого следова-

ли слоганы, девизы, лозунги и даже философские постулаты. Никакой разницы, по какую стороны жизни вы находитесь, вы все равно должны выглядеть элегантно. Не думайте, что смерть освобождает вас от шопинга: там шопинг скоро будет в самом разгаре! Эти и другие находки поэтов из рекламных агентств украшали все двадцать четыре полосы нового издания, вышедшего начальным тиражом пятьсот тысяч экземпляров. Это означало, что Ашот Семенович и его холдинг одним ударом захватывали новый рынок. Но главная его идея — о, как ценили его голову акционеры, перед которыми он выступал в минувшую среду на совещании в отеле Балчуг-Кемпински! — состояла не в этом. Она состояла в том, что фешенебельная и эффектная "Смерть" с черной обложкой и иллюстрациями в стиле Одри Бердслея будет распространяться не только в жизни, но и после нее!

Мягким колокольчиком зазвонил селектор. "Ашот Семенович, можно ехать!", — с едва уловимым акцентом сказала секретарша Ивонна. Она была полуфранцуженка, полурусская, он переманил ее из издательского дома "Хашетт" из чистого хулиганства. Он ценил ее изящество и умение варить кофе ровно в семь тысяч евро в месяц — и не центом больше! Он вышел из кабинета и не спеша прошествовал по своей белоснежной редакции. Все стены, потолки, полы и стены, а также вся мебель, все телефоны и компьютеры, факсы и ксероксы были белые. Плинтусы белые. Дверные ручки белые. Чтобы не создавать в сотрудниках цветового авитаминоза, на стенах висели огромные цветные панно художника Максима Фишенецкого, который одновременно был главнейшим философом современности и первейшим писателем русской литературы. Во всяком случае, многие так считали. (Фишенецкий уже выступил в "Жизни" с циклом язвительных статей о прелести смерти и ужасе жизни). Ашот Семенович шел по коридору между открытыми с одной стороны отсеками, в которых сидели за компьютерами его дорогие и любимые муравьи, его солдаты, его журналисты. Над офисом висел гул голосов, отдельные слова вырывались из невнятного гула и взрывались в стерильном воздухе этого блистательного места, где творилась острая, как перец, смачная, как пампушка в кипящем масле, пиковая журналистика: "Пусть идет в жопу! Я ему сказал, семь пятьсот! Расчлененка не нужна, сейчас не то время! Я просил сиськи, а ты что мне даешь? Это сиськи?" Увидев, что главред Гаврильянц идет по коридору, они чуть примолкли, и теперь он видел обращенные к себе лица. Он кивнул им и тихо, как будто самому себе, сказал под нос:

— Думаем!

Черный "Мерседес" уже ждал. Гаврильянц откинулся на мягкое кремовое сиденье и привычно включил встроенное в спинку переднего кресла видео. На экране замелькали обнаженные женские тела, автомобили Бентли, воздушные шары в форме женской груди, стопки долларов, доходящие до звезд, и толстая женщина в высоких сапогах и маленьком платьице, половником поедающая торт. Это была передача студии кабельного телевидения, программы которой круглосуточно и бесплатно транслировались на телевизоры подписчиков "ЖВК". Ашот Семенович смотрел краем глаза. Вдруг он вспомнил: "Все в конце концов будет в порядке. Если все не в порядке, то это еще не конец". Кто это сказал? Какой умница? Теперь конца, пожалуй, не будет вовсе, будет вечная жизнь. Он ласково улыбнулся. Он ехал в научный город Протвино налаживать распространение своих изданий в загробном мире.

Первый тоталитарный демократ страны, юродивый от политики, идиот, циник и подлец, гений клоунады, прозорливейший политический деятель, практик, которому враги не дают добраться до практики, провокатор, вор, шоумен, глашатай веяний и крикун-харизматик, разбрасывающий чужие деньги — все это говорилось про Трепаковского много лет подряд, так что теперь уже никто не знал, кто он на самом деле и что он на самом деле может или смог бы. Сам он утверждал, что может все: руководить страной, хоть этой, хоть любой другой, земным шаром, отраслью промышленности, телевидением, губернией, любым министерством, сетью вытрезвителей или даже умирающим сельским хозяйством, которое он обещал за год сделать процветающим и прибыльным. Он даже брался руководить силовыми структурами, но никто ему ничем руководить не давал. И поэтому ему ничего не оставалось делать, как раз в год с криками и воплями собственноручно продавать клубнику по бросовой цене на Даниловском рынке и — тоже раз в год — выходить в символическом бою на ринг против лучшего боксера партии и, конечно, нокаутировать его. Ринг устанавливался на Красной площади, и вид Трепаковского в атласных длинных трусах неизменно собирал толпы зрителей и получал высочайшие рейтинги на ТВ. Все остальное время он кричал в Думе на министров, с апломбом говорил с журналистами на любые темы и при этом впадал в то особое состояние, какого викинги добивались, поедая мухоморы. У Трепаковского мухоморы как будто входили в состав крови. И этого было вполне достаточно, чтобы быть известным всей стране и безбедно существовать, не опасаясь никаких кризисов.

Близкие к Трепаковскому люди считали его гением за те моменты прозрений, которые у него действительно бывали. Иногда он начинал орать благим матом и шпарить со скоростью ста пятидесяти слов в минуту, и постороннему могло показаться: "Ну совсем сумасшедший, несет невесть что!" — но очень скоро вдруг оказывалось, что в этом захлебывающемся оре и истеричном вопле есть очень много практической правды. Трепаковский, интеллигентный в быту человек, любивший перебирать свои советские подстаканники, был наделен острым и резким чутьем выгоды и утонченным нюхом прибыли. Уже не раз бывало, что он приказывал Славику бросить миллион рублей туда, пять миллионов сюда, и выходило отлично. Не раз бывало и так, что он, не думая, как по наитию, велел оформлять на своих боксеров доставшиеся ему в результате непонятно чего квартиры или регистрировать на сторожа его дачи автопарк из четырех "Мерседесов" и шести "Ауди". Так было надо. Вокруг него, занятого политикой, все время шла какая-то неустанная работа по оформлению, переоформлению и дооформлению земельных угодий в России, Испании и Греции, а также коттеджей и дорогих автомашин; он кричал с трибуны о нищих и русских, о славе и позоре, о жизни и смерти, а вокруг него тихо шуршали накладные, залоговые, вексельные и другие бумаги.

В тот момент, когда Трепаковский в оливковом френче с двумя нагрудными карманами стоял на трибуне у памятника Пушкина и с дикими криками разбрасывал в толпу деньги, — а это был его обычный полемический прием, которым он посрамлял своих жадных и не думающих о народном благосостоянии противников! — он вдруг понял, что надо делать. Он видел сверху искаженные лица людей, которые толкались и тянули руки за падающими сверху бумажками, и понукал их, и взнуздывал их, крича: "Еще! На еще! Бери еще, я даю!" — и

уже знал, какую теперь игру он закрутит во всероссийском масштабе. Или в мировом? О, как сладок мировой масштаб, к которому он так стремился все эти годы унижений в кремлевских кабинетах, выторговывая проценты на выборах, выцыганывая места в комитетах! Его озарило. Не деньги он теперь будет давать, а кое-что покруче денег!

На следующий день после митинга на Пушкинской площади партия тоталитарных демократов разместила в типографии №1 заказ на печать ста тысяч купонов на бессмертие. Трепаковский провозгласил новую кампанию под девизом "Бессмертие для нищих, бессмертие для русских!" и отправился по стране на специальном поезде, украшенном синими знаменами. Идею поезда он взял у Троцкого. Он хотел поставить на поезд пушки и пулеметы, но ему запретили, несмотря на то, что он имел именную пистолет, подаренный ему генералом армии Затрапезниковым в ознаменование тридцатилетнего юбилея сотрудничества с органами. Этим именным пистолетом Трепаковский бешено потрясал в кабинете министра обороны, куда прорвался, требуя дать ему пушек — ну хоть пару гаубиц дай, скупердяй! — и дюжину пулеметов, из которых он втайне надеялся хорошо пострелять где-нибудь в забайкальских лугах. Но не дали. Они хотели уязвить его, уколоть. Трепаковский все равно отправился в путь, пусть и без пушек.

Поезд покинул Москву ночью и, светя задними красными огнями, ушел в глубину России. Трепаковский ежедневно выступал на вокзалах и площадях провинциальных городов, объясняя людям всю важность великого открытия, и требовал от них, чтобы они ни в коем случае не проворонили свою смерть, как уже проворонили и отдали в руки "мавродикам и чубайсикам" свою жизнь. Посмотрите на себя! Посмотрите на дырки в ваших ботинках! Смерть — это все, что у вас осталось! Так он кричал своим пронзительным захлебывающимся голосом, а потом наступал момент, которого ждали люди, толпами собиравшиеся на его выступления. Двое охранников появлялись из-за его спины, держа перед собой чемодан, он торжественно откидывал крышку и делал такое лицо, словно видел перед собой брильянты. Да, он, как актер, играл чемодан, полный брильянтов, и люди, видя его выразительно гримасничающее лицо и его торжественно вздетые руки царя и властелина, замирали. Тогда он погружал свои холеные, мягкие руки в цветные и ничего не стоящие бумажки. Купоны на бессмертие взмывали в воздух и опускались, медленно кружа. Люди прыгали, хватая их, толкались, смотрели на них замороженными взглядами, разглаживали, прятали в карманы и бережно убирали в кошельки. Женщины плакали. Мужчины суровели. Те, кому удавалось поймать бумажку, уходили с площади умиротворенные, со счастливыми глазами.

Для Трепаковского политика всегда была выше и слаще бизнеса. Да, он имел, и брал, и продавал, но иначе было нельзя. Он просто жил по правилам места. Врали те, кто упрекал его в корысти: деньги делались сами собой, без особых усилий с его стороны, даже без особенной коррупции, — ну продал он несколько раз несколько мест в первой десятке выборного списка партии, подумаешь, а как не продать, если есть хороший покупатель! — но страстью его была именно политика. Обогащение было просто сопутствующим элементом политики, так же как хорошему ресторану сопутствуют белые скатерти, а хорошему театру хороший буфет. Отдыхая в длинном синем халате с золотыми кистями и вышитыми на карманах вензелями ТД в салоне-вагоне на покачивающемся диване, обтянутом вишневым бархатом, задумчиво глядя в окно на про-

плывающие тихие поля и безбрежные леса — скромная, грустная, одиноко-тоскливая Россия плыла за окном, как же он ее любил! — он испытывал прилив сил, как когда-то во время своей первой президентской компании. Вихрь событий возбуждал в нем страсть. Хаос был его любимой стихией. Он был прирожденный политик и собирался на тему смерти получить новый электорат, который наконец приведет его в этот заманчивый, сладкий, невероятно привлекательный, дурманящий и тревожащий Кремль.

Поэтому его возмутило до глубины души, когда он узнал, что его обвиняют в махинациях с купонами на бессмертие. Якобы он одной рукой выпускает их, а другой спекулирует ими. Об этом написала желтая газетка "ЖВК", приобретающая в последнее время большое политическое влияние. В Петрозаводске, стоя на высокой, обтянутой синим полотном трибуне перед морем человеческих лиц, глядя на синие веющие флаги и свиту из мрачных боксеров, тоталитарный демократ Трепаковский заговорил о честности власти и порядочности политика. Лицо его исказилось, ладони рубили воздух, и он орал в диком азарте, что собственными руками убьет каждого, кто посмеет делать деньги на его купонах. Смерть не продается! Она принадлежит гражданам России! Это ваша смерть, и я дал ее вам! Ваша! Ваша! Вам! Вам! Я дал ее вам! Смерть дал Трепаковский, вашу смерть! Вам! Из задних рядов огромной толпы он выглядел как маленькая фигурка в оливковом френче со смешно дергающимися руками, но даже задние ряды качались от его бешеного крика, так, словно их толкал в грудь невидимый кулак. Он клеймил торгашей, которые отнимают у народа его счастливую смерть, позорил капиталистов, которые — пока вы жуете тут, в Петрозаводске, свою травяную жвачку, бараны! — приватизируют загробный мир и уже строят там виллы с зимними садами и бассейнами. Он бичевал многолетнее терпение народа и клеймил его страшными словами. "Тупицы! Пока вы спите, вас съедают заживо! Вами завтракают и обедают! Вас поджаривают на ужин! Бараны! Пища богатых! Вы их мясо, хачапури и шашлык! Просыпайтесь, а не то опоздаете к собственным похоронам! Загробный мир, вот он, у вас в руках, но если вы опять не пойдете на выборы и не проголосуете за меня, за меня!, за меня!, за меня!, то тогда на следующий день проснетесь и обнаружите, что все они отъехали в тот мир и жрут там деликатесы, а вы опять остались на помойке с банковской просроченной сайры. Но мы не позволим...", — с угрозой снова начинал он, и лица людей внизу делались мрачными и преисполнялись решимостью.

Однако факт оставался фактом: кто-то делал отличные деньги на его купонах. Все началось с того, что возник черный рынок купонов на бессмертие, где их покупали те, кто надеялся таким образом стяжать что-то... там, по ту сторону... то ли вечную жизнь, то ли сладкую смерть. Никто точно не знал. Появилось акционерное "Общество взаимной смерти", которое скупало купоны на бессмертие тысячами, помещало их в банк и даже выводило как ценную бумагу на биржу. Купоны, которые были придуманы Трепаковским как символ его могущества и щедрости, вдруг обрели реальную цену и к середине июля (а первый раз он разбрасывал их на Пушкинской в начале июля) котировались уже выше акций Газпрома. Никому теперь не был интересен газ, все хотели продавать и покупать смерть. По общему мнению, подпись Трепаковского и его портрет в профиль, имевшиеся на купоне, гарантировали владельцу бумаги права в том мире... то ли на шесть соток рая, то ли на безбедную жизнь на реке Стикс, где, говорят, один бывший премьер уже строил себе дачу. Говорили, что Трепаковский делает все это с разрешения Кремля, который сам не может играть в

игры с приватизацией смерти и поэтому работает через своего доверенного политика. Услышав такую версию, знатоки кривили лица: что, Кремлю больше не через кого сыграть в эту игру, кроме Трепака? Да у Кремля, чтоб вы знали, тааа-акие возможности.... Никто ничего в эти судьбоносные дни не знал наверняка. Игра шла по-крупному, в нее включился даже лондонский олигарх, который всегда интересовался исключительно футболом и самыми большими в мире яхтами, но на всякий случай дал указание своим людям скупить весь июльский тираж купонов и таким образом обеспечить ему максимальные права в прекрасном загробном мире, который он в ближайшем времени собирался посетить как турист. Возможно, на яхте; он велел уточнить, можно ли приплыть туда на яхте. Еще у него был план основать там футбольную Академию из умерших футболистов.

4.

Ночью Анна Вивальда поцеловала хомяка в лапку и съехала в зеркальном лифте на первый этаж отеля. Девушка на ресепшен проследила за ней восхищенным и одновременно недоуменным взглядом. Не успела Анна Вивальда на своих высоких тощих ногах пройти несколько шагов по ночному тротуару, как рядом с ней затормозил черный автомобиль с черными стеклами и без номеров. Одно из стекол медленно поехало вниз, и в ночном свете фонарей появилась небритая рожа, которая нагло и сально предлагала Анне Вивальде сто долларов, если она сейчас поедет с ними. Она равнодушно показала ему палец, и через секунду двое небритых восточных парней тащили ее в машину. Она завопила на всю пустую улицу.

Она не поняла, откуда появился двухметровый парень с бритой наголо головой и огромными бицепсами, перекачивающимися в коротких рукавах белой майки с надписью "Мало не покажется!". Он был не один. Из-за его спины выбежал худенький паренек и, взвившись в воздух, в прыжке выпрямил ноги и попал ими бандиту точно в лицо. Бандит со стоном улетел в темноту и оттуда не вернулся. В это время высокий с бицепсами встретил неожиданное препятствие в виде двух человек с ножами, которые медленно двигались вокруг него на полусогнутых ногах. "Чурки, сейчас мочить вас буду!" — весело сказал он восточным людям, вставая в боксерскую стойку.

— Мясо! Будем всэх вас шас рэзать! Аллах Акбар!, — отвечали ему сразу несколько голосов.

— "Спартак" чемпион!, — кричали в ответ громко, хотя и вразнобой, подбегающие парни с бейсбольными битами.

Битва бейсбольных бит с ножами не успела как следует начаться, как из ночной тьмы принесся полицейский автомобиль, на крыше которого мигал синий огонь. Тревожное пламя залило ночную улицу. Все происходило так быстро, что Анна Вивальда не успевала следить за процессом, а видела только результат. Она увидела, что небритые бандиты лежат лицами в асфальт, причем огромный полицейский в берете, вооруженный автоматом, поставил ногу в шнурованном ботинке на спину одному из них; еще она увидела, как худенький каратист бросился по переулку прочь, а его товарищ с огромными бицепсами деловито объяснял полицейскому офицеру, что "чурки напали на русскую девушку". Офицер с мясистым сонным лицом скользнул взглядом по Анне Вивальде.

— Это что ли ты русская девушка?, — спросил он, с презрением оглядывая тощие ноги певицы и ее белый атласный пиджак, под которым то ли была юбка, то ли не было. — Чего смотришь? На работу вышла, б...? Иди отсюда! Э, босоножку свою возьми, дура!, — крикнул он ей вслед и ударом ноги подогнал босоножку к ней поближе. Она попрыгала, надевая ее, и дальше уже шла не хромая, но зато у нее сильно заболела рука в том месте выше локтя, где ее как щипцами сжимали бандиты, утаскивая в машину Локоть тоже болел. Еще что-то странное делалось с ее лицом, под глазом вспухало. "Ну вот погуляла", — подумала она.

На углу широкой улицы, выложенной брусчаткой, ее догнала женщина в джинсах и с рюкзаком на спине. "Вы очень похожи на Анну Вивальду... В таком виде по Москве ночью вам лучше одной не ходить", — заметила женщина на отличном английском. — Болит, да?" Она с улыбкой подняла руку и поднесла ее к вздувающемуся фингалу под глазом. "Надо лечить... Пойдемте ко мне, Теплый Олень снимет вам синяк в два счета!" Анна Вивальда посмотрела на веселую туристку с рюкзаком своими трагическими глазами и внезапно поняла, что ей можно верить. Ее новую подругу звали Маша, и она была сновидица, лекарь и волшебница.

5.

Новая знакомая Анны Вивальды жила в большом доме на главной улице Москвы. В окна ее уютной кухни с коричневыми облезлыми трубами был виден каменный всадник на коне. На трубах сидели большие картонные бабочки. В комнате висела картина, на которой медведь ловил лапами луну. Маша напоила Анну Вивальду зеленым чаем и извинилась, сказав, что сейчас наступает ночь и ей надо работать. Она работает по ночам, как и положено ведьме. О синяке беспокоиться не стоит — одна из подруг, которая тоже сейчас ожидалась в гости, убирает такие вещи за несколько минут. И тут же зазвонил дверной звонок, и ровно в полночь с веселыми шумными разговорами появились Машины гости. В большой комнате для них уже были разложены надутые маленьким автоматическим насосом резиновые матрасы.

Анне Вивальде впервые за долгое время не было тошно, грустно, печально, депрессивно, отвратно и одиноко. Хмель от выпитого днем бренди прошел. Кокаин выветрился. Вместо привычной в такой ситуации депрессии она испытывала необычное для нее чувство радости, словно она была маленькая девочка, а вокруг заботливая и дружелюбная семья — на самом деле у нее никогда не было мира в семье, отец и мать всегда ругались друг с другом, а она уходила от них петь песни в бар. Она послушно легла на надувной матрас под медведем, ловящим луну, и закрыла глаза. Маленькая женщина, едва заметно припадающая на левую ногу, накрыла ее синяк ладонью. Женщину звали Теплый Олень. Ее крошечная ладонь была горяча, как блинчик. Это был добрый и не опасный жар, и обжечься им было невозможно. Жар, истекавший из ладони, мягко протапливал ее поврежденную плоть и растворял синяк. Через несколько минут женщина сняла руку и сказала: "Ну все! Ваше лицо в порядке!" Анна Вивальда посмотрела на себя в зеркале в ванной и убедилась, что фингала удивительным образом больше нет. Он исчез в пять минут под воздействием той таинственной энергии, которой владела маленькая женщина. "Теплый Олень, спасибо!"

Квартира между тем наполнялась все новыми и новыми ночными гостями. Только женщины, ни одного мужчины. Их имена были Большая Лань, Все-возможный Китай, Красная Птица, Ловица Звезд, Синий Шафран. Они были оживлены и веселы, как бывают веселы люди в преддверии нового года или другого большого праздника. Одна из них, по имени Мелкая Вибрация, с завитыми в мелкие кудряшки волосами, ожидая, пока Анне Вивальде излечивают синяк, уселась в позе лотоса на табуретку и пила зеленый чай, держа пиалу в растопыренных пальцах правой руки; она сидела в позе лотоса на шаткой табуретке с таким видом, словно это естественная позиция и нормальное место для ее гибкого тела, прошедшего тренировку в непальском ашраме. Там ей приходилось молчать шесть месяцев подряд, и поэтому тут она говорила без перерыва. Наконец все они отправились в большую комнату и, смеясь и переговариваясь, стали укладываться на надувные матрасы под картиной с луной и медведем. Все они были сновидицы. Они, как объяснила Анне Вивальде хозяйка квартиры, путешествовали во снах под ее умелым руководством. На уточняющий вопрос певицы о своих занятиях хозяйка квартиры Маша отвечала с высоким и несколько неестественным смехом: "teaching, dreamwork and regression therapy".

Коллективные, или, как говорила Маша, оркестровые сновидения были сложнейшим видом искусства сна. Это не то что дрыхнуть в одиночку. В оркестровых сновидениях каждый сновидец спит в своей ментальной области и ведет свою сновидческую тему, но сложение этих тем образует полотно необычной красоты. Это целый мир со своими лугами, ручьями, полями и существами. Такая согласованность сна требует большой подготовительной работы и высокого мастерства, которое дается только многолетней тренировкой на кроватях, диванах, раскладушках, креслах и даже скамейках. Маша спросила, не хочет ли Анна Вивальда прилечь на диван и побаловаться каким-нибудь приятным маленьким сончиком, который она ей сейчас сварганит из собственных фантазий и сказок Гофмана, на что певица отвечала, что хочет, даже очень хочет, потому что ощущает счастье и покой в их обществе, но никак не может, потому что она вышла прогуляться на пятнадцать минут и дома — то бишь в отеле "Апарат Хайат" ее ждет друг, хомяк. Она вдруг подумала о любимом зверьке, как он там сидит один в темном огромном номере, дремлет в клетке и чувствует в самой глубине своего маленького толстого тельца нарастающую тревогу. Может быть, его даже бьет дрожь от того, что он беспокоится за нее. Маша сказала, что не отпустит Анну Вивальду одну в ночной город, полный банд и сумасшедших, и вызвала для нее розовое женское такси.

Глава шестая

1.

С утра до вечера Чебутыкина исследовали врачебные и научные комиссии, отдельные ученые, узкие специалисты по работе мозга, профессора с широким кругозором, звезды психологии и психиатрии, академики-теоретики и академики-практики и даже специалисты по космической медицине. Ему искололи пальцы, делая анализы крови, а круглосуточное снятие кардиограммы и ежеhourные замеры давления превратились в рутину. Его просветили насквозь рентгеном и сделали ему томографию мозга. В результате наука с недоумением при-

шла к выводам, которые были ясны любому и без всяких научных наблюдений: Чебутыкин — живой!

У него все было в норме: гемоглобин, давление, пульс. Смерть не разрушила его тело, а восстановила. Чтобы избежать ошибок, некоторые исследования проводили дважды, трижды и четырежды. Например, Чебутыкин чуть ли не каждый день рассказывал психиатрам свою трудовую биографию — школа в Липицах, служба в армии в городке Волчегонске, водопроводчик в жеке, механик в гараже, шофер в совхозе — и рисовал карандашиком путь в замысловатом лабиринте. Окулисты так часто заставляли его говорить буквы из своей таблицы, что он выучил их наизусть. Тест Люшера вызывал у него зевоту. Психологи-экспериментаторы показывали ему карточки с геометрическими фигурами и зверями, а он должен был сразу же называть ассоциации — таким образом они надеялись проникнуть во внутренний мир умершего человека — но у них ничего не выходило, потому что у Чебутыкина не было ассоциаций. Он представлял из себя редкий тип человека без ассоциаций. Если ему показывали барашка, он говорил: "Баран!", если показывали корову, он говорил: "Корова!". На абстрактные фигуры он откликался: "Опять хренятина!".

Исследователям и врачам становилось труднее с каждым днем. Объект исследований, ценный как ничто в мире, откровенно саботировал их усилия. Чебутыкину до того надоели все эти дядьки и тетьки в белых халатах, что он начал им хамить. Лаборантке, пришедшей к нему со своим чемоданчиком, он сказал: "Хватит, попила уже моей рабочей кровушки!" — и не дал ей палец для анализа. С седым профессором-терапевтом шофер вступил в спор, причем утверждал, что "сволота врачебная из липицкого медпункта" его загнала в гроб. С тех пор он врачам не верит. Он отказывался вешать на себя датчики, а те, что были уже приклеены к его телу, содрал и в приступе злости кинул в толстое стекло, отгораживающее его от остального мира. Когда же его пытались увещевать, говоря о великой ценности Чебутыкина для науки, глаза его сужались, он злился и думал о чем-то своем.

О чем шофер думал, стало ясно однажды утром, когда он залепил тарелку с манной кашей в стену из белых панелей и заорал, что требует кислой капусты. Прибежавший диетолог пытался объяснить, что ему ни в коем случае нельзя есть кислую капусту, но шофер насупился, опустил голову и стоял на своем. С тех пор он как сорвался с цепи. Если ему предлагали лечь на кушетку и сделать кардиограмму, он требовал бутылку пива. Пива ему не давали, только сок, причем исключительно яблочный. Это была твердая позиция науки, зафиксированная в документе, который назывался "О принципах кормления умершего Чебутыкина" и был подписан президентом академии медицинских наук и тремя его заместителями. В результате ситуация обострялась день ото дня: Чебутыкин швырял тарелки с кашей в стекло, выливал сок на пол и пытался подговорить уборщиков со швабрами, которых на четверть часа впускали в его отсек для уборки свинюшника, чтобы они принесли ему четвертинку. Он не знал, что эти здоровые мужики в халатах со швабрами и ведрами были офицерами "Альфы".

Беседы с Чебутыкиным о его загробной жизни у ученых тоже не получались. С ним работал опытнейший врач-психиатр, который привлекался и для допросов террористов, и для снятия стрессов у военнослужащих, побывавших в горячих точках, и для обеспечения психологического комфорта у высших чиновников страны. Этот великий мастер человеческого общения бился о шофера Чебутыкина как об стену. Дело в том, что у врача не было никаких опорных то-

чек в их разговорах. Он никак не мог проверить рассказы Чебутыкина. Поскольку с умершим Чебутыкиным могло происходить что угодно, врач вынужден был верить ему на слово. Чебутыкин нес чепуху, но кто мог поручиться, что эта чепуха не является самой настоящей, самой истинной правдой? Часами и днями шофер рассказывал врачу про какие-то идиотские загробные магазины для рыболовов-любителей, где он брал хорошего червя, про ларьки у трехсотметровой статуи Ленина, где он затоваривался пивом и потом с канистрой живительного напитка шел на пляж. Опытный врач только успевал предположить, что река, на берегу которой совхозный шофер нежил свое тело на потустороннем солнышке — это Стикс, как Чебутыкин уже переходил к другой теме. Он катался на коньках с горы, где рос дуб, вокруг которого на цепи ходил кот. Это катание на коньках с горы ставило врача в тупик. Он не спал несколько ночей, пытаясь разгадать сложный символизм загробной жизни, данный ему в рассказах совхозного шофера, но потом всегда оказывалось, что шофер морочил ему голову. О чем прямо и заявлял, начиная новый виток своих историй. "То я тебя обманывал, Сергеич, а теперь я тебе давай правду расскажу". Но и правда оказывалась мудреной издевательской чепухой.

Чебутыкин, после первых дней заточения, когда он ничего не понимал и всего боялся, теперь догадался, что все эти многочисленные врачи, ученые, профессора и академики зависят от него. Но ни ругань, ни швыряние тарелок с кашей в стекло, ни шантаж ему не помогали. Как прежде соблюдался режим питания и сна, как прежде по расписанию приходили к Чебутыкину врачи и мучили его вопросами и как прежде офтальмологи пускали ему зайчики в глаза, а отоларингологи с умным видом заглядывали в горло. Все они следили, не начнет ли его тело снова умирать. Тогда совсем обозлившийся Чебутыкин выставил свои требования.

Утром, когда к нему, как обычно, пришел пожилой седой профессор, возглавлявший комплексную врачебную бригаду ежедневного наблюдения, Чебутыкин, сидя на кровати и покачивая короткими ногами в толстых шерстяных носках, попросил профессора выпустить его отсюда.

— Как же я вас выпущу?, — искренне не понял профессор. Он относился к Чебутыкину примерно так же, как если бы Чебутыкин был доисторическим ящером или пришельцем с другой планеты. Он собирался исследовать его всю жизнь.

— Не можете выпустить, отпустите назад, — зло глядя на профессора маленькими глазками под насупленными бровями, сказал Чебутыкин.

— И назад мы вас не можем отпустить, — добродушно сказал профессор, мирясь с капризами своего сверхценного пациента.

— Тогда я сам уйду.

— Да помилуйте, дорогой мой, ну что за разговор... Вы же не ребенок... Вы в клинике... Мы еще немножко на вас посмотрим... Поисследуем вас немножко еще... Надо иметь терпение, — все тем же лживым и ласковым голосом врача-профессионала говорил профессор. — И куда же вы уйдете?

— Откуда пришел.

— Ну нет, туда мы вас не отпустим, даже и не думайте, — сказал профессор.

— Я требую пива, три бутылки в день, Жигулевского, — выдвинул свое прежнее требование Чебутыкин.

— Я же вам объяснял, вам нельзя пиво. Только сок.

— Тогда вот что... Шофер задумчиво посмотрел в пол. — Тогда я от вас и без вашего спроса уйду. Он поднял голову и с ненавистью посмотрел на опешившего профессора. — Пишите, профессор, в свой поганый отчет: я объявляю голодовку!

2.

Отчеты писали все. Их писали командиры подразделений, сидевшие в приокских лесах в маскхалатах, и тот молодой лейтенант, что по служебной необходимости завел роман с секретаршей умершего академика Лоренц-Валиулина (на самом деле она ему совершенно не нравилась, он был влюблен в операционистку Ларису из Элит-банка); их писали врачи, у которых под белыми халатами угадывались твердые погоны, и офицеры "Альфы", под видом санитаров и уборщиков контролировавшие ближние подступы к сверхценному объекту Чебутыкину. Отчеты писали агенты наружного наблюдения, целыми днями ходившие по улицам Москвы и слушавшие, что говорят люди о внезапной отмене смерти. Писали отчеты и журналисты, работавшие в газетах, и официантки, обслуживавшие бандитов и чиновников в лучших ресторанах Москвы, и охранники, охранявшие олигархов, и офицеры подземного командного пункта, в режиме реального времени мониторившие радиоэфир, интернет и мобильную связь. Это была та низовая, кропотливая и очень полезная работа, без которой высшее руководство страны не могло бы знать, что происходит и куда несет поток событий.

Тысячи отчетов стекались в аналитический центр, где за сотнями компьютеров сидели офицеры-аналитики и упорно вчитывались и вдумывались в простенькие на первый взгляд сообщения. Маркеры так и мелькали над распечатками, отмечая важное и непонятное. Принтеры гудели непрерывно. Что означает массовая высадка деревьев в маленьком городке в Дагестане? В чем причина участвовавших походов министра финансов в сауну? Почему врач-исследователь, имеющий доступ к Чебутыкину, в прошлый вторник, говоря с женой по телефону, чаще обычного употреблял слово "блин"? Не тайный ли это код? Как сказывается на деятельности профессора, возглавляющего комплексную группу по исследованию Чебутыкина, наличие двоюродного племянника в Канаде? Все это были очень сложные вопросы, которые требовали глубоких размышлений и точных ответов. Ошибаться было нельзя. На такой работе ошибаются лишь однажды.

Десятки и сотни аналитических записок сводились воедино в оперативный прогноз, который в виде скромной папочки в красной кожаной обложке с золотыми скрещенными мечами ровно в восемь утра ложился на стол генералу армии Затрапезникову. Этот высокий человек в коричневом костюме и при узком голубом галстуке, с крошечным значком на лацкане — значок представлял собой щит и все те же скрещенные мечи — внимательно читал полторы странички прогноза. Некоторые места он подчеркивал тонко отточенным красным карандашом и писал на полях комментарии: "Отлично!", "Курдюмову: усилить наблюдение!", "Дайте сведения точнее!" и даже "Филимонову: Не стройте из себя Зорге!". Жарким днем начала августа, когда уже загорались торфяники под Москвой, Затрапезников, дочитав странички прогноза до конца, встал, подошел к окну, отдернул синюю гардину и долго стоял, наблюдая волны автомобильного движения на Лубянской площади. Он ощущал отсутствие посередине площа-

ди строгого и сурового Феликса в длинной шинели с такой физической отчетливостью, словно это в его мозгу не хватало какого-то основного штыря. Площадь зияла дырой. Он вздохнул. На его всегда серьезном мятом лице была сильная усталость.

Ученые в Протвино работали уже почти месяц, а результатов не было. Нуль результатов! Они ни на шаг не приблизились к разгадке воскресения Чебутыкина. Все, что они писали в своих отчетах, была медицинская банальщина. Лучшие научные умы не могли сказать про Чебутыкина и загробный мир ничего определенного. Врачи либеральничали и распустили Чебутыкина, который вчера ударил врача-терапевта стулом по голове, а сегодня с утра, зная свою безнаказанность, схватил профессора за ухо и макнул его лицом в кашу. Чебутыкин держал голодовку уже третий день и, похоже, собирался умертвить себя и таким образом улизнуть назад, в привычный ему загробный мир. Допускать этого было никак нельзя. Службе было поручено сохранить Чебутыкина, и она его сохранила. Так подумал Затрапезников.

Тревогу вызывала и ситуация в стране. Олигарх из Лондона скупал через подставных лиц акции госкорпорации "ЗЖ" ("Загробная жизнь") и явно строил далеко идущие планы спекуляций. Тоталитарный демократ Трепаковский мчался по стране в поезде с развевающимися синими флагами, на каждой станции собирал митинг и требовал заводы рабочим, землю крестьянам, смерть народу. Надо было передать ему через доверенных лиц, чтобы перестал хулиганить. Коммунисты отправили на тот свет троих своих агентов, не посоветовавшись с Кремлем, что само по себе было немислимой дерзостью. Разыгрались, гаврики, наследники героического прошлого. В церквях, по согласованию с идеологическим отделом администрации, усилили пропаганду законопослушания и уважения к начальству и в целях успокоения паствы намекали на то, что смерть еще, может быть, и вернется; и в общем-то все обстояло терпимо, но появлялись и некоторые тревожащие обстоятельства, говорившие о том, что кое-где люди в отсутствие смерти уж как-то чересчур нагло и даже вопиюще нагло выходят из-под контроля. В уголовных кругах распространялось мнение, что на том свете есть и свои люди, и хороший обшак, и бояться попасть туда нечего. Среди молодежи стремительно распространялась мода на новую спортивную забаву: прыжки с мостов с зонтиком. Прыгали по трое, по пятеро и даже десятками, в радостной уверенности, что погибнуть невозможно. Вокруг тел разбившихся до приезда милиции водили языческие хороводы и танцевали брейкданс их товарищи. Какой-то репер Аркаша повсюду вылезал с песнями о бессмертии, которое уравнивает богатого и бедного, сильного и слабого, властного и безвластного. Богатому и властному, пел Аркаша, даже хуже, потому что у бедного и слабого все равно ничего нет, а богатый и властный все потеряет. Уровень преступности не превышал нормы, но что-то подсказывало человеку в коричневом костюме и с крошечным значком на лацкане пиджака, что скоро преступность вырастет как на дрожжах в связи с ослаблением страха смерти у населения. И снова повсюду появлялся высокий старик в сером рубище и проповедовал вредные и глупые вещи. Это тревожило.

Затрапезников вернулся к столу и взял трубку: "Виктор Иванович, ты? Да, прочел. Да, решил. Хватит им морочить нам голову. Науке я больше не верю. С понедельника забираем Чебутыкина себе. А со стариком этим чего тянете? Его пора брать."

Охота за стариком уже шла всюду. Высокий седой старик в сером рубище, подпоясанном узеньким ремешком, появлялся повсюду и ни от кого не прятался, и на первый взгляд казалось, что оперативникам не составит никакого труда захватить его. Но только на первый взгляд. Оперативники на машинах с мигалками выезжали на место, где появлялся этот странный проповедник, и раз, и два, и три, но каждый раз по какой-то случайной причине опаздывали на несколько минут. Жарким днем, когда весь кислород был выжжен из воздуха белым раскаленным солнцем, три черных автомобиля, взвизгнув тормозами, остановились на площади Трех Вокзалов, где еще клубилась возбужденная стариком толпа, но сам он, как сказали оперативникам таксисты и грузчики, только что нырнул в метро. Еще через несколько дней двое здоровенных оперативников вклинились в толпу на Тверской, у ресторана "Филимонова и Янкель", и уже видели в пяти метрах от себя возвышающуюся над людьми крупную голову с седыми волосами и резкое лицо с горящими глазами, но когда они, грубо расталкивая потные человеческие тела, пролезли в первый ряд, старика уже не было. Он исчез, а слова его: "Изумительное и ужасное совершается в сей земле" еще висели в воздухе. В другой раз этот старикан, баламутящий народ странными байками о Господе, совсем обнаглев, появился на Лубянке и проповедовал прямо перед зданием Службы, так что десятки сотрудников, оторвавшись от своих неотложных дел и прилипнув лицами к окнам, наблюдали высокую фигуру с седыми волосами до плеч точно в середине все возраставшей толпы; но когда три прапорщика и капитан, выбежав из высоких и тяжелых дверей, врезались в толпу, народ стал их отталкивать и кричать ругательства, в результате чего вышла драка и неразбериха. И совсем уж удивительный случай произошел с тайным осведомителем ФСБ, который проходил в документах под кодовым именем "Боров". Этот Боров сумел пробиться в первый ряд слушателей во время проповеди старика в Измайловском парке. Толпа была такая большая, что людям в задних рядах было ничего не слышно, и они подняли шум. Тогда старик каким-то странным образом увеличился в размерах. Потрясенный Боров, симулируя религиозный восторг, упал перед ним на колени и осторожно приподнял край его серой дерюжной хламиды. Он увидел две большие ноги в желтых советских сандалиях, которые висели в сорока сантиметрах над землей, не касаясь ее. Старик левитировал. Он поднялся в воздух и парил в нем, не прекращая произносить свои сказки. Все это тайный осведомитель написал в своей записке, которая заняла три страницы и, мгновенно промчавшись по начальственным столам, легла на стол к самому Затрапезникову. Затрапезников прочел доклад агента и глубоко задумался.

Старик проповедовал следующие вещи. Во-первых, он утверждал, что еще две с половиной тысячи лет назад Господь обратился к нему, прежде чем он возник, и освятил его, прежде чем он вышел из утробы, что доказывало жизнь до жизни, или жизнь без смерти, или бессмертие души. Затем старик говорил, что мир погряз в грехе и скудоумии и обличал россиян в том, что они "осутились" (именно такое странное слово он употреблял), лукавствуют до усталости и стали "умны на зло, а добро делать не умеют". Злые усилились по упорству злого сердца своего, а слабые в слезах. Но душа живая всегда готова возродиться. Еще он настаивал, что уставы народов ничто, а есть только устав Господа, которому и нужно следовать, собираясь вместе и молясь, и тогда камень рассыпется,

стены падут, власть исчезнет как морок, и не станет надсмотрщика над ближним и соглядатая ближнему своему. Люди станут как агнцы, и между тем миром и этим не будет ни железного столба, ни медной стены. Так преодолевается смерть. Затрапезников натянуто усмехнулся, читая эту сектантскую чепуху, а потом губы его шевельнулись сами собой, и он быстро перекрестился.

4.

Мужчина по фамилии Удалов специально брил голову наголо, чтобы милиционеры в момент задержания не могли хватать и тащить его за волосы. Он был городский партизан. Удалов считал своим гражданским долгом бороться против любой несправедливости. А поскольку он все действия власти считал несправедливыми, то и сопротивлялся им, устраивая одиночные пикеты. Он был известен всей чиновничьей Москве, потому что целыми днями стоял в одиночных пикетах у различных министерств и ведомств. Он требовал всего ото всех: у администрации президента — отставки президента, у МИДа — установления дипотношений с независимой Басконией, у министерства экономики — снижения цен на 46%, у антимонопольного комитета — ликвидации Газпрома, у компании Лукойл — покупки Рональдиньо в "Спартак". Когда же один жизнелюбивый олигарх открыл на Покровском бульваре клуб-ресторан "Snob", где публике подавали печеные яйца страусов, завернутые в листья проперченных канадских кленов, Удалов три дня подряд пикетировал его, стоя с плакатом: "Нет работы? Голоден? ЕШЬ БУРЖУЕВ!"

Удалова знали не только чиновники и богатые снобы, которым он своим плакатом испортил аппетит, но и милиция, которая задерживала его сто восемьдесят шесть раз только в этом году. Но ему это было все равно. У него был пламенный темперамент революционера и железный характер борца. В своей жизни он плавал на кораблях торгового флота, учился в Строгановском училище, был рабочим сцены в Большом театре, изучал теорию революционной борьбы в общественном университете француженки Катрин Клеман, прибывшей в Россию поднимать массы, а в свободное от всего этого время штудировал труды Ленина, которого считал величайшим человеком в истории. "Если не знаешь, что делать — поджигай!" и "Лучше взрывать универсамы, чем владеть ими!" — эти максимы знаменитых революционеров прошлого восхищали Удалова.

Странным образом у этого человека, проводившего целые дни на улицах, в бесчисленных пикетах и стычках с милицией, оставалось время и силы на то, чтобы заниматься созданием теории общественного переворота. Он считал, что ленинская теория революция нуждается в совершенствовании. Времена изменились, и огромное значение получило то, что Удалов называл "медиа-усилителем". В это понятия он объединял блоги, фэйсбук, твиттер и форумы, на которых проводил ночные часы, заполняя их поджигательскими и экстремистскими высказываниями, которые писал под разными никами. У него было сорок блогов, половина из них десятитысячники, и их он тоже писал под разными никами. Его знаменитый твиттер читали в администрации президента и даже в американском Белом Доме. Этот медиа-усилитель превращал активного одиночку в политического Геракла и, по мысли Удалова, делал ненужным кропотливую работу по созданию партии. Умело пользующийся Интернетом человек в современных условиях мог заменить собой целую партию и массовое общественное движение. И Удалов заменял, организуя сетевые флешмобы, провоцируя дис-

куссии и распространяя в Сети слухи о том, что капиталистическая власть приватизирует загробный мир, что Ленина вот-вот вынесут из Мавзолея, а возраст выхода на пенсию поднимут до восьмидесяти пяти лет. Потому что для бессмертных какая разница, когда выходить на пенсию? Вот и терпите.

Вообще, теория медиа-усиления и перевоплощения революционера во многие образы были краеугольными камнями, на которых Удалов строил свою работу. Он считал, что важно создавать постоянный информационный шум. Из шума выйдет хаос, из хаоса революция. Если бы он составлял ЦК своей партии, то кооптировал бы в него Хлестакова с Репетиловым, потому что это были мастера создать хаос, запустить сплетню и запудрить мозги. Продвинутость в вопросах высоких технологий Удалов тоже считал необходимой для современного революционера. Сам он свободно программировал на Питоне, запросто писал на html и являлся владельцем и администратором красного революционного ботнета из сорока тысяч компьютеров, который использовал для массовых рассылок агитматериалов апокалиптического характера. Но вся эта огромная и неустанная деятельность революционера, включавшая в себя десятки пикетов, сотни митингов, тысячи столкновений с милицией, миллионы постов в блогах и даже учреждение безденежной премии имени Демьяна Бедного для молодой пролетарской литературы была только подготовкой среды, в которой, по теории Удалова, должно было произойти то, что он называл Суперактом, или, сокращенно, Супером. Супер было событие, которое взрывало массы и кардинально меняло ситуацию. Вопрос был в том, чтобы выдумать этот Супер.

Удалов со своими немногочисленными соратниками и помощниками проводили ночные часы в подвале на Плющихе, обсуждая варианты Супера. В подвал вела железная дверь на раме, сваренной из мощного уголка; дверь и рама могли выдержать кувалду взломщика и даже автоген милиционеров. Маленькая видеокамера в бронированном корпусе транслировала происходящее перед дверью на монитор в подвале. В подвале у Удалова и его людей было все: штаб движения, склад агитационных материалов, множительный центр с принтером и сканером, ночлежка для товарищей из других городов, зал для акустических концертов, которые периодически давали тут левые группы "Буран Тайги" и "Сверни Голову", а также столовка со всегдашней лапшой Доширак и горьковатым дешевым пивом. Бутылки не выносили неделями, и они стояли вдоль стен. В консервных банках тяжело пахли окурки дешевых сигарет. На деревянных нарах валялись смятые солдатские одеяла и альпинистские спальные мешки. Девушки тут ходили в высоких шнурованных ботинках и пляжных шлепанцах, а молодые люди носили серьги в ушах и татуировки на предплечьях, изображавшие тройной профиль Маркса, Ленина и Удалова.

Одной из идей Супера был угон крейсера "Аврора" в Москву по сети каналов и выстрел из носовой пушки по Кремлю. Идея была отвергнута не только потому, что представлялось затруднительным пройти шестьсот километров каналами, а потому, что это был бы римейк, повтор. Удалов же, как истинный революционный художник, творящий историю, стремился к оригинальному творчеству. Обстрел Кремля из пушки, стоящей во дворе Музея Революции, тоже не подходил: во-первых, из этой пушки большевики уже стреляли по Кремлю в 1917 году, а во-вторых, под нее не было снарядов правильного калибра. Взятие в заложники всех депутатов Госдумы с последующим выставлением политических и социальных требований тоже было признано нецелесообразным, потому что власть легко пожертвует депутатами, возьмет думу штурмом, а потом поса-

дит в нее новых избранных, ничем не отличающихся от старых. В ночные часы, в густых клубах сигаретного дыма, кашляя и сплевывая в консервные банки, закидывая ноги на столы, расхаживая с голыми торсами по душному подвалу, товарищи спорили до хрипоты и все искали и искали гениальную идею Супера.

4.

Анна Вивальда и ее состояние — алкоголизм, кокаинизм, несчастное детство, эксплуатация шоу-бизнесом, депрессия, одиночество — были главной темой долгих разговоров, которые московские сновидицы вели между собой на уютной Машинной кухне, в окне которой истово сияли красным буквы "Главмосстрой" и виднелась могучая спина князя Юрия Долгорукова и ядреный зад его коня. Они также прослушали три альбома певицы, скачав их на rutracker.org, и долго обсуждали ее по наитию возникшую песенку про двух лежавших на попунке котов и их хвосты. Тут у сновидиц не совпадали мнения. Мелкая Вибрация утверждала, что это готовая мантра, совпадающая с двести восьмой мантрой Кришнамурти, а Теплый Олень считала, что это наивная поэзия, в которой душа певицы освобождает себя от тисков догматической реальности. Тогда они погадали на картах Таро и решили, что Анну Вивальду следует "регресснуть", а также "отбалансировать" и "прогладить". Речь шла о том, что у нее, как они выражались, надо "подправить карму", "подчистить ауру" и "подкрутить чакры".

Сначала сновидицы, сидя все вместе за круглым столом в одной из комнат ее президентской сюиты в отеле "Арапат Хайат" на Петровке, пили китайский зеленый чай с пирожными и весело говорили про отмену смерти, в которой эзотерические девушки не видели ничего удивительного. У Анны Вивальды даже сложилось впечатление, что в их кружке смерть была отменена гораздо раньше, чем во всей России. Девушка с мелкими кудряшками, восседавшая в позе лотоса на высоком барном табурете, рассказывала, что уже бывала там, когда в ашраме в шестичасовой медитации останавливала дыхание и погружала себя в золотую солнечную ткань. Полная женщина, с жадным аппетитом евшая пирожные, говорила, что не вылезает с того света. Об ученых же они говорили свысока, как говорят о недоучках, до которых все доходит в последнюю очередь. Хомяк, которого они тоже угостили свежайшими творожными пирожными, превратился в розовый шар с веселыми черными глазками. Он задремал, но все равно с наслаждением впитывал журчащие человеческие голоса всем своим раздувшимся, уютным тельцем.

Потом они взялись за Анну Вивальду. Сначала полная дама с лицом исключительной важности — врач-нарколог с собственным уникальным методом вызволения алкоголиков из пут пьянства — склонилась над Анной Вивальдой и заклинаниями из русских сказок ввела ее в транс. Перед внутренним взором певицы возникали странные картины. Анна Вивальда тихим сонным голосом рассказывала о самой себе, какой она была в третьей от начала жизни. Оказывается, она была римским мальчиком, игравшем в кости. Транс Анны Вивальды был столь глубок, что она продолжала рассказывать захватывающие истории о собственных приключениях в своих предыдущих жизнях даже тогда, когда дама-нарколог, устав слушать (от своих пациентов она слышала истории и покруче, чем игра в кости в древнеримских банях), устроилась перекусывать за

журнальным столиком, на котором молчаливый официант сервировал для нее бутерброды с икрой, бутерброды с ветчиной, бутерброды с французским сыром, круассаны, фрукты, чай и кофе. Дама жадно поглощала еду, в то время как ее ученица впадала во все более глубокий транс.

Особу, так жадно евшую во время сеанса погружения бутерброды, сменила худая женщина в костюме цвета морской волны и с кружевным воротником и манжетами. Они с Анной Вивальдой сидели в креслах и делали пальцами всевозможные фигуры. Эти фигуры назывались хастами и мудрами. Они соединяли пальцы в странных позициях, выкручивали их и при этом смотрели друг другу в глаза, соединяя потоки энергии. Официант, в очередной раз зашедший в номер с подносом, на котором стояли тарелки с бутербродами, чашки и никелированный кофейник, с изумлением посмотрел на завязанные в узлы пальцы и решил, что эти две женщины сошли с ума. Люди, жившие в номерах отеля, часто бывали лишены стыда и много чем занимались при официанте, но такого он еще не видел. По мнению молчаливого вышколенного официанта, все эти нагрянувшие в номер к знаменитой певице женщины были шарлатанками, имевшими целью завлечь ее в свою секту и выдоить из нее деньги. Но он, конечно, ошибался. Они не брали с нее ни копейки.

Была среди них и еще одна женщина, про которую сновидицы говорили с большим уважением и даже почтением, хотя она ни в чем не участвовала и только отрешенно сидела у стола перед полупустой чашкой с китайским чаем. Сколько бы она не пила чая, чашка всегда оставалась полупустой, а чай никогда не остывал, и над ним всегда стояло облачко пара. Даже не очень сведущая в науках Анна Вивальда поняла, что эта чашка явно противоречит закону сохранения энергии и еще многим научным законам. Это была загадка, которую никак не могла отгадать Анна Вивальда, впервые за долгие годы чувствовавшая, что ее окружает не истерический и неестественный восторг поклонников, а теплое чувство симпатии и интереса. Женщину с вечно полупустой чашкой звали Вера. Она почему-то была в офицерском кителе без погон, который был увешан многочисленными медалями всех времен и народов и значками. Ее русые волосы были собраны на затылке в старомодный пучок и затянуты простой черной резинкой. Когда Анна Вивальда, давая отдохнуть своим чакрам, которые ей ежедневно подкручивала маленькая женщина с невероятно горячими ладошками, однажды вышла в большую комнату, то обнаружила, что полупустая чашка по-прежнему тут, и над ней по-прежнему стоит легкий белый дымок, а самой Веры нет. Сновидиц это не удивило, и они объяснили Анне Вивальде, что Вера вообще-то живет не в Москве, а на Алтае, куда и отбыла через окно и пятую точку небосвода посредством черного ворона, который является чем-то вроде ее личного пространственно-временного таксомотора. В загробный мир она тоже иногда так летает.

5.

Президент Российской Федерации сидел один в длинном, неудобном, тускло освещенном зале своего загородного дома и пил тощий чай с молоком. Было три часа ночи. Он снял пиджак и остался в белой рубашке с узким галстуком. Он только что приехал из Кремля, но не ложился, потому что знал, что не заснет. Он никак не мог унять того возбуждения нервов, которое накопилось за длинный день, прошедший в переговорах, докладах, телефонных звонках, засе-

даниях, заслушивании мнения военных, ученых и капитанов крупной промышленности. На кухне для него был готов ужин: белая и красная рыба, спагетти с соусом, булочки из правительственной пекарни, вазы с черной и красной икрой, фрукты... Но аппетита не было, есть не хотелось.

Президент отхлебывал слабозаваренный чай и подливал в него молоко из молочника. На душе было смутно. Ирина, дежурная подавальщица, молча вынесла ему чай с молоком и также молча ушла. Она действовала строго по инструкции, запрещающей ей первой начинать разговор, но иногда ему хотелось, чтобы эта молодая женщина в неброском коричневом платье заговорила с ним, проявила обычный человеческий интерес к его проблемам и теплое женское сочувствие к его трудной работе. Тогда он внутренне одергивал себя: ишь чего захотел! становишься сентиментальным! нельзя позволять себе этого!

Он по-прежнему выходил к людям, уверенно раскачивая плечами на ходу, по-прежнему говорил скупой и сухой, по-прежнему позволял себе иногда иронию, по-прежнему давал ясные и четкие указания по поводу тех или иных мер в новой чрезвычайной ситуации, но внутри него возникла и расширялась пустота. Эта внутренняя пустота была продолжением и отражением той огромной внешней пустоты, которую он так остро чувствовал вокруг себя. Внешне и видимо все было на месте — телефоны спецсвязи на столе, вышколенная охрана, три тысячи порученцев, вертикаль власти, горизонталь пространства, смиренный капитал, дружелюбные граждане, сбегавшиеся смотреть на его прибытие, сытые лживые лица исполнителей его указаний, лояльность которых он покупал, закрывая глаза на их дела и делишки — но на самом деле все тихо обламывалось в самой сути его власти. Он это хорошо понимал.

Сводки и доклады, которые он получал из ведомства Затрапезникова, содержали в основном сообщения об успешных действиях службы, которая десятками предотвращала преступления, теракты, насилия, беспорядки и злостные хулиганства распустившегося в отсутствие смерти населения. Люди выходили из-под контроля не только власти, но и самой жизни. Люди прыгали с крыш, бежали перед машинами на красный свет, танцевали на досках, перекинутых через улицы, били друг другу морды и по всей стране стреляли из травматических пистолетов. По любому поводу — грубый ответ продавщицы, недолив бензина на бензоколонке, национальный вопрос, классовые отношения, ссора жены и мужа, спор начальника и подчиненного — россияне теперь хватались за травматические пистолеты и запросто отправляли друг друга на тот свет. Уверенность в том, что смерти нет, увеличила жажду насилия у беспокойного и всегда всем недовольного населения. Президент распорядился усилить охрану оружейных складов. Он боялся, что его шальной, диковатый, анархический и, к сожалению, до сих пор не впитавший в себя еврокультуру народ разойдется так, что ему покажется мало травматических пистолетов. Дай им волю, и они начнут палить в друг друга из автоматов, пулеметов и пушек.

Конечно, он в кратчайший срок разработал и представил в Госдуму "Закон об использовании недр и природных богатств загробного мира" и "Закон об охране жизни граждан в условиях отсутствия смерти", но эти законы, принятые Думой в четверть часа сразу в трех чтениях, запоздали и уже не могли остановить чего-то страшного и огромного, что надвигалось на него и на его страну то ли из загробного мира, то ли из близкого будущего. А может загробный мир и есть близкое будущее. Это надвижение катастрофы он с такой мучительной тоской чувствовал сейчас, в ночной час, понуро сидя в одиночестве перед чашкой

полуостывшего и сильно разбавленного молоком чая. И посоветовать никто ничего не мог. Наука — исключая приятного вздохмаченного косоглазика в Протвино — отказывалась говорить на этот счет что-либо определенное, Академия Наук снабжала его коллективными кляузами академиков, утверждавшими, что Вермонт шарлатан, а вся шумиха вокруг смерти есть лженаука, которую следует запретить. Но как объяснить явление Чебутыкина, они не знали. Что-то назревало и набухало в самой плоти текущего времени, и президент терялся в догадках: чего ожидать? из-за какого угла? какая дубина ударит? и когда именно? Это ожидание неизбежного и обязательно страшного иссушало и ужасно выматывало его душу.

В длинной сумрачной комнате за длинным черным столом сидел маленький бледный человек с залысинами. Он мелкими глотками, устало и как-то по старчески прихлебывал чай. От стабильности, которой он так гордился, оставалась пустая оболочка. Люди, заходя к нему в кабинет, по-прежнему имели испуганно-подобострастное выражение на лицах, они по-прежнему докладывали ему, читая по бумажке искусно подобранные факты и подтасованные цифры и с облегчением выходили из кабинета, когда он кивком отпускал их — но все это был театр, в котором актеры продолжали играть за деньги и по привычке. А за стенами кремлевского театра начиналось какое-то серьезное движение, которого он очень боялся. Бурлак больше не ездил в администрацию президента и не советовался по поводу каждого своего чиха, а вел игру с возвращением Ленина с того света. Игра на первый взгляд казалась дурацкой шуткой коммунистов, а на второй весьма опасной для стабильности и вертикали затеей. Трепаковский мчался на особом поезде по России к Тихому океану, на каждой остановке возвещая поход нищих и русских за справедливое распределение смерти, и президент предчувствовал, что крикливый фигляр, сорвавшись с веревочки, теперь выкинет какой-нибудь такой фортель, который перепутает все его карты. Что он задумал? Неужели, доехав до краев страны, въедет на поезде в океан и по вскипающей соленой воде помчится дальше, оглашая мир воплями о суверенитете бессмертной России? Или оттуда, с крайней точки страны, тронется в обратный путь на Москву, собирая под свои синие знамена толпы бедных, нищих, диких, грубых, злых и раздраженных соотечественников? Президент и к такому варианту был готов — он перевел внутренние войска на состояние постоянной боеготовности. Но вот вопрос, что смогут сделать внутренние войска в условиях отсутствия смерти?

Президент еще подлил молока. В казенном доме, где проживало первое лицо, было тихо и пусто. Нелепого морковного цвета диван и черные стулья с высокими спинками казались уродами. Маленький лысеющий человек с редкими светлыми волосами и длинным ртом, склонив голову над чашкой, думал обо всем сразу. Он думал о русских, татарах, башкирах, эвенках, чеченцах, о малых городах и малых народах, о проблемах столиц, о беде провинциальных городов, о фальшивой водке, которая снова была в ходу у лишившихся своего последнего страха алкоголиков, а еще он думал о мигрантах, приток которых из загробного мира грозил осложнить и без того непростое положение в стране. Как с ними быть, с толпами людей, которые со дня на день повалят из того мира в этот? Ввести регистрацию? Выдавать паспорта? Платить ли им пенсию? Но пенсионный фонд и без того трещал по швам... И вообще должны ли вернувшиеся с того света люди иметь такие же права, как и те, кто туда не уходил? Право выбирать и быть избранным? От мысли о том, что в Думе появятся депу-

таты-покойники в черных гробовых костюмах и с застывшими улыбками, ему стало не по себе.

Он продержался двенадцать лет, он сжал Россию так, что она больше не разбегалась в стороны, он заставил ее не брыкаться и идти в будущее ровным размеренным шагом, но теперь он чувствовал всеми своими напряженными нервами, что почва под ногами колеблется и скоро грянет удар. Он так этого боялся и не хотел. "Нервы!, — с укором и досадой сказал президент сам себе, делая еще один маленький глоток невкусной пресной жидкости. Он уже давно не употреблял сахар в целях укрепления здоровья. Это был уже и не чай и не молоко, а остывшая бурда. "Государственный деятель не должен распускаться!"

Глава седьмая

1.

В Академии наук после трагической и преждевременной смерти директора института физических исследований в Протвино Лоренц-Валиулина развернулась настоящая война. На место директора претендовали шесть академиков и два члена-корреспондента. Все понимали, что это не просто место директора большого и значительного института; речь шла о принципиально новой науке загробоведении, которой в ближайшие годы предстояло определять все развитие человечества. Инвестиции в исследования загробного мира должны были составить двадцать процентов от ВВП. Отменялся как совершенно ненужный Космос, сводились на нет работы в области нанотехнологий, переводились на частные гранты работы в области удлинения сроков жизни. Все госфинансирование бросалось теперь сюда, и только сюда. Маленький и тихий городок Протвино на берегу Оки становился центром мира.

Все надковерные и подковерные игры были пресечены одним телефонным звонком, который раздался рано утром в квартире президента Академии. "Кто это в такую рань?", — недовольно подумал главный академик страны, шагая к телефону в розовой пижаме и с зубной щеткой в руке. На щетке была только что выдавленная из тюбика паста Lacalut. Президент академии точно следовал инструкциям своего зубного врача, который рекомендовал чистить зубы не меньше пяти минут утром и пяти минут вечером. В эти пять минут президент академии обычно обдумывал предстоящие ему сегодня дела. Это была, так сказать, планерка с самим собой. Звонок прервал планерку на третьей минуте.

Звонил человек из администрации президента. Он курировал Академию.

— Есть мнение, — сказал куратор, — что директором института должен стать Илья Александрович Вермонт.

Академик замычал в ответ. Это значило, что он не находит слов для того, чтобы согласиться.

— Я догадываюсь обо всем, что вы хотите мне возразить, — сказал куратор, — но на споры и возражения у нас нет времени. Надо срочно брать ситуацию под контроль. Лучшего директора головного института по исследованию и освоению загробного мира нам не найти. Илья Александрович автор эксперимента и создатель математической теории. Возможно, он гений. Мы ознакомились с его биографией и решили, что надо продвинуть его на этот пост и дать

ему возможность работать так, как он считает нужным. Для решения всех иных вопросов у него будут заместители.

В дверь квартирки Вермонта на третьем этаже обыкновенного дома-пятиэтажки позвонили. Вермонт в этот момент стоял посередине разгромленной квартиры в синей спортивной майке и желтых беговых трусах. Он собирался идти побегать, потому что надо было, наконец, вырвать себя из душевной смуты и мысленного хаоса. Таков был его утренний посыл самому себе, но в последний момент он вдруг снова не совладал с собой и принялся обыскивать и ощупывать карманы выброшенной из шкафов одежды. Он помнил, что писал в том числе и на салфетках, которые брал в столовой института и рассовывал по карманам. Куда-то же должны были деться бумажки с прыгающими буквами и цифрами формул и расчетов! Он отправился к двери и раздраженно открыл ее, думая, что это соседка, которая все последнее время смотрела на него восхищенными глазами. Она много раз видела его по телевизору. Но за дверью оказались два очень серьезных человека в костюмах цвета стали и при одинаковых нежно-голубых галстуках. Вермонт, насмотревшийся за последние недели на эфэсбэшников, сразу понял, кто они такие, и ужасная мысль мелькнула у него в голове.

— Что вам здесь нужно?, — спросил он, бледнея и отступая в глубину квартиры.

— Мы просим вас одеться и следовать за нами.

— Куда?

— В институт.

— Я сегодня не пойду в институт.

— Илья Александрович, вам срочно надо ехать в институт!

— А я вам сказал, что не пойду в институт!

Через четверть часа двое мужчин в серых костюмах вывели из подъезда под руки старшего научного сотрудника Илью Вермонта. Пиджак, который агенты надели на него, был криво застегнут, брюки топорщились. Они посадили ученого в черную машину, и она с места взяла в карьер. Еще через десять минут Вермонт в сопровождении двух агентов, которые поддерживали его под локти в те моменты, когда у него от волнения заплетались ноги, вошел в конференц-зал. Он уже знал. В машине ему сказали. Несколько десятков лиц обратились к нему. Это были ведущие научные сотрудники, профессора, доктора наук, ученые с мировым именем. Был тут и главный инженер установки, и начальник АХО, и начальник первого отдела, который смотрел на Илью Вермонта с приятной, доброжелательной улыбкой. Это он дал молодому ученому самую лучшую рекомендацию. Агенты провели Вермонта по залу, вставили в кафедру и испарились. Воцарилось молчание.

— Господа, — хрипло сказал Вермонт и начал кашлять. Кашель душил его с такой силой, что на глазах выступили слезы. Откашлявшись, он обвел взглядом зал. Черные его волосы, которые так и не поддались расческе одного из агентов, стояли дыбом над мертвенно бледным лбом. Глаза разъезжались в стороны, отчего на лице возникало выражение безумия. Также разъезжались в стороны мысли нового директора. "Приступил к исполнению, не приходя в сознание", — сказал из глубины зала чей-то насмешливый голос.

— Господа, — сказал Вермонт с отчаянием — позвольте представиться: я теперь ваш директор! Он снова замолчал, словно рассматривая косившими глазами эту безумную фразу, повисшую в воздухе. Тогда он решил попробовать

сказать что-нибудь еще. — Нам предстоит многое сделать. Он постепенно обретал себя, видя, что они не смеются над ним, а слушают с выражением почтительного внимания на лицах. Никто не хихикал и не показывал на него пальцем. — Мы открыли дорогу в загробный мир, и кому как не нам первым пройти по этому пути! Наша задача на ближайшее время состоит в том, чтобы повторить эксперимент, и мы это сделаем. На его треугольном бледном лице теперь была написана решимость человека, стоящего на краю крыши. Стоя перед цветом науки в перекошенном пиджаке и отвисающих на коленях брюках, он вдруг почувствовал такой прилив сил и такую уверенность в успехе, что выпрямился и даже стал выше ростом.

Когда Вермонт закончил свою короткую речь и его обступили люди, он был уже другим человеком. Его глаза горели лихорадочным огнем, а спина была прямой как доска. Он кивал, принимал поздравления, и тут же, в конференц-зале, давал поручения почтенным профессорам и пожилым докторам наук. Чьи-то руки тянулись к нему, и он их пожимал. Один доктор наук спросил его о маленьком коэффициенте в одной коротенькой формуле, без которого невозможно было математически описать смерть как явление высшей математики, и тогда Вермонт взял мелок и со страшной скоростью стал писать цифры и буквы на зеленоватой грифельной доске. Вдруг все замолкли. В полной тишине дробно стучал мел. Когда Вермонт закончил и обернулся, в зале раздались аплодисменты. Хлопали все, даже ничего не понимающие в высшей математике начальники АХО и первого отдела.

2.

В три часа ночи по пустынным улицам Москвы ехал фиолетовый автомобиль "Иж Ода 1,7 комби" 1987 года выпуска, с красным восклицательным знаком и желтой буквой У в черном треугольнике на заднем стекле. Машина проседала почти до самого асфальта, задние рессоры не выдерживали ее собственной тяжести. Конвульсивно подрагивающий глушитель выпускал густую струю серого дыма, в которой пролетали искры. Иногда мотор самопроизвольно начинал реветь, и тогда выхлоп темнел от хлеставшего в него масла. В салоне машины напряженно молчали три человека.

Партизанский отряд Удалова прибыл к месту боевой операции. Все было продумано до деталей. Машина стояла в гараже у Удалова пять лет. Она была давно снята с учета и нигде не числилась. Номера на ней были самодельные. В три часа пятнадцать минут они вышли из автомобиля, припаркованного на набережной напротив огромного черного уroda, уходившего головой в черно-красное небо московской ночи. Все окна квартир в домах по обе стороны реки были темными. Голубоватым светились только окна подъездов. Двое мужчин и подросток размяли ноги, сделав несколько шагов по асфальту набережной. Потом Удалов взглянул на часы. На его широком запястье зеленовато светились знаменитые "Командирские". "Пора начинать, товарищи!".

Не проронив ни слова, они общими усилиями достали из машины один за другим четыре бидона, из которых на рынках торгуют сметаной и творогом. Доставали уверенно и четко: не сговариваясь, одновременно делали резкое движение и перебрасывали бидон через борт багажника. Крышки бидонов были жестко зафиксированы специальными металлическими лентами. Бегом, чуть пригибаясь — хотя набережная, насколько хватало глаз, была пуста, никто за

ними не следил — они быстро перенесли бидоны к подножью истукана. Император торчал своей уродливой головой в огромной вышине и как будто не замечал копошащихся у его ног крошечных фигурок. На его черном неразвитом лице была улыбка идиота, мечтающего дурацкую мечту. Подросток в кепке быстро и ловко накинул петли проводов на горловины бидонов. На конце каждого провода была прозрачная пластиковая коробочка, внутри которой тихо пульсировал алый светодиод.

Трое, все так же инстинктивно пригибаясь, молча перебежали назад, к машине. Подросток в кепке и с кольцом в ухе — его звали Антон — остался у бидонов. Он стоял, видя над собой огромные черные ботфорты Колумба, позорно переименованного в Петра. В одной из пламенеющих коробочек что-то громко щелкнуло. Антон закинул голову назад и попытался рассмотреть в вышине маленькую голову гибрида испанского путешественника и русского царя. Он увидел — или это ему показалось — что там, среди звезд, гибрид улыбается пустой и рассеянной улыбкой. Это была улыбка существа, никогда не знавшего любви и собственного предназначения. Его сварганили, продали, перевезли, отвергли, поставили, и он стоял с тех пор на пустынной набережной, никому не нужный, облитый презрением огромного города, ставший привычной мишенью городских зубоскалов, лишенный подобающего памятнику поклонения или хотя бы интереса.

"Антон!", — тревожно крикнул Удалов. "Время!" У второго мужчины — он был в бесформенном берете с нацепленным на него комсомольским значком и с длинным шарфом на шее — в руках возник черный продолговатый предмет. Это был блок управления бидонами, переделанный из пульта управления телевизора Samsung. Несколько секунд ничего не происходило. Москва спала в глухой ночной тишине. Потом послышался слабый гул, он продлился несколько медленных секунд, и вдруг из всех четырех бидонов одновременно вырвалось короткое острое пламя. Все трое стояли, замороженно закинув головы. Там, очень высоко, почти у самых звезд, вдруг странно качнулась маленькая чугунная голова. Гигантская нога в ботфорте дрогнула, как будто собиралась сойти на берег и шагнуть, переступая крыши, к Якиманке. Но так показалось только на первый взгляд и на одну секунду. Иллюзия осмысленного движения быстро исчезла, огромная нескладная фигура качнулась в вышине, а потом закачалась еще сильнее и сильнее, словно пьяный император выделявал на своем постаменте странные коленца. В небесах над темной набережной прокатился утробный стон.

Черная гигантская фигура медленно ложилась в реку головой в сторону Крымского моста. Все заняло ровно четыре секунды. Узкое царское тело с отломанной ногой с громким шипением вошло в Москва-реку. Река вскипела перед изумленными и восхищенными взглядами трех людей, застывших на пустынной набережной. Как во сне, они видели плавный и неуклонный рост серой ночной воды, которая быстрой волной устремилась в сторону Кремля. Вода завывала, завихряясь в бетонных берегах. Река шумела, словно возмущенная тем, что в ее бессловесный сон ворвался черный чугунный царь с оторванной взрывом ногой. Игрушечная каравелла с поломанной мачтой, которой баловался царь, ухнула в воду и пропала.

В эти минуты в подвале, за железной дверью на Плющихе, уже вовсю шла бешеная работа. Несколько человек ходили в клубах сигаретного дыма туда и сюда, приложив трубки телефонов к ушам, и кричали что-то на разных язы-

ках, давая интервью зарубежной прессе. Полуголый молодой человек с непременным тройным профилем на предплечье и в мешковатых камуфляжных штанах, сидя за ноутбуком, со страшной скоростью бегал пальцами по клавиатуре. Это был главный программист партизанской армии Удалова, и сейчас он запускал красный ботнет на полную мощность. Сорок тысяч компьютеров по всему миру, подчиняясь командам молодого программиста на службе у революции, выходили из сна, зажигали дисплеи и начинали рассылку заранее заготовленной прокламации, в которой говорилось о только что свершившемся Суперакте. Выходите на улицы! Ничего не бойтесь! Истукан повергнут! Власть падет! Жизнь и смерть принадлежит народу! Даешь сто миллионов одиночных пикетов! Эти и другие энергичные слова сейчас стучались в память тысяч и тысяч компьютеров, записывались на жесткие диски, начинали вращаться в облаках и перепрыгивали на флешки. Еще десять человек, сидевших с компьютерами в разных углах подвала, уже работали в блогах — каждый них имел десять ников и наполнял блогосферу воплями восторга, криками торжества, описанием события, которого на самом деле они не видели, и призывами не спать, просыпаться, идти на набережную!

— С почином, товарищи! Суперакт свершился! Су.., — начал на темной набережной Удалов, обращаясь к двум своим товарищам, но не договорил и осекся. Глаза его вдруг уставились в одну точку и остекленели. Бритый наголо человек молча и тупо смотрел в мутную тьму на ту сторону реки. Там что-то двигалось. Медленно и плавно, будто несомая летним ночным ветерком, выступала из предутренней тьмы высокая фигура старика в сером развевающемся рубище, подпоясанном узким ремешком. Седые волосы веяли по ветру. Старик, слабо перебирая ногами в желтых советских сандалиях, скользил в полуметре над водой в сторону Кремля.

3.

Ранним утром на Якиманской набережной собралась толпа. Она все увеличивалась. Проезжавшие мимо автомобили тормозили и приветственно гудели. Машины останавливались, водители выходили из-за руля и с широкими радостными улыбками шли поближе к месту события. Другие спрашивали весело в опущенные стекла:

— Ну что, упал царь? Свалился император? В воду?

— Упал, упал наконец!, — с радостной ненавистью отвечали из толпы. — В Москве дышать сразу стало легче, вы что, разве не чувствуете!?

Они преувеличивали: в Москве, как и все последние дни, дышать было тяжело. Пахло раскаленным асфальтом, сухой пылью, жестким солнцем и гарью. Запах гари накатывал волнами, прилипал к ноздрям, вызывал тошноту. Уже появились люди в марлевых повязках. Это под Шатурой горели торфяники.

Вдоль всего парапета, от Крымского моста и до Каменного, стояли сотни людей и смотрели в воду. Новые, прибывающие со всех сторон, не могли понять, на что они смотрят и в недоумении крутили головами.

— Да где же он? Где он? Я не вижу, мама, ну где же он?, — ныла девочка с двумя огромными белыми бантами, сидевшая на руках у мамы.

— Да вон же он! Да не туда ты смотришь, смотри вон туда!

Девочка повернула голову и увидела. Ее ножки в белых носочках и крошечных лакированных туфельках радостно задргали.

— Вижу, мама, вижу!

Взгляд новоприбывшего зеваки находил наконец на серой глади реки, напротив бассейна "Чайка", черный кругляш, немного поднимавшийся над водой. Но что это было? Некоторые говорили, что это голова императора, другие с хохотом утверждали, что это его зад. На самом деле это был носок ботфорта. Нога вместе с частью туловища, отделившись от тела, косо воткнулась в густой слой придонной жижи и торчала теперь на тридцать сантиметров над водой. Иногда на нее садилась речная чайка и стояла посередине реки на своих тонких ножках.

Вдруг со стороны Каменного моста, нарушая правила движения, с синим пламенем мигалок примчалось две черные иномарки. Тормоза взвизгнули, дверцы открылись, и из них выпрыгнули на набережную шесть молодых людей в серых, цвета стали, костюмах. На лицах у них была написана такая наглая и бесконечная уверенность в своем праве на все, что люди как-то сами собой расступались перед ними, пропуская их к тому месту, где еще вчера вечером стоял чугунный гигант работы модного скульптура, замучившего Москву своими творениями. Очутившись на месте, шестеро новоприбывших — авангард армии из чиновников, экспертов и спецагентов, которая уже выдвигалась к месту происшествия — тут же образовали нечто вроде цепи и начали оттеснять толпу. Люди не хотели уходить и кричали им в лицо:

— Вы кто вообще тут? Вы чего пихаетесь вообще тут?

Пятеро молча, не снисходя до объяснений, продолжали теснить толпу, а шестой отвечал вежливым тихим голосом:

— Мы Федеральная служба безопасности. Это наша зона ответственности. Просим всех отойти от места происшествия. Просим всех отойти от места происшествия.

Черные машины каждую минуту подкатывали теперь с двух сторон, от Крымского моста и от Каменного. Мигалки заходились истошным синим пламенем на блестящих крышах. Появился толстый милицейский генерал в серой форме с красными лампасами и такого же цвета лицом. Он вступил в разговор с высоким и худым человеком в штатском, который с рацией в руке расхаживал по набережной. Прибыло три пожарных машины, из дверей вылезали неповоротливые пожарные в брезентовых костюмах, резиновых сапогах и огромных сияющих касках. Огня не было, и вскоре они, маясь бездельем, ходили в своем тяжелом одеянии по набережной с мрачными лицами. Зато четверо мужчин, приехавших на автобусе Volkswagen с затемненными стеклами, тут же взялись за дело. Они беспрепятственно прошли за уже установленные решетки ограждения и что-то делали у постаментов. Толпе было плохо видно. Один из новоприбывших залез на постамент и сидел там на корточках, делая пассы руками в белых нитяных перчатках, другие собирали что-то в полиэтиленовые пакеты.

— Следы взрыва ищут, — сказал кто-то в толпе.

— Смотрите, смотрите!, — крикнул чей-то веселый голос.

Посередине реки стоял катер МЧС с белой скошенной рубкой. Белая лесенка на борту катера уходила под воду. Водолаз в тяжелом костюме, переваливаясь, прошел по палубе к лесенке и неуклюже развернулся. Он стоял спиной к толпе, пока двое в оранжевых спасательных жилетах надевали ему на голову круглый шлем с окошком. После этого он, медленно нащупывая огромной но-

гой ступеньки, стал спускаться по лесенке. Сначала в воду ушли его слоновьи ноги, потом он погрузился по пояс и только тогда разжал руки в огромных черных рукавицах и, откинувшись спиной вперед, ушел в воду.

В трех километрах от бурлящей на набережной веселой толпы, в кабинете с задернутыми синими гардинами, человек с мятым лицом и тусклыми глазами сидел за письменным столом с телефонной трубкой в руке. Он был бледен страшной, нездоровой бледностью. Ему докладывали прямо с набережной.

— Толпу отодвинуть на сто метров, — командовал Затрапезников своим обычным бесцветным голосом. Его изможденное лицо не менялось в выражении никогда, только в серых и тоже тусклых глазах иногда пробегало что-то непонятное и тоскливое. Проморгал!, — билось у него в висках. Упустил! А как же стабильность? На этот страшный вопрос он не знал ответа, да и не мог его знать, потому что все то, что он держал под контролем, вдруг развалилось в мгновение и превратилось в огромную и все увеличивавшуюся толпу, которая не хотела расходиться и хамила его людям. Об этом он тоже уже знал. Неужели началось то, чего он так боялся и что иногда приходило ему в ночных кошмарах, где он оказывался маленьким человечком, убегавшим от чего-то огромного, что гналось за ним гигантскими шагами? — Да, оттеснить, не смотря ни на что... Он снова слушал.

— Два водолаза мало, вызывайте еще, — сказал он. — Баржа с подъемным краном идет. Расчетное время прибытия пятнадцать сорок. Он опять молчал. — Что там на месте подрыва? Тут он молчал долго, с сосредоточенным лицом слушая, что ему говорят. И чем дольше он слушал, что ему говорят, тем плотнее сжимался его и без того узкий рот и нарастало это непонятное выражение глаз на вдруг похудевшем истомленном страданием лице.

— Бидоны с творогом? — наконец сказал он. — Подорвали скульптуру бидонами с творогом? Нет? Да? Два со сметаной? Всего четыре? Четырьмя бидонами с творогом и сметаной взорвали произведение искусства высотой в сто метров? Вы понимаете, что вы говорите? Вы жопа, полковник!, — никто никогда не слышал таких слов от генерала Затрапезникова. — Я отдам вас под трибунал! Я вам сказал, нам дали двадцать четыре часа, чтобы найти преступников, которые в центре Москвы, в километре от Кремля, устраивают террористические акты! Я отвечаю головой, и вы отвечаете головой, и передайте генералу Барташьяну, что он тоже отвечает головой... Он положил трубку и прошелся по кабинету, движением пытаюсь успокоить разгулявшиеся нервы. Но не мог. Двое — президент и святой Феликс — все смотрели внимательно и испытующе на него с портретов, словно им было интересно, как он справится с этими безумными бидонами, и со свалившимся в реку императором, и с сумасшедшим математиком, возглавившим институт в Протвино, и с дырой в загробный мир, и с коммунистами, забросившими туда отряд героев, и с шофером Чебутыкиным, который в этот момент, зажатый между двумя глухо молчащими оперативниками на заднем сиденье черного "Мерседеса" с тонированными стеклами, въезжал в огромные раздвижные ворота Лефортовской тюрьмы.

Глава восьмая

1.

Ашот Семенович Гаврильянц перенес свою штаб-квартиру в город Протвино. Он арендовал целый этаж местной гостиницы и перевел сюда своих управленцев и распространителей. Газету он поручил трем замам, которые оставались в небоскребе "Федерация". Каждое утро он начинал с планерки, проходившей в конференц-зале гостиницы. У дверей в зал в это время становился приехавший с Гаврильянцем из Москвы охранник. Планерки были секретные.

Перед Гаврильянцем стояла самая великая и самая необычная задача среди всех задач, которые когда-либо приходилось решать главным редакторам и генеральным директорам газет. Технически и практически легче было бы наладить распространение New York Times в Сахаре или Vogue в Антарктиде, чем распространение газеты в загробном мире. Тут необходимо было — он был подлинный первопроходец! — создавать совершенно новую логистику. Старые рецепты не работали. Он не мог просто направить туда грузовики с тиражом, грузовики там не ездили. Он не мог также скупить там у конкурентов сеть киосков, киосков там не было. Очки съезжали по носу Гаврильянца, и охранник слышал доносящееся из-за дверей конференц-зала: "Думаем, парни! Думаем! Думаем!"

Новый директор института, молодой физик Вермонт, которому Гаврильянц был представлен, скользнул по пожилому армянину рассеянным взглядом и тут же забыл и о нем, и о его газете, и о его проблемах, и о тех льстивых словах, что он говорил. Вермонт на посту директора института должен был знакомиться со многими людьми и выслушивать разные комплименты по поводу своих талантов и всевозможные резоны по поводу загробного мира, но он тут же забывал и этих людей, и их резоны, а на комплименты вообще не обращал никакого внимания. Все они были заняты мелкой игрой и преследовали какие-то свои частные и безразличные ему цели, тогда как он был сосредоточен на единственно важной, огромной задаче: повторить опыт. В конце концов он вызвал своего первого зама, приехавшего из Москвы профессора Растамовича, и попросил его взять всю эту чепуху на себя. Вальяжный, годящийся ему в отцы Растамович, носивший костюмы за три тысячи евро и пахнувший дорогим одеколоном, ласково и снисходительно согласился.

За спиной молодого директора института, доводившего себя до нервной астении непрерывными расчетами тех или иных обстоятельств, связанных с грядущим пуском коллайдера, Растамович организовывал экономику проекта так, как он ее понимал. Во-первых, он создал при институте ЗАО, которое являлось обладателем всех прав на вход в загробный мир (С). Он намеревался продавать туда билеты, причем разных категорий. Во-вторых, он создал еще одно ЗАО, которое являлось обладателем прав на все открытия, которые совершил или совершит Илья Вермонт на посту директора института. В третьих, он создал еще одно ЗАО, в собственность которого передал все земли, воды и природные ископаемые, которые будут обнаружены в загробном мире; и было еще одно ЗАО, целью которого являлось создание там особых зон для проживания vip-персон. Все это привело к тому, что к концу первого месяца работы Растамовича количество созданных им ОАО и ЗАО превысило сто, и все они непрерывно передавали друг другу права и права на права, а также права на передачу прав на права, так что никто уже не мог точно сказать, что кому принадлежит. Только Растамович знал. Вот с этим опытным ученым и вел переговоры Гаврильянц.

Растамович и с ним, с Гаврильянцем, создал ЗАО "Загробпресса", которому передавались права на распространение печатных изданий в том мире. Был написан бизнес-план, в соответствии с которым делалась ставка на молодых энергичных покойников, не потерявших интереса к жизни. Для них запускалась газета "Счастливый покойник" тиражом миллион экземпляров и глянецовый журнал "Милый труп" тиражом триста тысяч. Идеология этих изданий состояла в том, что надо наслаждаться жизнью даже после смерти. Предполагалось, что богатые люди, умерев, захотят сохранить свой образ и уровень жизни и все те привилегии и на первый взгляд бессмысленные вещи и вещицы, которые вызывают зависть у плебса. По слухам, доходившим с горнолыжного курорта в Куршевеле, с Рублевки и с крейсера "Аврора", переоборудованного молодым жизнелюбивым олигархом в постоянный танцпол, крутящийся стрипзал и снабженный буфетом бассейн, никто из элиты не собирался из-за какой-то там смерти отказываться от ноутбуков в леопардовой шкуре, белых бульдожек с гранатовыми колье, бриллиантовых шахмат и фигурок девушек в непристойных позах, сделанных из съедобного золота. Уже появились рекламодатели для газеты, готовые рекламировать в загробном мире депозитные вклады под 7% годовых и драгоценности, а в журнале женское белье и специальный парфюм для покойников. Открытым оставался вопрос, как доставить прессу в тот мир и как продавать ее там. Ведь там денег нет?

Утром, как обычно, Растамович приехал на своем пятисотом "Мерседесе" на совещание в конференц-зал гостиницы. Охранник в черном костюме привычно встал у закрытых дверей. На совещании речь шла о развертывании в догробном мире огромной интернациональной сети похоронных агентств, которые должны были сформировать новую культуру потребления. Реформе подлежал сам акт похорон. Тесные гробы предполагалось заменить широкими ладьями и обширными кораблями, полными самых неожиданных вещей. Так уходили в иной мир когда-то викинги и фараоны, и вот теперь оказывалось, что правы были они, а не рациональные, трезво мыслящие и прагматичные современные люди, полагавшие, что персидские ковры в гробу не нужны, лошадям место не в могиле, а на ипподроме, а для умершего достаточно куцега черного костюма и картонных туфель. Предполагалась огромная, не имеющая аналогов в истории рекламная кампания по продвижению в могилу всего вещного мира. Следовало настаивать на том, что умирать бедным некрасиво, что следует неутомимо трудиться всю жизнь, чтобы все-таки заработать себе на алые подушки с вшитыми в них изумрудами, на которых так удобно и приятно лежать в гробу; следовало внедрять пока еще живым людям в головы правильную мысль о том, что ложиться в гроб необходимо в дорогой итальянской обуви, что кристаллы от Сваровски являются идеальным украшением пелерины, в которую вас завернут в ваш последний час. Автопромышленность не отставала с креативом. Гаврильянцу как владельцу первых изданий загробного мира уже звонили из концерна Volkswagen и изъявляли желание заключить контракт на три года вперед. Стремительный автомобиль Порше достоин стоять в склепе, а соболиные шубы весьма необходимы на корабле, отплывающем в иной мир.

Но нельзя забывать и о пище духовной. Каждого уходящего предполагалась снабжать бесплатной годовой подпиской на газету "Счастливый покойник" и пробным номером журнала "Милый труп". На одну из глянцевого страниц журнала была приклеена карточка Visa, которой бесплатно снабжался покойник. Дальнейшую подписку могли оплачивать родственники. Таков был гран-

диозный план. Растамович взял слово и, стоя в торце длинного стола, сказал, что этот проект изменит мир и что речь идет не о бизнесе, а о культуре, а для культуры никаких денег не жалко, и поэтому он инвестирует в проект триста миллионов долларов, полученных от компании Coca Cola за рекламу, которая в ближайший год будет размещена на всех — абсолютно на всех! — гробах, а также сто миллионов долларов, выделенных Чубайсом для наноинноваций в похоронной сфере. Очки опустились до самого кончика носа Ашота Семеновича, он смотрел в лицо Растамовичу поверх очков добрыми, добрыми и очень добрыми глазами старого главреда. Дело было сделано, деньги в проект пришли, акционеры будут довольны, впереди снова был непочатый край работы.

В этот момент двойная дверь в конференц-зал с грохотом рухнула на пол. Растамович обернулся, и на его всегда благообразном барском лице возник ужас. Истошно крича, в проем вломились огромные люди в камуфляже и с черными масками на лицах. Охранник больше не стоял у двери, а лежал на полу гостиничного холла с оторванным галстуком, синяком под глазом и под дулом автомата, которое упиралось ему в спину. "Всем лежать, суки! Не двигаться, гниды! Молчать, придурки! Сволочи, на пол, быстро!", — кричали люди в масках и камуфляже так громко и с такой яростью, что их трудно было понять. Грузный Растамович слишком медленно опускался на колени и поэтому был свален на пол ударом приклада. Ашот Семенович удостоился презрительного "чурка, к тебе это тоже относится!" — и послушно лег головой под стол. Несколько секунд было тихо, потом отчетливо слышались чьи-то неторопливые шаги, и приметливый взгляд главного редактора самой популярной газеты в России увидел пятнистые камуфляжные штаны и высокие военные ботинки с тугой шнуровкой. Сверху зазвучал бесконечно уверенный, никуда не спешащий, исполненный нагловатой ленцы голос генерал-полковника Охранителя. Он стоял над лежащими лицами в пол топ-менеджментом и говорил с издевкой:

— Заигрались, бл...ди. Растамович, ЗАО, ООО, триста штук сделал, — передразнил голос, обнаруживая хорошее знакомство с прослушкой. — А ты, Гаврильянц, думаешь, тебе твой олигарх поможет? Ни х тебе он не поможет! Мы его завтра самого реквизируем, ты понял, блин? Кто вам позволит такие дела без нас тут делать, козлы? Обобрали мальчика, суки? (Он имел в виду Вермонта). Забыли, блин, что президент вам сказал: делиться надо! Делиться надо! Так вам и отдала спецслужба наш отечественный загробный мир! Тупой носок шнурованного ботинка протянулся к лежащим на полу очкам Ашота Семеновича с треснувшим стеклом и брезгливо оттолкнул их в дальний угол конференц-зала. — Значит так, козлы, это рейдерский захват, и в ваше похоронное дело теперь входит ФСБ, которое живет всех живых!

2.

Поезд лидера тоталитарных демократов несся с запада на восток. День и ночь мощный электровоз разрезал своим круглым лбом бесконечное пространство. Отдернув занавеску с логотипом партии, Трепаковский, сидевший у окна в круглой шелковой шапочке и в халате с золотыми кистями, с грустью смотрел на пустынные поля и маленькие заброшенные городки. Пятиэтажки с промазанными варом панелями вопияли о безнадежности жизни. Серые покосившиеся сараи спали сном вечного забвения в зарослях репейника и лопуха. Красные кирпичные трубы допотопных котельных потерянно торчали над раз-

валившимися цехами никому не нужных заводов. Поезд, пронесившийся мимо с протяжным воем, провожали взглядом то бабка в платке, вышедшая из домика путевого обходчика с мусорным ведром в руке, то мужик в полинявшей майке, сидящий на облупившейся табуретке у шлагбаума на переезде. Они возникали на мгновение в сознании Трепаковского и тут же исчезали навсегда. Поезд с громким стуком гремел по длинным мостам над широкими реками, и московский политик со странным чувством зависти наблюдал сверху пустынные песчаные пляжи, серебристые ивы и выглядывавшую из густой листвы сиротскую белую церковку.

Россия неслась мимо него и все отлетала и отлетала на запад. А он стремился на восток. Он по-прежнему делал остановки и выступал на митингах, на которые население городков и поселков городского типа сходилось чуть не в полном составе. Двумя-тремя фразами он доводил до страшного, почти инфарктного волнения этих немудреных людей с простыми честными лицами, и ему хватало пяти минут отчаянного крика, чтобы убедить их в том, что пора собираться в поход. За Россию! За ваши семьи! Жизнь у вас уже отняли, теперь отнимут смерть? Вы позволите? Они расходились в задумчивости по сонным, поросшим травой улочкам своих городков, где паслись козы и гуляли гуси, не понимая, как им теперь жить — теперь, когда смерти нет — а он уносился дальше на восток, через горы, плоскогорья и леса, к далекому океану. И он тоже не понимал, как теперь жить, когда смерти нет, но он знал сам про себя, что внутри него работает такая машинка, которая сама выплевывает мысли и слова и толкает его вперед. И, значит, как-нибудь будет.

На полустанке далеко за Уралом поезд простоял полчаса, поджидая вертолет с журналистами из ВВС, которые готовили фильм о сдвинувшейся с места, преодолевшей смерть, в очередной раз удивившей мир России. Трепаковский принял английских журналистов в вагоне-салоне и говорил с ними на фоне синего партийного флага. Он и не подумал снять свой синий халат с золотыми кистями и круглую шапочку. Он угощал их водкой "Тоталитарный демократ" и черным хлебом "Трепаковский" и утверждал со своей всегдашней смесью серьезности и клоунады, что это лучшее, что есть сегодня в России. Грусти, тоски и задумчивости не было теперь в нем и в помине, и он говорил с ними со своей всегдашней энергией, выстреливая и выпаливая привычные сто пятьдесят слов в минуту.

"Политика состоит из глупых и подлых. Подлые у власти, глупые в оппозиции. Глупые борются за то, чтобы стать подлыми, а подлые не хотят быть глупыми. Но я — другой! Я не глупый и не подлый, я тоталитарный демократ, и я знаю, что дать нищим и русским в великий момент истории! Я не позволю украсть у них смерть, как уже у них украли жизнь! Миллионы украденных жизней! Все жизни украли. сволочи! Обворованная Россия, прозябающая в смиренной тишине! Я соберу их под моими синими знаменами и поведу на Кремль, и скоро никто не посмеет говорить нам, как нам жить, а это мы будем говорить всему миру, как ему жить, если он хочет остаться в живых после смерти!"

"Как можно быть тоталитарным демократом? Можно! Что значит абсурд? Вы неправильно понимаете слова! Тоталитарный демократ означает самый последовательный и самый настоящий демократ! Это я! Я сторонник демократии, доведенной до каждого человека, положенной ему в карман, вложенной ему в рот! Ешьте вашу демократию, сосите ее! Она ваша! Каждый должен иметь право вето на любой закон, и только тогда можно говорить о том, что права

меньшинств защищены! Самое лучшее меньшинство, нуждающееся в защите — одиночка! У вас в Англии не так? Не так? У вас нет демократии!"

"Хватит вам учить нас, какой демократия может быть, а какой нет! Демократия это не ваше изобретения, а греков, а греки, как известно, близкие родственники русских. Они наши племянники! Ну хорошо, мы их племянники, это неважно! Скоро мы отнимем у турок Босфор и отдадим его грекам! Мы переняли демократию прямо от Перикла, а что вы? Вы, я вас спрашиваю, что? Ваша демократия бледная англо-саксонская копия... Я довожу идею выборов до конца, я убежденный и тоталитарный сторонник выборов! Выбирайте всё и всех! Выбирайте всеобщим и равным голосованием мусорщиков и лифтеров и запрещайте всеобщим и равным голосованием лесбийские браки, красный цвет носков, бляение козы по ночам и марш Мендельсона в загсах! Я ненавижу этот марш, мы заменим его "Прощанием Славянки"! Пусть Африка и Америка переженятся под марш "Прощание Славянки"! Вы не делаете этого в своей Англии? Значит, вы не демократы!"

Журналисты на это заметили, что все это дикая небывальщина и ужасная чепуха, и еще намекнули, что Трепаковский над ними издевается. Это были зубры международной журналистики, они интервьюировали американских президентов, африканских людоедов, азиатских миллиардеров, и им ничего не стоило поставить разошедшегося русского политика на место. В конце концов, он еще не президент России, чтобы так разговаривать с Западом. И еще им очень не понравилось, что он принимал их в халате, как барин бедных просителей. Они надеялись на оливковый френч. Этот их демарш настолько оскорбил Трепаковского, что он на мгновенье даже оскалил верхние зубы. "Небывальщина? Жалкие англосаксы, добровольно уложившие мозги в спичечные коробки здравого смысла! Нет никакой небывальщины! Абсолютно все, что могут представить себе люди, то и бывает и может быть и скоро будет, вы поняли, вы, европейские карлики!"

Но не только митингами и интервью занимался лидер тоталитарных демократов во время своего стремительного продвижения с запада на восток. Иногда он в оливковом френче проходил по сильно качающимся ночным вагонам и появлялся в кабине электровоза. Лысый бугай Славик с вмятиной на черепе сопровождал его. Двое молчаливых машинистов покорно отступали к задней стенке кабины, и Трепаковский брал управление поездом на себя. Это был волнующий момент. Час и другой он стоял у рычагов и зорко смотрел в широкое лобовое стекло несущегося на восток электровоза. Вокруг на сотни километров царили ночь, и тишина, и безлюдье. Трепаковский стоял с прямой спиной и гордо поднятой головой, и никто в кабине не смел нарушить величественную тишину свершения. Только грохот колес на стыках рельсов и только вой ветра, обтекавшего плоский нос электровоза. И Славик, и машинисты-партийцы чувствовали, что в эти часы их вождь перехватывает не управление рычагами мощной машины, а управление самой историей. Что там рождалось и обдумывалось за лбом политика, лидера и вождя? Да, Трепаковский чувствовал, что десятилетия интриг, мелкой торговли за мандаты, словесного поноса, дурацкой суетни и шустрой беготни по коридорам администрации президента истекают. Он чувствовал себя сильным, как никогда. Он не говорил им о том, что будет, когда они доберутся до океана. Но они знали, что он знает.

После процедур, которые она прошла у московских сновидиц, Анна Вивальда чувствовала прилив новых сил в организме и огромное обновление души. По утрам она теперь выпивала не стакан бренди *Veterano*, как прежде, а стакан теплой воды с каплей липового меда, принесенного Верой в бидончике с ее алтайской пасеки. Овсяная каша "Здоровяк" на молоке полностью вытеснила из ее рациона кокаин. Со снами у нее теперь тоже было все в порядке. Ее подруга Маша, главная сновидица Москвы, научила ее очищению снов от грязи и мути дневных ощущений. Во сне — учила она — следует всегда быть внимательным и подмечать малейшие детали. Она отказывалась объяснять Анне Вивальде, что означают странные подробности запутанного, невесомого и зыбкого мира, в который певица попадала на втором или третьем часу глубокого ночного сна. Камешек, попавший в босоножку, подгоревшая на открытом огне котлета, голубая ванна с зеленой водой и рассыпанными по дну красными медными монетами, черная виниловая пластинка, вращающаяся на пальце с розовым маникюром — все эти символы и картины Анна Вивальда должна была осознать и понять сама. Еще Маша снабжала Анну Вивальду, привыкшую к дорогой французской косметике, самодельными кремами и мазями, которые изготавливала у себя дома из экологически-чистых продуктов, таких, как молотый лопух, рубленая крапива и пропущенная через мясорубку мята. Все это она замешивала однопроцентным кефиром, произведенным знакомым калужским фермером. Кремы она раскладывала по баночкам из-под фирменной косметики и раздавала подругам. Это были воистину живительные кремы и мази, и Анна Вивальда, с утра намазавшись ими с ног до головы, расхаживала по своему огромному номеру в красной майке с надписью *Sun Fun* и чувствовала небывалый прилив энергии. Она смотрела в зеркала и нравилась себе.

Сновидицы в эти дни основали первую в Россию турфирму, устраивавшую путешествия в загробный мир. Фирма называлась *Premium Holliday*, что намекало на высший класс потусторонних путешествий и на вечный праздник, в который превращается жизнь человека, знающего свои сны, накладывающего на лицо мятную кашу и таким образом овладевающего бессмертием. Людей в иной мир фирма пока не отправляла, потому что еще не имела лицензии, а лицензия отсутствовала потому, что еще не начало работать новое министерство загробных дел (МЗД). Министр уже был назначен, но министерство еще только комплектовало штаты и спорило с минфином о командировочных, которые следует платить отправляющимся в служебную поездку в загробный мир начальникам главных управлений. Минфин собирался приравнять командировку в иной мир к командировке в Монголию, а новый министр требовал считать командировку в иной мир чем-то вроде полета в космос и платить соответственно. Фирме же пока предстояло собрать базу данных возможных клиентов и самим посмотреть места будущих путешествий. Анна Вивальда тут же дала денег на аренду маленького желтого особняка напротив консерватории. Сама она теперь была лицом фирмы и главной приманкой для посетителей. Люди ехали в особнячок на углу Никитской и Брюсова переулков, чтобы посмотреть на знаменитую певицу, эмигрировавшую с Карибских островов в новую бессмертную Россию, чтобы здесь открывать людям новые пути в потусторонний мир. Одно смущало Анну Вивальду: клиенты часто спрашивали ее, была ли она сама *там*.

И она вынуждена была отвечать, что нет, сама еще не была. И это было неудобно и не очень правильно для бизнеса.

Этим жарким, раскаленным и душным летом шальная певица старых блюзов и новых баллад полностью уверовала не просто в бессмертие, а в легкость бессмертия. Теплый Олень и Мелкая Вибрация говорили ей, смеясь, что однажды они просто лягут на надувные матрасы и, чуть подгребая ладонями теплую воду сновидений, отправятся в прекрасный загробный мир. Синий Шафран учила ее, что люди знали о путешествиях на тот свет еще две тысячи лет назад, и для этого им не нужен был синхрофазотрон. Если в трансе человеку вспоминаются его прошлые жизни — а они вспоминаются, она это знала! — то о какой смерти можно говорить и о каком исчезновении? Если наложение маленьких горячих ладоней снимает боль, если черный ворон обращается в человека, а человек в кошку, если детская забытая песенка про двух котов и их хвосты сама собой возвращается в душу, если алтайский мед-донник в белом бидончике сам собой появляется у нее на столе по утрам, если пальцы, хитро сложенные в хастах и мудрах, дают телу прохладу, а дыханию легкость — то это означает, что скучный, тяжелый, убогий мир Дакосты и прочих отменяется. В нем не обязательно жить. И Анна Вивальда теперь собиралась всегда — все свое длинное, длинное и прекрасное бессмертие — жить вот в этом новом, легком и веселом мире сновидиц и волшебниц. И еще она собиралась помогать другим людям, которые так же, как недавно она, мучились депрессиями, алкоголизмом, наркоманией и одиночеством, находить свой личный и неповторимый путь туда, в этот прекрасный сновидческий и потусторонний Premium Holiday.

Вот что делает с человеком сон на надувном матрасе в центре Москвы. Вот что совершает короткая песенка о двух котах и их хвостах и горячие маленькие ладони маленькой женщины. Они излечили не только синяк под глазом, но и душу. Стоя перед зеркалом в огромном номере с окнами на Петровку и подкрашивая глаза — она по-прежнему мазала их, не жалея туши — Анна Вивальда вдруг с новой отчетливостью видела всю свою красоту. Она делала круговое движение головой, и ее длинные волосы тяжелой волной отлетали назад. Она переносила вес с одной ноги на другую, длинный халат распахивался, и она видела родинку на своей коленке, ту самую родинку, которую так любили фотографы во время съемок для глянцевого журналов и которая сводила с ума ее поклонников. Она надевала на тонкое запястье один за другим восемь разноцветных браслетов и любовалась видом своей изящной руки. Она взмахивала, и браслеты со звоном улетали к локтю. Взмахивала снова, и они, теснясь и стелкаясь, неслись вниз, словно торопясь обогнать друг друга. И ложбинка между ее грудей мягко вздымалась, когда она, по-прежнему стоя перед зеркалом, поворачивала голову и вдевала в дырочки в ушах огромные тяжелые серьги с фиолетовыми камнями.

Она снова была женщиной, и на этот раз — бессмертной.

Глава девятая

1.

С утра это были еще редкие прохожие, в одиннадцать дня по переулкам текли человеческие ручейки, а в полдень на набережную повалил густой люд-

ской поток, перекрывший переулки от края до края. Охранники недоуменно смотрели на веселые лица москвичей, дружно шагавших мимо "Президент-отеля" вниз, к реке. Никаких объявлений по радио не было, телевидение в эти часы передавало магазин на диване и очередные страсти, снятые в 90 сериях в Бразилии, но весть о том, что на набережной *что-то будет*, стремительно расходилась по Москве. Никто не знал, что именно, но все говорили друг другу об этом с радостными лицами. Удалов был прав: Суперакт взорвал существующий порядок вещей. Падение истукана в реку вселило в людей внезапные надежды на то, что жизнь изменится. Почему-то все полагали, что к лучшему.

Во всю длину и ширину набережной, от Крымского моста до Каменного, стояли тысячи людей. Ничего не происходило. Сильно пекло, было душно, и порывы ветра приносили запах гари. Мужчины прикрывали головы газетами. Девушки прогуливались под цветными зонтиками. Молодые люди пытались заговорить с ними. Сверху, от ЦДХ, таджик с плоским коричневым лицом быстро бежал, держась руками за тележку, груженную ящиками с голубоватыми бутылками воды "Святой источник". Все пятьсот бутылок тут же раскупили.

Место работ по подъему истукана было огорожено железными решетками в половину человеческого роста. По набережной были уже проложены рельсы, по ним ползал огромный башенный кран с желтой лесенкой и красной кабиной. Сейчас был обеденный перерыв, стрела крана нависла над рекой и не двигалась. За решетками, через каждые десять метров, стояли с мрачными и скучными лицами милиционеры в белых рубашках с короткими рукавами. За их спинами, у парапета набережной, тарахтел передвижной генератор, кабели от которого уходили вниз, к воде. Буксир с грязным оранжевым бортом и белой скошенной рубкой замер посередине реки. На палубе ни души. Чуть дальше, ближе к мосту, стояла баржа с еще одним краном, поменьше. По ее бортам висели автомобильные покрышки. В черной Ауди с затемненными стеклами и открытыми дверями, откинувшись на спинки сидений, положив рации рядом с собой, сидели несколько человек в штатском. Они были без пиджаков и пили кефир из пакетов.

Вдруг наверху, на Ленинском проспекте, зародился гул. Гул катился вниз, к набережной. В толпе возникло бурление. По переулку медленно полз открытый автомобиль, а за ним ехал автобус скорой помощи с синей мигалкой. Это был старый раритетный Руссо-Балт, арендованный коммунистической партией в частном автомузее. Колпаки его колес ослепительно сияли. За рулем был владелец автомобильной коллекции Ломаков, очень сердитый человек средних лет, раздраженный донельзя теми мытарствами, которые ему пришлось вытерпеть при организации музея, про который он гордо говорил: "Была Третьяковка, будет и Ломаковка!". На широких подножках Руссо-Балта стояли охранники из фирмы "Силовик" и внимательно следили за толпой. Сердитый Ломаков оторвал от руля руку в черной перчатке с раструбом и дважды коротко сжал розовую грушу клаксона. В жарком воздухе поплыл вязкий, стонущий звук.

Широкий нос Руссо-Балта раздвигал перед собой толпу. Веселые лица, смеющиеся рожи, любопытные хари, прекраснейшие лики заглядывали через лобовое стекло в кабину. Старинный автомобиль остановился в полуметре от заграждения. На красном, обожженном солнцем, потном лице ближайшего милиционера появилось выражение сильного недоумения. Люди в штатском, сидевшие в Ауди, оторвались от кефира и с внимательным напряжением смотрели в ту сторону, где по непонятной причине вдруг взбухла и шумела толпа. В

доме напротив начали открываться окна — одно за другим, одно за другим! — и в них высовывались люди. Тяжелые двери Руссо-Балта одновременно открылись в обе стороны, и с громоздких сидений поднялись двое. Один, всем известный, был первый секретарь компартии Бурлак — тяжелый, негнувшийся человек с круглым лбом и глубоко сидящими глазами. На него никто не обращал внимания. Другой был ниже ростом, полнее и как-то живее. В лице у него была пергаментная желтизна, словно он недавно отошел от тяжелой и долгой болезни. Бородка поредела. Но в общем он был тот самый, всем известный и всеми узнаваемый человек, чье лицо мелькало в старых фильмах, сохранялось на старых картинах и встречалось в книжках...

Ленин! Шум шел по всей набережной. К машине бежали. Да, это был он, Ильич, и люди перегибались через дверцы Роллс-Ройса и наваливались животами на капот, чтобы посмотреть в желтоватое монголоидное лицо с поредевшей бородкой и после этого уже не иметь никаких сомнений. Он был в черном замызганном пиджачке и мятых коротковатых брючках, которые он не согласился сменить на купленный для него за счет партии в дорогом бутике на Кутузовском новый итальянский костюм. Сопровождаемый двумя врачами в белых халатах и шапочках с красным крестом, в окружении напружиненных, готовых к броску охранников из фирмы "Силовик", которым был дан приказ хранить прибывшего с того света классика революции как зеницу ока, невысокий и какой-то очень уютный и добротный Ильич двинулся к ограждению.

— Здравствуйте, товарищ милиционер!, — громко и чуть картавя сказал он молодому милиционеру с обожженным солнцем лицом. Тот молчал, и в глазах его нарастал безысходный ужас. Он видел это лицо тысячу раз, но никак не мог понять, где. Да, он видел прищур этих глаз, и эту старинную адвокатскую бородку, и этот накрахмаленный воротничок с двумя пуговицами, и скромный галстук с широким узлом. В детские годы в школе? В кино? Между тем Ильич, улыбаясь, положил свою желтую, восковую руку на решетку.

— А ну-ка пропустите-ка нас, товарищ милиционер, мы идем к крану!, — весело сказал он. — Рабоче-крестьянская инспекция условий труда, так сказать! Он опять чуть картавил. Он явно наслаждался ситуацией.

С той стороны решетки рядом с милиционером выросли люди с Лубянки. Они уже надели пиджаки и выглядели в одинаковых костюмах и с одинаковыми лицами как злые и бездумные инкубаторные клоны. Один из них, поднеся рацию ко рту, быстрым приглушенным голосом передавал информацию Затрапезникову прямо в его затененный синими гардинами кабинет.

— Владимир Ильич Ленин... прибыл на набережную... требует пропустить его к башенному крану... толпа увеличивается..., — тихо бормотал оперативник в рацию. — Стоит в метре от меня... Вижу его... Ильич как живой...

— Сюда нельзя!, — сказал тип в штатском, с особенно-важным и наглым лицом, которое выражало полнейшую уверенность этого человека в том, что его все боятся и он всегда имеет власть над людьми. Но тут его отчего-то никто не боялся. В толпе захохотали.

— Ты понимаешь, кто стоит перед тобой, — загудел Бурлак своим утробным басом. — Перед тобой стоит товарищ Ленин, а ты несешь здесь свою полицейскую чепуху... Отойдите.

— Товарищи!, — чуть грассируя, сказал, улыбаясь и поворачиваясь к напиравшей сзади толпе, человек в замызганном пиджачке и мятых брюках. — Охранка ничуть не изменилась за то время, что я отсутствовал в России. Когда я

в семнадцатом году вернулся из Швейцарии, они были такие же дондоны! Мы со Львом Давидовичем их в грош не ставили! Помогите нам пройти!

Толпа радостно рванула. В одно мгновение разлетелись решетки, а милиционеры и люди с Лубянки оказались захваченными в могучее движение сотен людей. Человек в пиджачке, донесенный волной до огромной ноги подъемного крана, взялся своими желтоватыми ладонями за раскаленные поручни и бесстрашно полез вверх. Вслед за ним, потея красным растерянным лицом, лез охранник, а за ним врач в белом халате и белой круглой шапочке. Врач тоже имел указание не отставать от Ильича ни на шаг и хранить вождя революции плуце собственной жизни. Взволнованный Бурлак остался внизу.

На высоте пяти метров Ленин спокойно и деловито ступил на железную площадку с поручнями. Это было на метр выше, чем тогда на броневике, а так все очень похоже. Он прекрасно себя чувствовал. Врачи, успевшие сделать ему анализы, не могли найти в его организме никаких следов пребывания на том свете. Сейчас Ильич положил обе руки на теплые металлические перила и обвел взглядом толпу. Сверху он видел тысячи обращенных к нему веселых, радостных, счастливых, предвкушающих лиц. Вот какие они, потомки! В домах на набережной уже были открыты все до единого окна, во всех окнах были люди, некоторые смотрели в бинокли, другие снимали происходящее на набережной видеокамерами. Откуда-то взялся красный флаг. Сотни рук с мобильными телефонами, включенными на видео и аудиозапись, поднимались из толпы.

— Товарищи! — сказал Ильич, три дня назад выведенный из того мира группой героев-коммунистов и уже успевший переварить за это время огромный объем информации по политике и экономике современной России. По толпе при звуке этого чуть картавого голоса пошла волна. Это была волна потрясения и восторга. Ропот покотился по огромной толпе. Одна пожилая женщина уже упала в обморок, и ее посадили, прислонив спиной к парапету набережной. Она сидела на асфальте, и сердобольный мужчина обмахивал ее газетой.

— Тихо! Тишина! Тихо!, — тревожно закричали несколько голосов.

Наступила глубокая тишина. Слабый ветерок расправил на мгновение красное знамя в руках высокого человека в белой бейсболке с надписью "Chicago Devils". Он перехватил древко и сглотнул сухим ртом. Откуда-то взявшиеся телевизионщики уже снимали Ленина, держа камеры на плечах. Большой серебристый микрофон на длинном штативе тянулся вверх и почти касался коричневых, с закругленными носками, туфель Ильича, приобретенных им в 1922 году в магазине Мосгоробувь на Кузнецком мосту. Все в нем, Ильиче, включая эту уютную полноту и эти совсем не модные, хорошо начищенные, но имеющие царапины и шероховатости туфли, было до слез знакомо людям.

— Товарищи!, — сказал Ильич. — Разрешите приветствовать вас от имени ваших предков, почти сто лет назад совершивших в Россию величайшую революцию в истории!

Толпа вздрогнула и качнулась. Облака на голубом небе встали. Солнце сжалось и сделалось нестерпимо-белым. Снова раздались крики и тут же смолкли.

— Вы, товарищ, и вы, товарищ, и вы, товарищ... Ильич кивал вниз, на стоящих в толпе людей, как на своих старых знакомых, — скажите мне, товарищи, разве мы затем совершили великую социалистическую революцию, чтобы власть опять попала в руки промышленников и богачей? Разве затем ваши деды и прадеды сражались, проливали кровь и голодали, чтобы вы теперь оказа-

лись ненужными в своей собственной стране? Я спрашиваю вас, товарищ, — еще один изумленный человек ощутил на себе внимательный, с прищуром, взгляд ленинских глаз, — почему вы предали наследие революции? Почему вы так легко отказались от всего, за что мы боролись?

— Ильич! — крикнул чей-то голос. — Мы не предавали, Ильич!

— А где тогда советы?, — Ленин возвысил голос. Он говорил безо всяких микрофонов, но люди прекрасно слышали его слова. — Где рабкрин? где школа коммунизма, профсоюзы? где детские сады для ваших детей, бесплатные и оборудованные по последнему слову техники больницы, где бесплатный общественный транспорт в ваших забитых частными машинами городах, где квартиры для рабочих, земля для крестьян, где наша родная Красная армия и где социализм, который мы завещали вам? Где все это, я вас спрашиваю? Где? Куда вы дели все завоевания социализма, товарищи? Что это такое вы построили после моей смерти, товарищи?

Страшная тишина стояла вокруг башенного крана, окруженного тысячами людей. Маленькая фигурка с животиком была теперь исполнена укоризны и страшной энергии. Ильич выбросил руку вперед и закинул голову назад.

— И вот вместо всего того, что ваши деды и прадеды завещали вам, вы имеете полицейское государство и власть двухголовой гидры бюрократии и капитала. Так что же вы молчите? Вы забыли революционные традиции русского пролетариата? Где гордость революции, моряки Кронштадта? Почему я вижу тут городских и филеров, а не красную гвардию? Вы отдали страну капиталистам и их прихвостням? Так возьмите же ее назад!

Толпа внизу взревела. Бейсболки, зонтики, мобильные телефоны, свернутые в трубку газеты полетели в воздух. Ленин спокойно спустился по лесенке и шагнул в просторное нутро Руссо-Балта. Сердитый Ломаков тронул древний автомобиль с места, думая о том, что теперь его жизнь пойдет по-другому. Он будет личным шофером вождя. Машина тут же уперлась в тела кричащих, машущих руками, плачущих от счастья людей. Они перегибались через двери и тянули руки к Ильичу, стараясь коснуться его плеча, руки или колена. Ильич улыбался. Он сидел сзади, на просторном диване, откинувшись на спинку, и ласково улыбался людям. Вокруг была чехарда из сотен возбужденных лиц. Над толпой уже веяли десятки красных флагов, и их становилось все больше. Чей-то голос запел "Интернационал".

Через несколько минут огромный Руссо-Балт, поднятый сотнями рук, уже плыл над толпой в сторону Кремля.

2.

Ленин и сопровождающие его лица быстрыми шагами вошли в приемную перед кабинетом президента России. Дальше, в высокие коричневые двери кабинета, Ленин пошел один. Ему предстояло объясниться по вопросу мирной передачи власти. Президент России стоял за своим столом, положив руки на спинку своего черного кожаного кресла, и со спокойным интересом смотрел на вождя революции. Вот он какой, Ленин. Ильич оглянулся вокруг.

— Знакомый кабинет, давно знакомый!, — сказал Ильич и посмотрел в окно. — И вид в окно тот же... Я не думал, что снова сюда вернусь! А вот пришлось! Да, батенька, пришлось! Он коротко и очень симпатично хохотнул.

— Как вы себя сейчас чувствуете, Владимир Ильич?, — спросил, садясь, президент России. В вопросе не было никакого подвоха, только искренняя забота и внимание к тому, что сейчас было важнее всего.

— Отлично себя чувствую!, — произнес Ленин с такой заразной улыбкой, что президент не мог не улыбнуться в ответ. — Полон сил и планов, как тогда, в семнадцатом! Тогда из Швейцарии приехал, а сейчас вот вернулся с того света, благодаря гению русской науки Вермонту... Ох, до чего же многое предстоит сделать в России, скажу я вам!

— Ваши планы?, — с какой-то уклончивой интонацией спросил президент и откинулся на высокую спинку. Оттуда, из небольшого удаления, отделенный от Ленина письменным столом с ретро-лампой под плоским стеклянным абажуром, он глядел на легендарного политика и вождя, вернувшегося в Россию с того света. Тот свет Ленина, казалось, нисколько не изменил. То же широкое лицо и живые узкие глаза, те же мгновенные реакции и та же живость в разговоре... "Отдохнул он там хорошо, да", — с тоскливой завистью подумал президент, все последние годы чувствовавший себя рабом на галерах государства. Отмена смерти сильно ударила по нему. Все разваливалось в государстве в отсутствие смерти.

— Первым делом попрошу вас освободить мой кабинет, — твердо сказал Ильич.

— Это конечно, — тут же согласился президент России. — Он принадлежит вам по праву. На Лубянку меня не отправите?, — пошутил он.

— Ну и напортачили вы, батенька тут, — с доброй улыбкой, в которой, однако, крылась насмешка, сказал Ильич. Так взрослый мягко и покровительственно насмешничает над маленьким ребенком. — А нам теперь разгрести с товарищами.

— Какая страна, такой и прикуп, — с натянутой улыбкой отвечал президент, собирая бумаги в папочку.

— А это уже последнее оправдание политика, — сказал Ильич. — Когда оправданий нет, говорят про страну... Вас, значит, страна не устроила? Сменили бы ее на другую! А мы вот с товарищами никогда на страну не жаловались!

— А вы бы что посоветовали в отсутствие смерти, Владимир Ильич? В отсутствие смерти все становится таким трудным...

— А я бы посоветовал не терять нити.

— То есть?, — брови на лице президента поднялись. В нем была искренность. Он умел быть очень обаятельным, когда хотел.

— Вы нить-то потеряли, батенька!, — ласково укорил его Ильич. — В жизни важна нить! Не следовало отказываться от социализма. Социализм и был той народной идеей, которую вы все теперь тут днем с огнем найти не можете, бедные. Бегаете как на пожаре: "Где идея? Куда пропала! Дай нам идею!" Запутали вы среди ваших миллиардеров, батенька. Запутались.

— Мне страна досталась уже потерявшая нить, — серьезно сказал президент. — А я пытался эту нить найти.

— Ну и как же вы ее нашли?, — в ласковом прищуре ленинских глаз снова была насмешка. — Осенив крупный капитал советским гимном?

— Трудно все это, Владимир Ильич, очень трудно, — вздохнул президент. — Непросто.

— Стараться надо было!, — укорил президента Ильич. — Теперь-то что делать будете?

— Теперь?, — спросил президент, снова начиная собирать на столе какие-то свои папочки. — Вы мне как, резиденцию в Ново-Огарево оставите?

— Батенька, да помилуйте, где это видано, чтобы революционер-большевик оставлял резиденцию представителю буржуазного режима... Не расстреляем вас, и то хорошо. Скажите спасибо, что Лев Давыдович со мной не вернулся, он бы с вами по-другому поговорил... Максимум, что для вас могу сделать, это выпустить вас за границу.

— Нет, за границу я не поеду, — твердо сказал президент. — Я отдохну на Алтае, что ли... Снова займусь, пожалуй, дзюдо, — грустно сказал уже бывший президент, вставая. Его и без того измученное лицо превратилось сейчас в мертвенную бескровную маску с бледными губами. — Желаю вам успеха, Владимир Ильич.

— Спасибо, Владимир Владимирович, спасибо, — оживленно и радостно сказал Ленин, провожая бывшего президента России к высоким дверям. Он заботливо придерживал его под локоток. Президент, а вернее, бывший президент на ходу убирал локоть, давая этим понять Ильичу, что, как настоящий мужчина и дзюдоист, не нуждается в утешении и поддержке и уж как-нибудь дойдет сам, но Ильич все равно с мягким упорством подхватывал и подхватывал его под локоток, потому что очень старался смягчить горечь утраты власти для этого в высшей степени приятного, хотя и напортачившего человека. — Не волнуйтесь, вас проводят.

Глава десятая

1.

Весь день рабочие носили с пятого директорского этажа в подземный туннель вещи из кабинета Вермонта: стол, кресло, ноутбук, тумбочку, шкаф, ковер, принтер и прочее. Сетевой администратор пробросил кабель, установил роутер и за пару часов создал в подземелье беспроводной интернет. Вермонт ходил по лестнице вместе с рабочими и с удовольствием наблюдал, как пустеет начальственный кабинет, в котором он так и не прижился. Слишком многое тут напоминало о Лоренц-Валиулине.

Устроился он в подземелье уютно. Его стол поставили поперек туннеля, так что теперь, если кому-нибудь взбрело бы в голову в ночной час потянуть на себя тяжелую овальную дверь с резиновой прокладкой и войти в темноту, он вздрогнул бы от ужаса: в глубине черной дыры, в ярком свете настольной лампы, сидел за письменным столом молодой человек со стоящими дыбом волосами и, громко разговаривая сам собой, со страшной скоростью скользил растопыренной пятерней по клавишам ноутбука. Руки его на некоторых буквах и при некоторых пассажах подскакивали артистически, словно он был пианистом, исполнявшим сложное арпеджио.

В туннеле Вермонт, предоставленный самому себе, избавленный от докучливой опеки заместителей и секретарши, продавшей его с потрохами молодому паршивцу с Лубянки совершенно так же, как она продала недавно своего предыдущего шефа, наконец вернулся к привычному для него состоянию гениальности. Скрытый четырьмя метрами земли и метром бетона от всего, что шумело и дрожало на пяти этажах института, спрятанный в глубине земли от не-

прерывных телефонных звонков (особенно нервировал его какой-то важный тип, звонивший из Москвы с предложениями войти соучредителем в ОАО "Смерть информконсалтинг"), он с легкостью нашел недостающее звено в расчетах. Это оказалось элементарно, и он подумал, как мог столь долго волноваться и тревожиться из-за такого пустяка. Надо было не искать бумажки и мучительно думать о рубашке с исписанными формулами манжетами, сданной в прачечную, а просто сесть за ноутбук и сделать работу заново.

Рядом со столом для него была поставлена раскладушка с тонким шерстяным одеялом. Иногда он сбрасывал с ног синие китайские кеды и ложился на раскладушку. Он лежал, закинув руки за голову, и своими разъезжающимися, независимыми один от другого, сепаратными глазами счастливо глядел в серый потолок с протянутыми по нему толстыми черными кабелями. За черной эластичной оболочкой он видел красноватую медь. Но он видел не только сквозь вещество, но и сквозь время. Он прикрывал глаза, и тогда во тьме туннеля над его распростертым телом начиналось тихое движение. Вспыхнувшей головкой спички проносился одинокий мю-мезон. Пучок голубых фотонов уносился вдаль и исчезал за поворотом. Движение все усиливалось, и он уже слышал, улыбаясь, его глухой гул. Это гудел тот мир, в который ни одному человеку, кроме Ильи Вермонта, не было доступа, мир стремительно летящих частиц, прочерчивавших черноту туннеля своими резкими бордовыми и фиолетовыми траекториями. Иногда меж тоненьких красных и голубоватых линий, светившихся в глубине туннеля, с тяжелым гудением бомбардировщиков шли белые, круглые, как снежки, бозоны. Вермонт смотрел на их прохождение прямо над собой с улыбкой удовольствия, как на собственных детей. Полежав и отдохнув, он бодро вскакивал, чуть не опрокидывая шаткую раскладушку, которая норвила захлопнуться вместе с ним, и бросался к столу, где его ждал никогда не засыпающий, работающий в режиме перпетуум мобиле ноутбук.

Теперь ему все было понятно. Два мира, тот и этот, догробный и загробный, сливались в один в его длинных уравнениях. Он удивлялся, как такие элементарные вещи не могли понять физики до него. На самом деле, понимал теперь Вермонт, сидя в три часа ночи с довольным лицом в туннеле, мир, конечно, один, и ничего удивительного в появлении Чебутькина нет. В ближайший год-другой необходимо провести несколько экспериментов, и тогда станут ясны возможности уже не перехода, а слияния двух миров. Нет никакой разницы между здесь и там, жизнью и смертью, живыми и мертвыми. Вермонт с улыбкой удовольствия смотрел на маленькую букву "лямбда", подставленную им в уравнение, занимавшее восемнадцать строк. В этой маленькой "лямбде" сейчас было все дело. И он снова принимался за работу и с вдохновенным лицом порхал пальцами по клавиатуре своей прекрасной двухъядерной Тошибы.

Теоретическую основу эксперимента он воссоздал за пять дней сидения в туннеле. Еще три ушло на продвижение вперед: Вермонт математически доказал, что жизнь есть смерть, а смерть есть жизнь, они равны между собой, и при вычитании одной из другой получается ноль. Дальше пошло легче. Вермонт, опираясь на закон сохранения энергии и три начала термодинамики, доказал, что при рождении человека в этом мире в него подгружается душа из того. Это просто. Затем он доказал, что человек неумираем — это слово он изобрел и использовал его в своих внутренних монологах — а только подвержен переходу из состояния в состояние, как вода или газ. Сжиженному газу равнозначен умерший человек, который переходит в состояние сгущения самого себя и в таком

виде существует в Элизиуме, который, как правильно говорил Чебутыкин, является информационным складом для развития жизни. Или этого не говорил и не мог говорить шофер Чебутыкин, а он прочитал это когда-то в какой-то древней книге? Вермонту это было все равно, он забыл о глупом шофере и допечатывал последние строки своей работы, которая меняла все человеческие взгляды на жизнь, смерть, дух и материю.

В четверг в час дня он наконец покинул туннель. Когда он вышел из тяжелых овальных дверей, в глаза ему со страшной силой и скоростью хлынул яркий ослепительный свет, и он зажмурился. Он уже забыл, что на земле всегда жара и пахнет гарью от горящих вокруг Москвы лесов и шатурских торфяных полей. Он не захотел ехать на лифте, а пошел на пятый этаж пешком. Он шел по лестницам и коридорам института, всклокоченный, в мятой рубашке с грязным воротничком и серыми манжетами, и улыбался всем, кто попадался ему навстречу. Его слава летела впереди него. Он не успел дойти до своего кабинета на пятом этаже, а весь институт уже знал, что гениальный физик совершил новое великое открытие.

2.

По всему городу Протвино веяли красные флаги. Красный цвет особенно сильно сгущался на площади перед институтом. С трибуны, обтянутой красным кумачом, заместитель директора института, академик Федорцев, заменивший арестованного коррупционера Растамовича, произнес речь о величии момента, который настанет через несколько часов. Жители города Протвино, послушав его, расходились в тревожном молчании.

В Москве, на Красной площади, уже все было готово к прибытию с того света товарищей Троцкого и Свердлова. Здесь тоже веяли красные флаги. На лобном месте были установлены огромные портреты двух великих деятелей революции. В Кремле для них уже были подготовлены кабинеты, где на столах стояли новенькие ноутбуки Sony Vayo. Это были именные ноутбуки, на крышках которых были выгравированы имена и фамилии их будущих владельцев. Дело в том, что Ильич, который наряду с деятельностью по управлению Россией продолжал изучение современности, стал страстным поклонником высоких технологий. У него было три мобильных телефона, и всех входящих к нему на прием он спрашивал с задором и всегдашним ласковым прищуром: "А вы, товарищ, мобильником какой фирмы пользуетесь?" Совершенно так же он интересовался компьютерными новинками, читая о них на сайте ixbt.com. Способности Ильича потрясали: он мгновенно превратился в весьма продвинутого пользователя, собственноручно снес со своего ноутбука Windows XP — Винда мастдай, батенька! — и поставил Убунту, с которой и возился в редкие часы отдыха. Он даже кое-что по мелочи программировал на Visual Basic. В эти вечерние часы в Кремле, когда он в одиночестве склонялся над клавиатурой, он казался очень одиноким, и поэтому Академия Наук вышла с предложением вернуть Надежду Константиновну. Ленин отказался с улыбкой: "Рано еще, пусть там посидит, отдохнет... Инессу тоже пока не надо... Троцкий нужнее".

Ход эксперимента был рассчитан на могучем суперкомпьютере Cray, закупленном на деньги, изъятые со счетов олигархов. Используя переменные Вермонта и его теорию меченых ионов, можно было почти со стопроцентной точностью сначала промаркировать отдельного человека в загробном мире, а

потом обеспечить его появление в нужной точке пространства. Точкой прибытия революционеров была назначена Красная площадь, напротив Мавзолея был желтой краской нарисован круг, в котором и ожидалось появление товарищей Троцкого и Свердлова. Погрешность составляла плюс-минус десять метров и пять минут времени. Запуск протвинского коллайдера был назначен на полдень.

Утром в этот августовский день Илья Вермонт приколот к лацкану пиджака красный бант. Красными бантами были полны коридоры и кабинеты института. Даже слесари-сантехники в грязных робах и резиновых сапогах, вышедшие из туннеля за четверть часа до запуска установки, имели красные банты, а один из них еще и старый советский значок дружинника. В руках у них были цинковые ведра с водой и разводные ключи, а карманы были набиты резиновыми прокладками и комками пакли. В последний момент в туннеле потекли трубы, и они устраняли протечку, заматывая атомную физику тряпками, орудуя вантузами в отстойниках и вынося воду ведрами. Одновременно они ныли прибегавшему к ним каждые пять минут начальнику АХО, что у них нет новых букс. Это была правда, резиновые буксы временно исчезли в народном хозяйстве, переходившем на работу по плану. Взяв в ларьке на площади по бутылке калужского чешского пива на брата, они теперь устроились на скамейке и наблюдали за суетой на площади.

— Как бегают, гляди, Сулим!, — сказал красномордый слесарь с значком дружинника. — Ученые, мля! Ща Троцкий им как бабахнет!

— А что сделает им Троцкий, дядя Боря?, — философски спросил молодой татарин Сулим, потягивая холодное пиво.

— Кокнет, — коротко отвечал красномордый. Лицо у него было добродушное, но он любил пугать. — Всех, — он матерился, — поставит к стенке за пять минут, — он матерился, — а в первую очередь, — тут последовал список, в который входили бывший президент России, несчастный Трепаковский, поезд которого революционные рабочие загнали в тупик под Читой, дородный Бурлак, плохо помогавший Ленину, о чем писала газета "Правда", а также начальник ДЭЗа, который мухлевал с субсидиями, выделенными на ремонт теплотрассы в пятом микрорайоне.

В операционном зале на втором этаже института сияющий Вермонт, который утром этого торжественного дня даже попытался смочить водой и пригладить щеткой свои дыбом стоящие волосы, подошел к пульту. Большая красная кнопка глядела на него с улыбкой. Одну секунду ему показалась, что это не кнопка, а смайлик, перебежавший сюда с экрана его верной Тошибы. Смайлик подмигнул и мягко прогнулся под пальцем молодого физика. Нажатие кнопки запустило невидимый процесс в многокилометровой трубе коллайдера. Внизу, в черном туннеле, поперек которого по-прежнему стояли письменный стол Вермонта и его раскладушка, появилось голубоватое сияние. Всякая элементарная мелочь, закрученная в спираль мощным подъемом энергии, в панике уносилась в черную даль. Вслед за мелкими и бессмысленными частицами, как стаи разъяренных слонов, помчались тяжелые бозоны. Вдруг раскладушка подскочила, раздраженно сбросила с себя одеяло и, кувыркаясь, тоже понеслась в черную даль. Хлопающее и трепещущее одеяло устремилось вслед за раскладушкой. Стол держался дольше, но через три минуты сорок секунд после запуска он вдруг с громким треском развалился на части, которые сами собой поднялись в воздух и, равняясь друг на друга и светясь мрачным бордовым светом, со страшной скоростью отправились в преисподнюю.

Наверху в этот момент раздались аплодисменты. Собравшиеся аплодировали молодому академику Вермонту, который только что закончил свою маленькую речь. В своей краткой речи он объяснил принципы и цели эксперимента, в успехе которого был уверен. И не только в этом был уверен молодой ученый, так много переживший за эти летние недели, но еще и в том, что сейчас действительно наступает новая эпоха для человечества, когда станет возможным жить не умирая и творить без конца... Люди слушали его сбивчивую речь с удовольствием и ласково смотрели на его разъезжающиеся глаза и кривую улыбку... А в черном туннеле в это время вдруг медленно проступила высокая фигура старика в серой дерюжной хламиде, подпоясанной узким ремешком. Старик наклонялся всем телом вперед, как это делает человек, идущий против ветра, и медленно плыл по воздуху, не касаясь бетонного пола своими желтыми сандалиями. Глаза его были широко раскрыты. Вытянутой правой рукой он раздвигал перед собой кучки элементарных частиц, испускавших подрагивающее багровое сияние. Иногда на его пути вставал крупный, увесистый бозон, и он отталкивал его со своего пути со словами: "Кыш, нечистая!"

3.

Трибуны на Красной площади затихли в ожидании. Тут были послы, военные и культурные атташе девяноста семи стран, передовики производства заводов и фабрик, члены рабочих комиссий, которые возникали по всей стране по призыву Ленина, гордые офицеры в буденовках со звездами, считавшие себя наследниками Первой Конной армии, комсомолки в красных косынках, молодые люди во френчах, галифе и с красными бантами. Ильича на трибуне для гостей не было и быть не могло, а на Мавзолее он считал для себя нетактичным появляться. Ильич был в своем кабинете и видел происходящее на Красной площади — там пока что ничего важного не происходило — на экране ноутбука, в окошке онлайн-трансляции. Посматривая краем глаза на Красную площадь, Ильич одновременно разговаривал в Скайпе с председателем центробанка, который зажил в своем тайном бюджетном заглазнике миллиард рублей. Ильич говорил с ним, а про себя гордился и любовался своим ноутбуком, который с легкостью крутил два таких ресурсоемких процесса.

Вдруг на Красной площади раздался пронзительный свист, грохот и жуткий крик сотен голосов. По трибунам пошла волна. Ильич перевел взгляд на экран онлайн-трансляции. Он пропустил момент, когда продолговатый трехтонный камень с сидящим на нем верхом стариком с развевающейся седой бородой пронесся между Иверской и музеем и рухнул точно в середине желтого круга. Сейчас он с удивлением наблюдал этот высокий, в человеческий рост, камень, мрачно стоявший там, где ожидался товарищ Троцкий. Вместо товарища Троцкого на камне медленно выпрямлялся странный старик в серой хламиде. Но ни самообладание, ни чувство юмора не изменили Ильичу, который в своей жизни революционера сталкивался и не с такими неожиданностями. Он взял трубку прямой связи с операционным залом в Протвино — ужасные ретрограды работают в ФСО, надо заставить-таки их переходить на IP-телефонию! — и сказал человеку на том конце провода:

— Ильич у аппарата. Кого вы сюда прислали? Этот старик не товарищ Троцкий! Я хорошо знаком с Львом Давыдовичем и заверяю вас, что это не он!

На том конце трубки в ответ истошно закричали. Там в этот момент по потолку прошла длинная молниеобразная трещина. Все, кто был в зале, бросились к дверям. Возникла толкучка. Люди в операционном зале уже некоторое время ощущали вибрацию пола под ногами, но полагали, что так и должно быть. Только Вермонт и физики знали, что никакой вибрации быть не должно, но ничего не говорили, потому что не понимали, что происходит. Приборы на пультах показывали резкий рост энергии в туннеле. Потолок в операционном зале рухнул в тот момент, когда Илья Вермонт в удивлении обернулся на крик. Одновременно во всех окнах института вылетели стекла.

— Вот те, бабушка, и Троцкий прибыл, — сказал красномордый слесарь, сидевший на скамеечке с бутылкой пива. — Начинается.

По МКАД в этот момент пошла мощная воздушная волна. Огромный трейлер, проламывая ограждение, провалился вниз, в заболоченный ручей, который вскипел на глазах. Трейлер поехал всем своим тяжелым телом и восемью колесами по кипящей воде и боком упал в болото. Маленькая желтая машинка со смятым носом закрутилась как волчок и пошла бить другие машины, которые сталкивались между собой в жутком торможении, желая избежать аварии. Мотоциклист в синем шлеме попытался сманеврировать, уходя от катящегося прямо на него колеса, вылетел от удара из седла и закувыркался в воздухе.

Камень, приземлившийся в центре желтого круга напротив Мавзолея, зашипел, испустил вверх узкую струю раскаленного пара и тут же взорвался на тысячи осколков. Они брызнули во все стороны и осыпали шрапнелью трибуны на Красной площади. Старик в серой дерюжной хламиде, стоя у Лобного места, поднял руки и глаза вверх и что-то закричал. Несколько молодых людей во френчах, пригибаясь и доставая из широких штанин галифе револьверы, бежали к нему. Это были замаскированные под комсомольцев сотрудники Лубянки, и они сразу поняли, что верхом на камне примчался террорист.

По всей стране в этот момент упали белые подвесные потолки. Евроремонт рушился, обнажая старые кирпичные стены, серые доски, черные полы и набитые в щели газеты времен Хрущева и Брежнева. Компьютеры взбесились, и со всех банковских счетов одновременно исчезли абсолютно все деньги. В небоскребе налоговой полиции на Тульской по длинным коридорам вдруг задул горячий ветер, пахнувший гарью шатурских торфяных полей. Ветер распахивал двери, срывал со столов мониторы, поджигал бумагу, которая горящими комками носилась по комнатам. Бухгалтерши с визгом бежали к лифтам, но лифты все неслись и неслись вниз, не останавливаясь на этажах. В кабинете зампреда Газпрома на улице Наметкина откуда-то взялась завязанная в узел газовая труба с надписью: "Браток, подбавь газку!" Зампред заплакал и выбежал в коридор, по которому прямо на него, опустив огромную голову, бежал носорог. На Неглинной улице, с грохотом проламывая асфальт, появились верхушки тропических пальм, которые росли со скоростью один метр в час. Вокруг них запорхали яркие бабочки величиной с ладонь. Бабочки проскочили в дыру во времени и пространстве, связавшую Неглинку с островом Ява. Вслед за ними устремились размахивающие копьями аборигены с шоколадными телами. Серая собачка у метро Шаболовская, грустно жевавшая найденный на земле кусок шашлыка, вдруг с удивлением почувствовала у себя на спине крылья, взмахнула ими, поднялась в воздух и полетела. Внизу она видела длинную вереницу остановившихся трамваев и выраставший прямо на глазах из земли тропический лес, в несколько минут покрывший весь Ленинский проспект. По крыше дома номер

46 побежал кто-то темнокожий, с копьем в руке и листьями вокруг бедер. На шее у него болталось ожерелье из ракушек. Это был вождь. Шуховская башня стояла, вся увитая салатовыми лианами и голубыми гигантскими цветами, и на вершине ее сидел черно-белый гриф с голой головкой старца. Он мрачно озирал происходивший внизу хаос. Увидев летящую собачку, он поглядел на нее недовольными красными глазами существа, страдающего вечной бессонницей. Собачка не испугалась и, пролетая мимо, громко тьякнула на грифа.

4.

Молодые офицеры Лубянки в зеленых френчах и широких синих галифе, подбежавшие к старику, навели револьверы ему в грудь. Старик посмотрел на них с высоты своего огромного роста. Кончик его легкой седой бороды слабо шевелился в вялом жарком воздухе. Офицеры знали ориентировку на старика, который два месяца был в Москве повсюду и нигде; схватить его не удавалось, несмотря на то, что он собирал вокруг себя тысячные толпы и даже однажды вошел в храм Христа Спасителя, выгнал священника и проповедовал там о народе, который Господь сделает дровами, и огонь пожнет их. Теперь же он непонятным ходом событий сам шел им в руки.

— Руки вверх!, — крикнул один из них. — Федеральная служба охраны!

Старик стал еще выше. Он не стоял на земле, он висел в тридцати сантиметрах над ней, скорбный и грозный, с тихо веющей на ветру длинной седой бородой и испускающими свет глазами.

— Приходит конец, — сказал он им. — Была Земля, и ушла Земля, и говорил я царю иудейскому, чтобы не превышал меры насилия над Землей, но не послушали меня, и сгнули на север. Теперь вот в трубе черной пробил дыру на тот свет, и извлекли из полей загробных бедного Чебутыкина, и мучаете его в темнице своей, вместо того, чтобы отпустить с миром в счастливую его смерть...

— Э!, — все еще держась с твердостью, но уже каким-то зыбким голосом крикнул все тот же офицер, — ты нам голову не морочь! Будем стрелять! Документы есть? Предъявите!

— Какие у бомжа документы?, — сказал другой, розовощекий, кровь с молоком парень, которого страх еще не пробил так, как его товарища. Он глядел на старика с любопытством и очень верил в своей бельгийский семизарядный револьвер. — Ты кто вообще будешь, старый?

Старик грустно посмотрел на него с высоты двух с половиной метров. Ветерок его покачивал. — Я пророк Иеремия, со мной говорит Господь, — сказал он, опустил вниз и твердо встал своими желтыми сандалиями сорок седьмого размера на брусчатку Красной площади. — Нет для пророка препятствий ни на том свете, ни на этом. И нет сил смотреть на бесчинства, которые творятся именем Твоим. Порядок ваш ложь, а любовь ваша обман. Земля ваша разорена, а в небесах ваших нет света. Все надо начинать сначала, всю жизнь сначала, без боязни и страха, как дети строят свои города и как птицы небесные вьют гнезда... Неучи, не знающие пророка, я ухожу от вас!, — сказал он и решительно пошел прямо на них.

— А ну стоять! Стоять, я сказал! Руки! Руки! Руки!, — истошно закричали они испуганными голосами, и тут же их револьверы разразились сухим дробным кашлем. Они палили с двух метров прямо в широкую грудь старика. Быстрыми движениями огромной ладони он небрежно отмахивался от пуль, а одну

даже поймал в кулак. Секунду она билась у него в кулаке, как муха, а потом он рассеянно разжал пальцы, и мертвая пуля со стуком упала на брусчатку и закатилась в щель между камнями. Но пули, в отличие от камней, которыми пророка Иеремию забили две с половиной тысячи лет назад, не могли причинить ему никакого вреда, и хотя офицеры продолжали стрелять, они уже понимали, что этот бродячий по мирам человек неуязвим для их допотопного оружия. Он между тем опять чуть приподнялся над землей, завис в воздухе и вдруг стал медленно таять. Это истаяние живого, крупного, очень ясно видимого человеческого тела было так непонятно и страшно, что офицеры прекратили стрельбу и в ужасе смотрели, как растворяются в солнечном сиянии его крупные руки с коричневыми пальцами и исчезает седая серебристая голова. Какое-то мгновение прямо из воздуха на них еще внимательно смотрели скорбные и спокойные глаза пророка Иеремии, но вот и их тоже не стало. На брусчатке перед ними лежали старая грязная дерюга, узкий поясик и аккуратно, пятка к пятке и мысок к мыску, поставленные желтые сандалии.

Глава одиннадцатая

1.

Смещение времени и пространства вместе с нарушением и дисфункцией причинно-следственных связей было вызвано совсем не ошибками в расчетах Ильи Вермонта и даже не столом и раскладушкой, забытыми в коллайдере. Ничего подобного. Расчеты Ильи Вермонта были потом многократно проверены самими крупными физиками и математиками нашего времени, и они не нашли в них ни малейшей погрешности. Молодой академик рассчитал все безупречно и учел все обстоятельства, кроме того единственного, которое никак не мог учесть. В тот момент, когда он в свете фотовспышек и под аплодисменты представительных гостей нажимал красную кнопку на пульте операционного зала, в Швейцарии был осуществлен пробный пуск тамошнего большого андронного коллайдера.

Вермонт, конечно, знал работу Мэттью Чоптюка из Университета Британской Колумбии и Франца Преториуса из Принстона, в которой они прогнозировали результаты столкновения бозонов. Сложные расчеты канадского и американского математиков доказывали, что столкновения бозонов могут вызвать конец света. Земля в таком случае превратится в короткий срок в черную дыру, которая прежде всего втянет в себя человечество со всеми его игрушками и поделками, потом Луну, а вслед за тем Марс с Венерой. Дальнейшее Чоптюк и Преториус предпочли не просчитывать. Швейцарский коллайдер прибавил свою энергетическую мощь к протвинскому, и две эти гигантские машины, запущенные одновременно, так тряхнули пространство и время, что они начали рассыпаться на куски. Все это видели собственными глазами миллионы людей, преимущественно в России.

В Европе и Америке были зафиксированы единичные случаи аномальных явлений. Так, в Ганновере в маленьком садике у одного дома на улице Штайнхудера за две минуты вырос пятиметровый баобаб. Кот Саймон и кошка Кати, жившие в этом доме, мгновенно взбежали на самый верх баобаба, а слезть не могли. Пришлось снимать их с помощью пожарных. В Америке, в Бостоне, посреди реки Чарльз вдруг возник остров, посреди которого сидел старый хиппи,

эмигрировавший на Цейлон тридцать лет назад. В момент пуска двух коллайдеров он сидел на песчаном острове в джунглях Цейлона и беззаботно курил марихуану. Его совершенно не удивило, что пейзаж на берегу внезапно изменился и вместо деревьев возникли дома, откуда-то взялся мост, а по реке понеслись катера с полицейскими. Он еще не то видел, находясь под кайфом. Во Франции актер Депардьё ночью вывалился из окна, но криминалисты и ученые, изучившие это явление, отнесли его скорее за счет трех с половиной бутылок выпитого вина из собственных виноградников актера, а не событий в безумной ленинской России.

В России же таких и похожих событий было множество. Они не записаны и не классифицированы до сих пор. Прежде всего, огромная трещина прошла по всей стране, отрезая север России от юга. На дне пропасти текла широкая река с желтой водой. Поскольку в Китае в это же время исчезла река Хуан-Хэ, было очевидно, что река каким-то образом перенеслась в Россию. Это почти никого не удивило. Удивило же то, что река перебралась в Россию вместе с китайцами, которые жили по ее берегам. Их было триста миллионов человек, и все они невозмутимо продолжали делать в своих цехах процессоры компании Intel. Россия мигом стала крупнейшим производителем процессоров в мире. В Санкт-Петербурге, как и в Москве, выросли тропические леса, в которых почему-то были проложены американские хайвеи. Хайвеи очень быстро зарастали лесом и высокой травой, так что пришлось срочно вызвать в Санкт-Петербург карельских лесорубов, которые поселились в хижинах вдоль шоссе и каждое утро выходили на работу с бензопилами и топорами. Довольно странное событие случилось и в городе Серпухове, где в парке объявились влюбленные лев и львица. Поскольку им каждый день за счет городского бюджета привозили с близлежащего рынка центнер мяса, они никого не трогали, а мирно гуляли по парку или просто сидели бок о бок, сплетя хвосты, и умильно глядели на гуляющих вокруг мам с детьми. Эти львы вскоре стали главной достопримечательностью города, который отсудил их у зоопарка Тбилиси, где в те же дни было обнаружено исчезновение хищников. Президент Грузии назвал это актом агрессии против маленькой гордой страны.

Хуже было другое. День сокращался, а ночь увеличивалась. Через пять дней после запуска двух коллайдеров от дня оставалось только тридцать шесть минут. Все остальное время царилась ночь. Владимир Ильич Ленин, потрясенный неудачей опыта (он очень надеялся на прибытие Троцкого и Свердлова), чувствовал себя плохо. Он так и не дождался помощи от старых большевиков с того света и очень переживал из-за этого. Но дело было не только в неудачах опыта или трудностях Рабкрин, деятельность которого саботировали бывшие работники прокуратуры, дело было в том, что менялась физическая природа Ленина. Ежедневный медицинский осмотр Ильича подтверждал это. Тело Ленина стало желтеть и уменьшаться, а речь сделалась невнятной и прерывистой. У него бывали еще хорошие часы, когда он бодро и радостно играл в Тетрис на своем любимом ноутбуке, но все остальное время он или молча смотрел в окно, или с опустевшим лицом и потухшими глазами сидел за столом и пытался понять, что написано в программе коммунистической партии, подготовленной Бурлаком к очередному съезду. Его красный карандаш ставил возмущенные галочки в тех местах, где речь шла о православном коммунизме, патриотическом интернационализме, капитализме с человеческим лицом и борьбе за права трудящихся, ограниченной интересами государства. Еще недавно Ильич немедлен-

но вызвал бы к себе эту чугунную башку и пропесочил по полной программе, но теперь он только тихо говорил сам себе: "Архиважно расстрелять этого архи-дурака..." — и ничего не делал. Ему вдруг все стало безразлично.

С шофером Чебутыкиным происходили похожие явления. До включения двух коллайдеров он строил рожи следователю, показывал ему язык и врал напрапалу про известные ему тайные технологии производства тротила из вишневого киселя, которые он якобы узнал в загробном мире. По ночам он бил ногой в дверь камеры и требовал пива. Поскольку тюремщикам было запрещено даже пальцем касаться сверхценного арестанта, они терпели его ругань и стук и стоически отказывали ему в пиве. Теперь Чебутыкин потерял вкус к шуткам, перестал требовать пива, смирился с тощим розовым компотом из сухофруктов и стал со слезой говорить следователю, что у него снова болит в груди и муторно на душе и, значит, им скоро расставаться.

2.

На третий день своего пешего похода по Алтаю бывший президент России, ориентируясь по вручную собранному для него перспективному прибору с технологией Глонасс, точно вышел на зеленый луг, в конце которого стояла черная покосившаяся изба. Из полуразвалившейся конуры вылез большой пес, рывком головы стряхнул с шеи тяжелую цепь и радостно завилял хвостом. Бывший президент, а теперь странник с рюкзаком, в спортивной куртке и штанах со множеством карманов, где у него лежали перочинный нож, баллончик для розжига костра, таблетки для обеззараживания воды и другие полезные вещи, поднялся по серым, разошедшимся доскам крыльца и постучал костяшками пальцев в перекосившуюся дверь.

Послышались шаги, и ему открыла женщина, у которой поверх темно-синего платья был надет офицерский китель без погон, зато с нашивками, медалями и значками, среди которых он увидел значок почетного десантника. Она была в кедах без шнурков. У нее было загорелое лицо, на котором сияли ясные спокойные глаза. Бывший президент не удивился значкам, хотя и не смог расшифровать их значения. Он понимал только, что значок десантника означал, что женщина десантировалась с неба на землю, а может быть, из смерти в жизнь. Он знал об этой москвичке, переселившейся на Алтай, из закрытых информационных сводок, подготовленных для него ведомством Затрапезникова, еще когда занимал кабинет в Кремле. В прежней своей жизни она была, кажется, кандидатом психологических наук в московском университете, но уже давно бросила большой город и науку и переехала в эту заброшенную избу, где вела элементарный образ жизни, выращивала овощи, совершала шаманские обряды и, по слухам, еще до открытия Вермонта путешествовала на подручных средствах в загробный мир. К ней приезжали за пророчеством и за излечением.

Она посмотрела в серьезное, острое, с маленьким подбородком и высоким лысеющим лбом лицо путника и посторонилась, пропуская его в темную избу с оконцем, опустившимся почти к самой земле. Под оконцем стояла скамья, на ней спала пушистая черная кошка. На стене висели сито и медный таз. В углу стояли ведро с водой и грабли с застрявшими между зубьев пучками травы. Женщина кивнула бывшему президенту на колченогий стул с полукруглой спинкой и вернулась к плите, где в закопченном чугунке кипела белая маслянистая жидкость с зелеными пятнами.

— Ну здравствуй, — сказала она ему. — И что же с тобой происходит? Ну рассказывай!

Он не удивился ее вопросу. Не удивился он и тому, что она без удивления приняла его явление. Он знал, так и должно было быть.

— Я перестал понимать смысл, — сказал бывший президент Российской Федерации, сидя на старом колченогом стуле в странной, утробной позе. Он сильно наклонился вперед и упер локти в колени, а подбородок положил на кулаки. Он смотрел в пол. Доски на полу разошлись, между ними были черные щели. Из них тянуло сырой землей и холодом.

— Ох, смысл.., — вздохнула она, поворачиваясь к нему и глядя на него со странной улыбкой на своем красивом округлом лице. — А ты что ли раньше все понимал?

— Раньше... да... все было ясно раньше.

— А теперь? Что теперь? Говори, что теперь.

— Теперь не понимаю, что происходит. Как это, смерти больше нет? — спросил он.

— А ее и не было никогда, — объяснила она ему с улыбкой, как маленькому.

— Ну да, не было.., — слабо отозвался он и больше ничего добавлять не стал, но она прекрасно поняла, о чем он. Путешествуя по горам и лесам Алтая, вглядываясь в синее небо и зеленый горизонт, он стал очень хорошо понимать одну простую вещь: всякая власть только потому от Бога, что и смерть от Бога. Власть держится не на ОМОНе и не на Лубянке и даже не на правильно устроенных выборах — а он очень хорошо знал, как устраивать правильные выборы — а на человеческом страхе смерти. Убери этот страх, и власть повиснет в воздухе и испарится. Свободным от смерти людям она не нужна. Так он думал и, думая так, ощущал свое страшное, сиротское одиночество на этих райских плавных холмах, уходящих вдаль. Он шел по алтайским холмам — маленькая фигурка путника с рюкзаком за спиной — и знал, что впервые за долгие годы остался один.

— Я перестал понимать, что происходит, — повторил он. — Смерти больше нет, и вдруг пришел Ленин. В мой кабинет. Он помолчал. Его бледное некрасивое лицо выражало недоумение. — Взял меня под локоток и вывел вон, как нашкодившего мальчишку, а я-то думал...

Она снова посмотрела на него сверху вниз, с улыбкой, от которой ему стало так грустно, так обидно.

— А ты думал, что рулишь Россией? Она засмеялась. — Правильно он тебя вывел, ты забронзовел и потерял разумение. Ты же хотел раньше что-то сделать для России? А что же ты сделал? Ну, что ты сделал? Говори, что ты сделал?

— А что я сделал?

— Придушил ее, как куренка, — сказала она.

— А теперь что?, — спросил он своим прежним, тусклым, потерянным голосом.

Она вдруг запела низким горловым звуком. Сидя на колченогом стуле с полукруглой спинкой, маленький тщедушный мужчина в зеленой спортивной куртке с робостью смотрел на нее снизу вверх. Из черного чугунка на плите пошел пахнувший хвоей густой белый пар. Зеркало, висевшее на гвозде со ржавой шляпкой, помутнело и покрылось мягкой изморозью. Кошка как спала, так и

продолжала спать. Вдруг кто-то громко хлопнул крыльями под потолком. Он поднял глаза и увидел в углу, на черной от старости балке, ворона с блестящими глазами. Так блестят лужи в весенний день. Ворон внимательно рассматривал его.

— Не туда смотришь!, — сказала ему женщина, прерывая низкий текущий звук, зарождавшийся в ее груди. Она ладонью сделала несколько круговых движений над чугуном, завивая пар в красивые кольца. Посмотрела на кольца и поправила одно из них. — В зеркало давай смотри, для кого я стараюсь! Он испуганно посмотрел в зеркало, где уже двигались смутные фигуры, а она, стоя посреди комнаты, вытянула руку, и ворон слетел ей на руку и по-прежнему внимательным взглядом немигающих и непрозрачных глаз смотрел на мужчину. Она тогда закрыла глаза. В груди у нее снова что-то открылось и теперь уже все-речь пошел протяжный, клокочущий, длинный, бессловесный звук.

3.

Глядя в старое зеркало, бывший президент России увидел Красную площадь с желтым кругом перед Мавзолеем. В центре круга стоял памятник Ленину на высоком постаменте. Ленин простирал руку к Мавзолею, то есть к самому себе. На постаменте золотыми буквами было написано: "Ильичу, который вернулся к нам на 35 дней". Дальше были выбиты даты второй жизни вождя всемирного пролетариата. К дверям Мавзолея стояла длинная скорбная очередь. Многие плакали.

Теперь он понял, зачем тут ворон и чего женщина хочет от него. Это случилось как-то само собой, без участия его воли. Был человеком, стал вороном, вот и все. Сейчас он летел вороном в синем небе и смотрел вниз черными блестящими глазами, исполненными ровного внимания и спокойного любопытства. С высоты он увидел треснувшую, расколовшуюся, снявшуюся с якорей, в очередной раз куда-то наобум поплывшую бедную Россию. Еще он видел развалившиеся дома в деревнях, и пересохшие реки с желтыми обрывистыми берегами, и огромное озеро, на поверхности которого плавали клочья мерзкой белой пены, вытекавшей из труб якобы очистных сооружений, которые ему когда-то с такой помпой показывал его друг-олигарх. Он и тогда знал, что это туфта, но счел за правильное поверить. Вскоре внизу появился город, в котором какая-то ужасная сила вырвала трамвайные рельсы из асфальта. Рельсы были загнуты и торчали вверх, как полозья гигантских санок. Трамвай лежал на боку. Он взмахнул крыльями, тяжело разворачиваясь в воздухе, и полетел дальше и увидел своими черными равнодушными глазами пустую площадь городка, ветхие уродливые гаражи, магазинчик, на крыльце которого стояли несколько таджиков в оранжевых робах, русскую женщину с разбухшими больными ногами, сидящую на брезентовой табуретке и продающую сгущенку из белого эмалированного ведра. На заднем дворе заброшенного колхозного склада мужики сверкали сваркой, за какой-то надобностью прилаживая друг к другу два железных столба. Прямо перед ним в синем небе возникла красная кирпичная колокольня с куполом, от которого остался только ржавый остов, сквозь который росла прямо в небо маленькая, но обильно покрытая листвой березка. Он сделал маневр, облетая небесную березку, и увидел внизу нищего старика, усердно шаркавшего ногами по асфальтовой дорожке в новом микрорайоне огромного мегаполиса. Сзади затренькал звонок и старика обогнала девочка на велосипеде. Вскоре старик

встал у дверей магазина и стоял с робко вытянутой ладонью, скорбно глядя в пустоту и пожевывая голодным ртом. Люди входили и выходили и не замечали его. Президент хотел было прежним, самоуверенно-решительным жестом, которым так восторгались его льстецы и поклонники, достать из кармана свое дорогое французское портмоне цвета красного вина, а из него вложенные туда с утра специальным человеком новенькие, чистенькие тысячные купюры и одну дать старику... но тут вспомнил, что он ворон, что у него нет рук, а есть крылья, что он летит и что вокруг небо. Синее, синее небо.

Он все летел и летел в этом синем бесконечном небе, и под ним все плыла и плыла бесконечная зеленая земля с маленькими городками, в виде которых было неискоренимое сиротство и затаенная тоска. Крыши говорили ему о человеческой жизни, в которой нет счастья. Дворы с мусорными баками транслировали ему в небо весть о том, что ничего нигде никогда не меняется. Заросли чертополоха на обочинах проселочных дорог посылали ему в небо весть о том, что никто в этой его любимой стране никогда не справится ни с чем. И он видел все таким, каким оно было: неприбранным, неловким, жалким, поруганным, оскорбленным.

Он очнулся на колченогом стуле с полукруглой спинкой посередине темной избы с низким окном. На его бледном лице со слабым узким подбородком и длинным ртом был пот. Ворон сидел на черной балке под потолком и внимательно смотрел на него блестящим, не знающим возраста, глазом. Кошка все спала. Женщины не было. Он чувствовал ломоту во всем теле, как после большой физической работы, но мысли в голове были ясными. Заскрипела тяжелая, по-старинному утепленная ватой дверь, и женщина вошла в дом. Рукава у нее были закатаны, руки мокрые, светлая прядь выбилась и упала вдоль лица. Она поставила большую железную лейку с прикрученной проволокой ручкой в угол. Она ходила поливать салат. Она сама выращивала для себя салат.

— Очнулся?, — со смешком и грубоватой простотой спросила она его. — Полетал?

— Полетал.

— Ну, видел?

— Видел.

— А понял?, — с насмешкой спросила она.

— Понял, — сказал он.

— Ну, если понял, иди. Тебя уже ждут.

Он встал и на неуверенных после долгого пребывания в небе ногах прошел по щелястым доскам к двери, потянул ее и, щурясь от яркого солнечного света, вышел на улицу. На грядке в маленьком огороде перед избой росли салат и укроп. Земля вокруг зелени была темной от только что пролитой влаги. Пес спал у будки, положив крупную голову на большие, сильные лапы, и даже не поднял головы. Тяжелая цепь мирно лежала рядом с ним. За огородиком, в ста метрах от дома, на ровном лугу, который он пересек несколько часов или несколько дней назад, стоял бело-голубой вертолет с открытыми дверцами кабины. В кабине сидели летчики в шлемофонах. Из кустарника на краю луга глядели в подслеповатые окна избы снайперские винтовки и даже один гранатомет его личной охраны. Откуда-то сбоку вдруг возник человек в странном для этих мест итальянском костюме стоимостью три тысячи евро и в остроносых сияющих туфлях из мягкой черной кожи. Галстук у человека был красно-сине-белых государственных цветов, а в его узел была воткнута булавка со скромным бри-

льянтом. Лицо его было знакомо бывшему президенту и при этом незнакомо — лицо влиятельного деятеля, лоббиста интересов, представителя клана, министра на службе народа, опытного интригана, человека власти, живущего в большом особняке в элитном поселке с охраной и видом на озеро. Таких вокруг него прежде всегда были тысяча и еще тысяча. И он не мог запомнить их всех, да это и не надо было, потому что все они были одно и хотели одного и действовали с утомлявшим его однообразием корысти и хитрости.

— Владимир Владимирович, здравствуйте!, — сказал человек, пристраиваясь сбоку и стараясь идти с ним в ногу. Они медленно шли вдвоем по мягкой земле и высокой траве. В жарком солнечном сиропе кружили бабочки-лимонницы и гудели пчелы. — Ваш самолет уже ждет вас в аэропорту. Нам до аэропорта час с лишним лету... Как вы отдохнули?

— Отлично, — с прежней бодрой решительностью и легкой иронией в голосе, тоже прежней, отвечал президент. — Как там в Москве?

— Госдума час назад приняла решение признать все произошедшее этим летом непроисходившим. Эти дни вычеркиваются из отечественной истории как бессмысленные. В учебниках о них ничего не будет. Возвращаемся к основам, так сказать. Без смерти нельзя.

Человек то ли хмыкнул, то ли хихикнул, очень довольный.

— Ильича похоронили?

— Положили в Мавзолей. Лежит как миленький.

— Смерть вернулась?, — спросил президент с вновь появившейся на его лице уверенной усмешкой, в которой теперь снова был затаенный, невысказываемый в словах, тайный или не очень тайный цинизм человека власти, который всему знает цену. Он спросил это своим прежним голосом цезаря и победителя, который привычно помнит элементарный рецепт власти. Надо быть силой. Надо знать дзюдо. И он был теперь снова сильным и снова знал все это политическое дзюдо. Он шел по алтайскому лугу своей прежней покачивающейся походкой, кокетливо поигрывая плечами, снова нагло и щегольски уверенный в себе.

— Вернулась, Владимир Владимирович, вернулась!, — быстро и отчего-то радостно отвечал человек с лицом как у всех сытых, богатых и властных людей. Почему-то возвращение смерти в человеческую жизнь было ему радостно и приятно. И президенту, уже не бывшему, а настоящему, это тоже было приятно. Со смертью возвращалось все прежнее, к чему они оба так хорошо и удобно привыкли: большие кабинеты, большие машины, вся эта удобная жизнь над страной, поверх страны, распоряжаясь страной, а также крепкая, необходимая для правильного хода дел стабильность. Без стабильности никуда. Они, понимая друг друга, переглянулись и дружно, коротко хохотнули.

Несколько людей из службы Затрапезникова уже шагали вокруг них, зоркими глазами обшаривая просторный луг, тихий глубокий лес, заросшие травой канавы, одинокий клен с крупными листьями на косогоре и синее небо без единого облачка. Кроме спящего за спиной пса, вокруг, сколько хватало глаз, не было ни единого живого существа, но охранники все равно ждали нападения на своего самого главного из всех вивов вива. Они шли с напряженными лицами, готовые к немедленному прыжку на вышедшего из леса собирателя ягод с корзиной или путника с клюкой, ощущая тяжесть оружия под пиджаками, контролируя зону справа и зону слева и обмениваясь короткими репликами, производимыми в крохотные микрофоны, зашитые в углы воротничков, и слышными в

наушники, вставленные на проводках в ушные раковины. Пес за их спинами наконец поднял голову и, раздирая большую пасть с розовым языком, сладко зевнул. С утра он зарыл в грядку с салатом косточку и теперь наслаждался жизнью. Женщина вышла на крыльцо и, приложив руку козырьком к глазам, смотрела гостю вслед. По выражению его спины она поняла, что он получил, что хотел. Ну, дай Бог тебе, странник.